

Министерство культуры Камчатского края
Краевое государственное бюджетное учреждение
«Камчатский краевой объединённый музей»

СЕРИЯ «ИЗ ФОНДОВ МУЗЕЯ»

П. Н. ДЬЯКОНОВ

ВРЕМЕНА КАМЧАТСКОГО ГОДА

Петропавловск-Камчатский
Холдинговая компания
«Новая книга»
2013

УДК 908(571.66)
ББК 26.89(2Р-4 Камч)
Д93

Редакционная коллегия:
О. В. Ефимова, С. В. Графская, С. В. Гаврилов

Дьяконов П. Н. Времена камчатского года. — Петро-
павловск-Камчатский: изд-во холд. комп. «Новая книга»,
Д93 2013. — 176 с., ил.

ISBN 978-5-87750-247-5

Книга основана на статьях, неопубликованных рукописях и материалах из фондов Камчатского краевого объединённого музея, принадлежавших старейшему работнику лесного хозяйства Камчатки, первому на полуострове заслуженному лесоводу РСФСР Павлу Николаевичу Дьяконову (1908—1971). Помимо профессиональной и научной деятельности он известен как великолепный популяризатор природоохранных знаний и талантливый литератор.

Издание осуществлено с целью сохранения и популяризации исторического и природного наследия Камчатского края. Рассчитано на широкий круг читателей, в первую очередь молодёжи и школьников, а также всех любителей природы.

УДК 908(571.66)
ББК 63.3(Камч)

Ответственная за выпуск О. В. Ефимова

Редактор-составитель С. В. Гаврилов

*Книга издана на средства Министерства культуры Камчатского края,
КГБУ «Камчатский краевой объединённый музей» и президента
холдинговой компании «Новая книга» С. П. Кожана*

На обложке акварель Г. Я. Чекунова «Вечер», 1993 г.
(из фондов КОКМ)

ISBN 978-5-87750-247-5

© Холдинговая компания
«Новая книга», 2013
© КГБУ ККОМ, 2013

ВРЕМЕНА И ГОДЫ ЛЕСОВОДА ДЬЯКОНОВА

Десять лет назад, 30 июля 2003 г., фонды Камчатского областного краеведческого музея (ныне Камчатский краевой объединённый музей) пополнились увесистой стопкой бумаг, включавшей восемьдесят восемь различных документов — писем, рукописей, дневников, текстов опубликованных и неопубликованных статей, некогда принадлежавших первому на нашем полуострове заслуженному лесоводу РСФСР Павлу Николаевичу Дьяконову (1908—1971).

Документы музею передал известный камчатский учёный-орнитолог, доктор биологических наук Евгений Георгиевич Лобков. Ему они, в свою очередь, достались от покинувшей в июне этого же года Камчатку дочери П. Н. Дьяконова — Валентины Павловны, просившей сохранить их и, по возможности, сделать доступными для научной и краеведческой общественности.

Эти документы, наряду с личным фондом П. Н. Дьяконова, хранящимся в Государственном архиве Камчатского края, позволяют составить подробное жизнеописание этого замечательного энтузиаста изучения и сохранения природных богатств полуострова, неутомимого популяризатора экологических знаний, да к тому же великолепного рассказчика и талантливого человека, увлечённого поэзией.

Биография житейская

П. Н. Дьяконов родился 6 марта (21 февраля по старому стилю) 1908 г. в деревне Дюковской Вельского уезда Архангельской губернии в семье крестьянина-бедняка. В семилетнем возрасте лишился отца — он умер в 1915 г. Мать

осталась с пятью малолетними детьми на руках: четырьмя дочерьми и единственным сыном. Семья, не имевшая лошади и потерявшая кормильца, не смогла вести крестьянское хозяйство, поэтому мать с дочерьми в этом же 1915 г. переехала в Архангельск. Здесь она устроилась на лесоперерабатывающий завод, где трудилась чернорабочей до выхода на пенсию в конце 1930-х гг. Павел остался в деревне на иждивении тётки и бабушки, помогал им вести хозяйство, познакомился с тяжким сельским трудом, «рано научился косить, пахать и сеять».

В 1916 г. он пошёл в школу-семилетку, в коей из-за отсутствия средств «учился на казённую стипендию». По окончании школы в сентябре 1923 г. поступил на лесное отделение техникума, открывшегося в старинном городе Вельске, что в Архангельской области. С детских лет мальчишка любил бродить со сверстниками по ближайшим к деревне перелескам. Далеко пацаны старались не заходить — в непролазной лесной глуши легко было затеряться. Но все же лесная обстановка была для него привычной и понятной. Правда, на склоне лет Павел Николаевич вспоминал, что если бы тогда, в юности, появилась возможность, то он выбрал бы мореходное училище — хотелось посмотреть мир. Но этого не случилось, и он поступил в лесной техникум. Выбор оказался, как говорится, судьбоносным: «специальности не менял за все сорок два года работы» [1, л. 7, 43].

За четыре года учёбы Павел последовательно прошёл курсы географии, математики, ботаники с дендрологией, физики с метеорологией, органической и неорганической химии, почвоведения с минералогией и геологией, общей и прикладной зоологии, лесоведения, геодезии с черчением, лесной таксации, лесоводства, лесоустройства и лесной экономики, лесной технологии и основ строительного и лесоинженерного искусства, охотоведения, основ сельского хозяйства, лесоуправления и делопроизводства, а также «лесной политики» и законодательства. Год изучал немецкий язык. Кроме того, «выполнил установленные учебным планом практические работы как в лаборатории, мастерских руч-

ного труда и чертёжной техникума, так и в учебно-опытном лесничестве, а также в лесных дачах и земельных участках вне лесничества и, сдав установленные зачётные работы, окончил названный техникум по лесному отделению». В 1926 г. вступил в комсомол.

23 августа 1927 г. Павел Дьяконов получил удостоверение об окончании техникума. Теперь ему в соответствии с постановлением Совнаркома РСФСР от 27 сентября 1926 г. предстояло отправиться на годичную стажировку [1, л. 8].

Уже 9 октября 1927 г. его назначили помощником лесничего Помоздинского лесничества областного лесотдела Коми АССР. С этого времени и до конца жизни он трудился «по специальности, всё время в отдалённых районах».

Помоздинское лесничество охватывало огромную территорию в верховьях реки Вычегды, простираясь до поселка Ухты. Народу здесь жило мало, природа во многом оставалась девственной, леса отличались богатой охотой. Но цивилизация постепенно наступала на эти заповедные места: начинались экспортные лесозаготовки.

Спустя полтора года Павлу Дьяконову доверили самостоятельный участок работы: 16 марта 1929 г. его назначили лесничим того же Помоздинского лесничества.

Лесничество по сложившейся в СССР практике являлось основной территориально-производственной единицей лесного хозяйства. В лесах государственного значения оно обычно входило в состав лесхозов, леспромхозов. Лесничество занималось восстановлением вырубок, уходом за ними, отводило лесосеки, следило за соблюдением правил рубки, охраняло леса от пожаров, вредных насекомых и болезней, помогало колхозам вести хозяйство в приписанных к ним угодьях. Территория лесничества подразделялась на объезды, то есть участки, и обходы. Руководил всем этим хозяйством и отвечал за его состояние лесничий. Штат лесничества составляли его помощник, объездчики (по числу объездов) и лесники (по числу обходов).

Еще через полтора года, 26 декабря 1930 г., П. Н. Дьяконов стал лесотехником Сыктывкарского леспромхоза, а 12 мая

1933 г. был повышен до старшего специалиста лесного хозяйства леспромхоза, переехал в столицу Коми АССР — Сыктывкар (на языке народа коми это название означало «город на реке Сыктыв»), ещё недавно называвшийся Усть-Сысольском. Но вскоре он попал под следствие.

В автобиографии, датированной 10 июня 1943 г., Павел Николаевич указывает: «Репрессии подвергался один раз в 1933 г. по статье 111-й Уголовного Кодекса, что в период руководства в крайкоме партии (Северный край) врага народа Вл. Иванова не составляло редкого явления». Упомянутый Владимир Иванович Иванов (1893—1938), один из высших партийных иерархов, член Центрального Комитета Всесоюзной Коммунистической партии (большеви́ков), возглавлял Северный крайком, деятельность которого охватывала и территорию Коми АССР, с марта 1931 по февраль 1937 г. В октябре 1936 г. он был назначен народным комиссаром лесной промышленности СССР, то есть стал прямым начальником Дьяконова. В. И. Иванов был арестован 1 ноября 1937 г., обвинён по делу «Антисоветского правотроцкистского блока» и приговорён к высшей мере наказания.

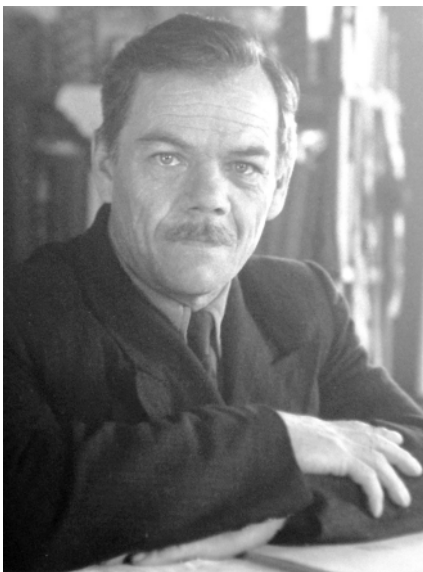
Статья 111-я Уголовного Кодекса РСФСР в редакции 1926 г. входила в третью главу «Бездействие власти» и звучала как «невыполнение должностным лицом действий, которые оно по обязанности своей службы должно было выполнить... а равно халатное отношение к службе, то есть небрежное или недобросовестное отношение к возложенным по службе обязанностям, повлекшее за собой волокиту, медленность в производстве дел и отчётности и иные упущения по службе...» В связи с этим хочется отметить, что известные нам и излагаемые ниже факты из служебной и творческой биографии П. Н. Дьяконова не позволяют усомниться в каком-либо его «халатном отношении» к порученному или добровольно принятому на себя делу. Скорее всего, причиной этой «репрессии» стал обычный донос.

В лесном хозяйстве Коми АССР П. Н. Дьяконов проработал в общей сложности семь лет. Здесь охрана, а позже

и изучение природы стали не только профессией, но и увлечением. Павел Николаевич много путешествовал во время отпусков. Во время одного из них на лодке и пароходе спустился по рекам Вычегде и Печоре, прошёл по морю до Архангельска и вернулся обратно. В другой раз он снова посетил верховье реки Вычегды, прошёл Печору до её притока Подчерема (современное название Подчерье), реку Илыч, вернулся к Печоре, по которой отправился домой. В очередной отпуск он побывал в Архангельске, прошёл морем до Нарьян-Мара, посетил бухты Чёрную и Грешную, миновал пролив Югорский Шар, добрался до посёлка Амдерма, затем до острова Вайгач, после чего последовал назад.

Такие путешествия позволяли получать более широкое и правильное представление о природных богатствах республики Коми и Ненецкого национального округа. В дороге познакомился со многими опытными местными охотниками, научившись у них поведению и способам выживания в суровых погодных условиях. Попутно фотографировал, позже, будучи дома, написал несколько заметок в газету «Правда Севера» и другие издания. Эти публикации стали его первым журналистским опытом и позволили приобрести начальные «литературные» навыки, в полной мере раскрывшиеся уже во время работы и жизни на Камчатке.

23 марта 1935 г. П. Н. Дьяконов зачислен специалистом по лесокультурам и лесному хозяйству Тумского райлесхоза Московской области. Но пребывание на Севере даром не прошло — тянуло к необжитым местам, к дикой природе. Так уже 15 декабря 1935 г. он оказался на Камчатке, где стал техническим руководителем Усть-Камчатского районного лесхоза. Путь на Камчатку «был трудный, но, в конце концов, успешный. Главная трудность — транспорт. Интересовали здесь, кроме камчатских сопок, что и где растёт, ведь мы очень мало знали о Камчатке. Север, где бы он ни был, всегда Север, хотя и более таёжный. Камчатка же представлялась каменными березняками, растущими по сопкам, и другими древесными породами, привлекала тундрами и огромной массой дичи».

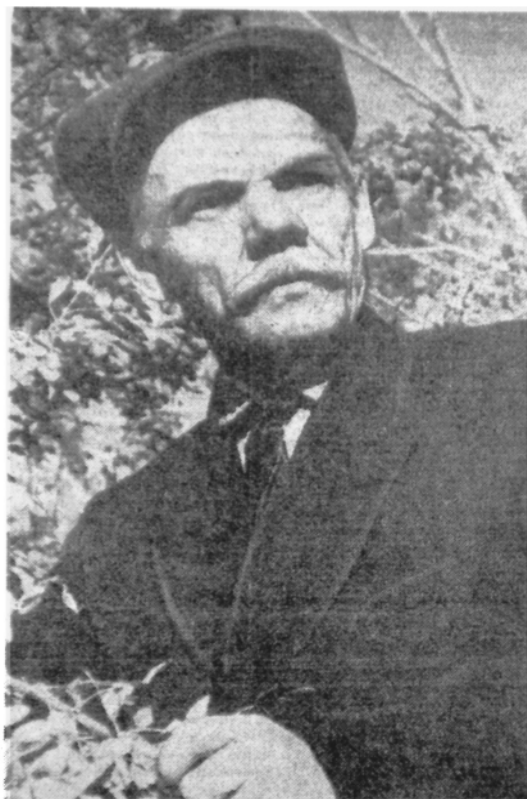
П. Н. Дьяконов в 1930-х и 1950-х гг. (из фондов КГБУ ГАКК)

П. Н. Дьяконов в 1966 г.
(из фондов КГБУ ГАКК)

Фото из газеты «Камчатская
правда», 1966 г.

личики и организовал Олоторское лесничество. Здесь ему впервые пришлось решать вопросы о рациональном совмещении интересов лесного хозяйства с развитием оленеводства в Корьянском национальном округе. И в этих условиях П. Н. Дьяконов проявлял заботу о сохранении и приумножении его природных богатств.

В период Великой Отечественной войны и послевоенные годы Павел Николаевич трудился в Петропавловском лесничестве, работал и начальником областного управления лесного хозяйства.

Сейчас в возглавляемом П. Н. Дьяконовым Усть-Камчатском лесничестве только за последние 2 года создано 70 гектаров лесных культур, на площади в 500 гектаров проведены работы по естественному возобновлению леса.

Старейший лесовод много сил приложил к изучению флоры Камчатки. Материалы, собранные им в результате изучения камчатских и чукотских лесов были обработаны совместно с Г. Ф. Стариковым и изданы. Это составило две книги — «Леса Камчатки» и «Леса Чукотки».

Павел Николаевич всегда среди молодежи, школьников и пионеров. Он выступает с беседами, печатает свои заметки в газетах и журналах, ведет большую переписку со многими учеными-лесоводами и биологами,

принимает активное участие в работе Географического общества. За многолетнюю и безупречную

службу награжден значками «X лет», «XX лет» и «XXX лет» службы в государственной лесной охране.

Лесоводы — дальневосточники сердечно поздравляют Павла Николаевича и желают богатую камчатского леса сил и здоровья.

Ю. ГРИДНЕВ.

Начальник Камчатского управления лесного хозяйства.

НА СНИМКЕ: П. Н. Дьяконов.

Фото Г. ГАНДУКЕВИЧА.

ХРАНИТЕЛЬ ЛЕСА

УКАЗОМ Президиума Верховного Совета РСФСР группе лесоводов республики за большие заслуги в развитии отечественного лесоводства присвоено почетное звание «Заслуженного лесовода РСФСР». Среди них и старейший лесовод Камчатки Павел Николаевич Дьяконов. Без малого 40 лет назад, в 1927 году в Помоздинском лесничестве Коми АССР начался трудовой путь Павла Николаевича. За семь лет было много исхожено по лесным дебрям обширного северного края.

Тяга к знаниям, к неповторимым по красоте и своеобразию северным лесам привела его в 1935 году на работу в Камчатскую область. Лесное хозяйство на Камчатке тогда еще только зарождалось. Работая в Усть-Камчатском районном лесничестве, Павел Николаевич внес много ценного в охрану лесов. Существующая ныне зеленая зона вокруг поселка Ключи, с замечательными по красоте комплексами растительности, — детище П. Н. Дьяконова.

Затем он переехал в Ти-

Статья из газеты «Камчатская правда», 1966 г.

Вскоре, научившись управляться с нартой и собачьей упряжкой, Дьяконов мог самостоятельно ездить везде, куда требовалось: до Верхнего Пенжино, Ачай-Ваяма, бухты Натальи, в Палану, Тигиль и другие селения. Пешком и на собаках он обошёл и извездил Камчатку почти от мыса Лопатки до границы с Чукоткой (как указывал он сам: «немного не доехал до Майна-Пыльгино»).

Трижды побывал на Ключевской сопке, правда, до вершины добрался только однажды. «Поднимались довольно хорошо, но застигнутые густым туманом на снежниках Ключевской сопки, и не найдя избушки вулканологов, спускались обратно вниз очень тяжело, да ещё в полную ночь. Путь по снежникам и оврагам был свыше тридцати километров, по пояс в снегу и без следа дороги».

Восходил на Шивелуч, Толбачик и Бакенинг, правда, на последний «не до верху». Покорил Ганальские востряки и Валагинский хребет, многие другие вершины. «Чукотку видел с земли только в её южной части» [1, л. 44].

За время этих путешествий пришлось пережить немало драматических эпизодов. Иногда жизнь висела, что называется, на волоске. В 1937 г. во время подъёма на Ключевскую сопку Павел Николаевич провалился в трещину. «Вернее, — вспоминал он, — просели нога и туловище, а всё остальное тело оказалось наверху». Подоспевшим на помощь товарищам удалось вытянуть его с помощью верёвки. Посмотрели вниз: по коже пробежал морозец. Глубина трещины превышала два десятка метров...

Как-то прошёл по прибойной полосе под снежным карнизом у отвесных обрывов мыса Гека. На обратном пути, спустя всего лишь полчаса, обнаружил, что прибойная полоса на несколько метров в высоту забита плотным снегом. Его огромная тяжёлая масса могла бы задавить любого путника.

«По восемь суток сидели вместе с другом в очень сильную пургу в палатке без печки, не имея возможности двинуться дальше или хотя бы покормить собак».

Случалось чувствовать себя и настоящим первопроходцем: однажды пришлось пробираться по совершенно нехо-

женому, крутому узкому пути из Верхней Пахачи в верховья реки Апуки. «Речку коряки знают, но путь очень тяжёл, буквально из отдельных льдин, высоких сплошных кустов и скал. Люди здесь совсем не проезжали... Вместе с собаками проходил двенадцать километров по наледи реки Пылговаям, потом пять километров двигался до кустарников. Было очень холодно, пока не развёл костёр и не отдышался. Мороз — свыше пятидесяти» [1, л. 45—46].

В этих сложных и опасных разъездах Павлу Николаевичу пришлось даже спасти людские жизни: из последних сил вытягивать из воды утопавших...

27 ноября 1940 г. П. Н. Дьяконов, уже опытный специалист, переведён в Петропавловское лесничество. Начальник Камчатского областного управления лесами М. Дугин вскоре так охарактеризовал деятельность своего подчинённого: «За период работы лесничим товарищ Дьяконов с работой справляется, план по сбору лесных доходов за 1941 г. Петропавловским райлесничеством выполнен на 107 % и за три квартала 1942 г. — на 104 %. В период работы в Петропавловском райлесничестве был инициатором организации социалистического соревнования в своём коллективе, а также вызывал на соревнование коллективы других лесничеств» [1, л. 22].

28 сентября 1942 г. вышел приказ № 21 по Камчатскому областному управлению лесами. Документ объявлял, что по решению Камчатского облисполкома от 14 августа 1942 г., с 1 октября 1942 г. организуется Олюторское районное лесничество. Основой его деятельности стало «Положение о лесах местного значения Хабаровского края», утверждённое Хабаровским крайисполкомом 9 августа 1942 г. (до 1956 г. Камчатская область входила в состав Хабаровского края).

«На организацию Олюторского лесничества и на постоянную работу после организации в должности лесничего перевести с 1 октября 1942 г. лесничего Петропавловского лесничества тов. Дьяконова Павла Николаевича» [1, л. 21].

В это время произошло важное личное событие — в 1942 г. родилась дочь.

На новом месте трудился до середины ноября 1944 г., проведя большую организационную работу, после чего вернулся в Петропавловск. «За сравнительно небольшой период работы в Олюторском райлесничестве товарищ Дьяконов обследовал большую территорию лесов и собрал материал о лесосырьевых ресурсах района». План «по лесным доходам» новое лесничество за первое полугодие своего существования выполнило на 90 %. Здесь вновь проявилась его склонность к научной работе: в 1943 г. составлена первая карта олюторских лесов, написана статья «Лесные ресурсы Олюторского района».

13 ноября 1944 г. Павел Николаевич вновь назначен лесничим Петропавловского лесничества. На этом посту одной из его заслуг является сбережение заповедного леса на Никольской сопке, того самого, в котором шёл решающий бой во время знаменитой Петропавловской обороны 1854 г.: во время войны нашлось немало желающих заготавливать здесь дрова, как из числа горожан, так и руководителей некоторых предприятий.

Вскоре он поднялся на очередную ступеньку служебной лестницы. Приказ № 9 по Камчатскому областному управлению лесами местного значения от 20 июля 1946 г. гласил: «На основании решения № 335 от 16 июля 1946 г. исполкома Камчатского областного Совета депутатов трудящихся, с 20-го сего июля вступил в исполнение обязанностей начальника Камчатского областного управления лесами местного значения. Начальник областного управления лесами *Дьяконов*» [1, л. 27].

В ноябре 1946 г. он вступил ВКП(б). Спустя короткое время — с 1 октября 1947 г. — назначен директором Петропавловского лесхоза. Официально в этой должности был утверждён Москвой 13 января 1948 г. Вот датированная этим днём выписка из приказа по Главному управлению лесами Восточной Сибири и Дальнего Востока: «Дьяконова Павла Николаевича утвердить в должности директора Петропавловского-на-Камчатке лесхоза». Приказ подписал начальник управления М. Гаврин [1, л. 30]. Обращает на себя

внимание наименование лесхоза — «Петропавловский-на-Камчатке», хотя уже почти четверть века город, в окрестностях которого раскинулись его лесные угодья, именовался «Петропавловском-Камчатским».

Лесхозы обычно включали несколько лесничеств. Помимо забот собственно лесничеств, эти предприятия вели лесозаготовки и занимались производством товаров из древесины, сенокошением, сбором грибов, ягод, лекарственных трав для населения.

Организационные способности руководителя были быстро оценены. Приказом по Хабаровскому краевому управлению лесного хозяйства от 12 марта 1948 г. «для укомплектования отдела охраны леса директора Петропавловского лесхоза товарища Дьяконова П. Н. освободить и перевести в аппарат краевого Управления лесного хозяйства». Теперь ему следовало к 20 апреля сдать дела старшему лесничему З. С. Ивановской, выехать в Хабаровск, а перед вступлением в новую должность до 1 июля 1948 г. отгулять подоспевший очередной трудовой отпуск [1, л. 31]. Из него, кстати, он вышел досрочно: 27 июня 1948 г. стал начальником отдела охраны леса Хабаровского краевого управления лесного хозяйства.

3 марта 1953 г. начальник управления Г. Ф. Стариков подписал производственную характеристику П. Н. Дьяконова: «Инициативный, прекрасно знающий своё дело работник. Морально устойчив, политически развит и выдержан. Систематически работает над повышением своих технических и политических знаний. Заботу о молодых специалистах проявляет. Как недостаток, не всегда дисциплинирован и требователен к себе и подчинённым. Имеет склонность к научной работе. Хороший общественник. Авторитетен среди членов коллектива. Занимаемой должности соответствует» [1, л. 35]. Авторитет, действительно, имелся, и не на словах: с 1949 по 1953 г. П. Н. Дьяконов несколько раз избирался членом Хабаровского краевого комитета профсоюза работников лесной промышленности и его президиума.

В кругу семьи. Жена Мария Александровна Дьяконова (Жомарова) и дочь Валентина (из фондов КГБУ ГАКК)

Минуты отдыха: на рыбалке с дочерью (из фондов КГБУ ГАКК)

Апрель 1958 г. в пос.
Ключи
Дом лесничества, вдали
(на север) слева части
Заречного хребта, дальше
Шивелуч
Полномочу

Автограф П. Н. Дьяконова: «Апрель 1958 г. в пос. Ключи. Дом лесничества, вдали (на север) слева части Заречного хребта, дальше Шивелуч» (из фондов КГБУ ГАКК)

Вспоминая об этом периоде жизни, П. Н. Дьяконов, записал: «Находясь в крае, пришлось побывать в самых разных местах. Побывали мы с Г. Ф. Стариковым на Омолоне, Большом и Малом Анюях, на Анадыре и даже у залива Креста. Вместе с Г. Ф. Стариковым написаны три книги: “Леса Камчатки” (два издания) и “Леса Чукотки”...» Последнюю книгу специалисты оценили по достоинству. Рецензия на неё, написанная В. В. Никольской и В. П. Чичаговым, опубликованная в 1958 г. в «Известиях Всесоюзного Географического общества», заключала: «С точки зрения общегеографической, “Леса Чукотки” — это одна из наиболее удачных научно-популярных книг, написанных о Чукотке за последние годы» [2, л. 2].

П. Н. Дьяконов продолжает: «Много летал на самолётах. Имел длительные (по неделям) остановки в разных пунктах Магаданской области». Во время одной из таких командировок в сентябре-октябре 1952 г. он со спутниками осмотрел с воздуха и описал огромную площадь лесных угодий Колымы, Чукотки и Камчатки.

«Интересно, что за всё это время помимо многих обязанностей была главная — охрана лесов от пожаров. Это не всегда интересовало, но всегда обязывало».

Но кабинетная работа, пусть интересная и связанная с частыми поездками по краю, всё же тяготила. Отдушиной стали короткие выезды в лес, и не столько на объявленную охоту, сколько для уединения или общения с родственными душами — простыми лесниками. Тянуло назад — к нетронутой природе, на Камчатку. Это желание осуществилось в ноябре 1955 г. — Павла Николаевича назначили директором Усть-Камчатского лесхоза «с резиденцией» в поселке Ключи. Позже одной из причин возвращения на полуостров он назвал состояние здоровья — одолевали приступы стенокардии [3, л. 5]. Возможно, сказались перенесённые труды и лишения детства и юности.

13 декабря 1955 г. он с семейством — женой Марией Александровной, дочерью и верным псом Амуром — отправился в Петропавловск.

Этот путь и новую встречу с Камчаткой Павел Николаевич описал в своём дневнике.

«13-го выехали из Хабаровска. Провожали друзья, в городе и в пути. Проехали благополучно.

17 декабря. В 16 часов дня на пароходе “Азия” выехали в Петропавловск. Класс второй, каюта 199. Первого класса не достали, хотя народу немного. Амур ведёт себя хорошо.

19 декабря, через двое суток, к вечеру, показался Сахалин. Японское море проехали хорошо, качало мало, только на зыби, хотя мои лежали. Амур бегаёт по трапам как настоящий моряк. Тепло, никаких льдов.

21 декабря в 18 часов прошли Четвёртый Курильский пролив. Охотское море к Курилам стихло...

22 декабря вечером вошли в бухту. Надо сказать, прошли очень удачно... В Петропавловске тепло и идёт сырой очень мелкий снег. Ночевали на судне, так как пришвартовались только ночью.

Бог мой, на берегу ручьи, лужи и целые болота, а мы в валенках. Хорошо, что через случайного посыльного Гоша Гайдукевич (Гавриил Захарович Гайдукевич — известный камчатский фотожурналист, живший в Петропавловске, знакомый с Дьяконовым с конца 1930-х гг. — *Ред.*) послал резиновую обувь, и мы сошли.

Петропавловск, хоть и в снегу, но по сравнению с другими годами его мало. Погода сырая, пасмурная. Прошёл один циклон с ветром, а в остальном — тихо. Улететь нелегко».

В камчатской столице Дьяконовым пришлось задержаться в ожидании самолёта до Ключей. Здесь встретили Новый, 1956-й, год. Отправиться в полёт удалось только 11 января: мешало ненастье. «Погрузились на ЛИ-2 и вылетели. Погода пасмурная и видимости нет. Курс на Ключи, но если Козыревск ещё видать, то Ключи найти не могли. С трудом сели в Козыревске, где нас самолёт и вытряхнул...» [4, л. 1—3 об.].

В своём хозяйстве дело охраны лесов от огня и лесонарушений Дьяконов поставил хорошо. В течение 1956—1965 гг. не допустил ни одного пожара. За 1964—1965 гг. было

высажено 70 гектаров лесных культур и проведены работы по содействию естественному возобновлению растительности на площади в 500 гектаров [5, л. 7].

В 1960 г. Павел Николаевич по состоянию здоровья — сердце пошаливало всё чаще и чаще — был вынужден оставить пост начальника лесхоза. Вначале стал главным лесничим леспромхоза в Козыревске, а затем — лесничим Усть-Камчатского лесничества с «резиденцией» в Ключах. Здесь семья поселилась на улице Кирова в доме номер 72. В этот период жизни приходилось выполнять и партийные поручения: избирался членом бюро и секретарём Ключевской сельской парторганизации.

Профессиональные обязанности были весьма многочисленными. Одна из них: проведение научных охот. Об одном таком «научном охотсезоне» в 1965 г. Дьяконов докладывал Камчатскому областному управлению охотничьего хозяйства. По ряду обстоятельств полевых выходов в этом сезоне было сделано мало, поэтому и дичи удалось добыть немного.

Утром 27 апреля в урочище Эульчинок подбил глухаря-самца весом 3,8 кг. «Семенные железы сильно увеличены. Токовал очень азартно, несмотря на пасмурное утро».

18 мая на реке Камчатке подстрелил кулика, ещё не подававшего голоса. Кулики запели только 22 мая. В этот же день снова посетил глухариный ток в Эульчинке. Сейчас не стрелял. Самцы токовали весьма азартно, но самки почти не попадались.

25 мая на озере Гренадер «для определения вида» добыл несколько державшихся табунками куликов-самцов.

4 июня недалеко от Ключей подстрелил самца бледного дрозда, также «для определения вида».

Через день в семь утра в Эульчинке взял очередного глухаря-самца весом 3,6 кг. «Азартно пел, семенники ещё сильно увеличены, хотя у глухарок (три гнезда от семи до девяти яиц) полные кладки и кровавое пятно в яйце уже больше ногтя на большом пальце».

Глухари в Эульчинке заводили свои песни последний раз в середине июня. С 19-го числа их уже не было слышно.

22 июня нашёл два глухариних гнезда с яйцами, а на следующий день выяснил, что выводки их уже покинули.

8 июля в зелёной зоне поселка Ключи обнаружил семь порхающих глухарят.

20 июля в Эульчинке из выводка в девять штук добыл двух глухарят: самца весом 440 и самочку в 410 граммов. «Все глухарята хорошо летали, хотя стремились побыстрее сесть. На деревьях сидели крепко, а севшие на землю, в траву, убегали. Выводок кормился на поляне, занятой двухлетней культурой сосной» [6, л. 1].

Помимо основных забот случалось участвовать в научных экспедициях в качестве эксперта. Так, 29 июня 1967 г. Камчатская лесная опытная станция в лице её директора кандидата сельскохозяйственных наук В. А. Афанасьева обратилась с просьбой принять участие в обследовании «для установления их водоохранно-защитной роли» каменноберёзовых лесов и стлаников в верховьях реки Камчатки. «Надеемся, что Ваш многолетний опыт и знание условий Камчатки окажут большую помощь исследовательской группе, работающей в этом районе» [7, л. 12].

Шли годы, трудиться ввиду ухудшавшегося здоровья становилось всё сложнее: «Работать в лесничестве становится физически не по силам, а не работать юридически ещё нельзя...» [7, л. 16].

Значительную часть жизни П. Н. Дьяконов вёл дневники, отражавшие состояние природы, хозяйственную деятельность, включавшие мелкие бытовые подробности, сейчас помогающие понять, как жили люди на Камчатке в середине прошлого века. Ведение подобных записей входило и в профессиональные обязанности. Затем на их основе составлялась отчётная документация, велась служебная переписка. А позже строки рабочих тетрадей и дневников ложились в основу его научных и научно-популярных статей и брошюр.

Вот фрагменты «Дневника исследователя» за 1966 г., повествующие об одном, вполне рядовом, извержении крупнейшего вулкана Азии — величавой красавицы Ключевской сопки. Дымил её «паразит», то есть боковой кратер.

По служебной надобности: в бате...

...и на лодке (из фондов КГБУ ГАКК)

Раздумья на фоне камчатской природы

	1962	1961	1958	1957	1956	1950
1. Воронки в лесу у деревьев	4/II	8/II	4/II	14/II	20/II	22/III
2. Лужа в провале около лесочка	12/II	14/II	19/II	23/II	22/II	19/II
3. Ледоход на р. Камчатке у Ключей	22/II	5/II	1/II	14/II	10/II	8/II
4. Выход муравьев на поверхность		5/II	29/II	14/II	10/II	8/II
5. Первая песня жаворонка	24/II	26/II	4/II	26/II	26/II	24/II
6. Появление белой трясогузки	24/II	23/II	30/II	26/II	20/II	23/II
7. Прилет речной чайки	28/II	3/II	9/II	4/II	7/II	9/II
8. Появление бабочки крапивницы		13/II	—	28/II	12/II	24/II
9. Первое кукование кукушки	24/II	9/II	1/II	3/II	6/II	4/II
10. Первая песня серошейной поганки	11/II	12/II	—	—	20/II	18/II
11. Блуждание бекаса		11/II	17/II	30/II	17/II	—
12. Полная кладка яиц у вороны		14/II	—	8/II	3/II	—
13. " " " у сойки		—	24/II	31/II	26/II	—
14. Оголоение Заречного хребта	11 1/2 I	20/II	1/II	29/II	31/II	22/II
15. Начало пахоты огородов		28/II	27/II	24/II	28/II	23/II
16. Начало посадки картофеля		29/II	4/II	4/II	4/II	28/II
17. Набивка ледников населением		19/II	—	4/II	21/II	26/II
18. Первые проталины в огороде		—	—	1/II	24/II	25/II

Страница дневника фенологических наблюдений в окрестностях пос. Ключи в 1956—1962 гг. (из фондов КГБУ ГАКК)

«19 октября. Погода опять хорошая, солнечная, хотя в Петропавловске с дождичком. Задымление от паразита всё же развернуло в нашу сторону и сегодня ночью сажа выпала в Ключах. Немножко, но достаточно, чтобы загрязнить вывешенное на ночь сырое бельё.

С утра вся сопка и паразит в дыму, хотя и белом, но непрозрачном. Весь день, хотя и немного, но сажа выпала над селом. Вечером огонь паразита виден опять, но днём ни о какой фотосъёмке и речи не было — всё в дыму.

20 октября. Восход очень красный. Потом затянуло каким-то туманом. Паразит работает, весь в дымовой завесе, не просматривается. Сопка дымит, хотя и в мизерном количестве, но на село падает [пепел]. Ветер южного направления, что крайне редко...» [8, л. 10 об.—11].

А вот выдержки из дневника, начатого 25 июля 1967 г. в Ключах:

«25 июля. Погода переменная, но без осадков. К вечеру проглядывало солнце. Грибов всё ещё нет. Жимолость носят, голубика ещё зелёная. К вечеру отдельным лицам удалось собрать по три-пять грибов, но это очень мало.

26 июля. Утром туман, холодно — до плюс пяти. День тоже холодный, переменный, но к вечеру проглянуло солнце.

27 июля. День серый. Утром плюс десять. Дороги сухие. Авиация работает. Вчера в разных местах видели четыре выводка глухарят. Два уже подпархивают, а два ещё убегают, прячутся.

Вечером подморосил очень мелкий дождичек, и довольно тепло...

30 июля. И солнечно, и жарко. Утром сопки открывались, но днём заклубило тучами. Ещё 28-го картошка вся дружно покрылась цветами. Мух в комнате в этом году очень мало. Липучки совсем не требовались. Интересно — влетят в комнату и кружатся у стекла, но иногда подымают, хотя стёкла ничем не обрабатывались. Потолок и лампочка совсем не имеют мушиных отметок.

31 июля. Очень тепло, солнце и облака. Вечером слегка, очень слегка приморосило. Ночью прошёл дождь с силь-

ным ветром — много листья оторвало с тополей. Оборвало и последние раскрывшиеся плети, ещё днём кое-где висевшие одиночно. Тополь закончил сброс семян.

12 августа. Потоп, если не всемирный, то, во всяком случае, порядочный. Лило всю ночь, и льёт с утра, плюс двенадцать. Тишина. Кюветы не перейдёшь, да и ямки на дороге в озёрки превращаются.

А тут ещё позавчера погорело на лесозаводе (сгорела одна пилорама — замыкание) и нет света, а ночи уже длинные. Правда, к вечеру свет дали, и также ветерок с запада начался, но льёт ещё сильнее, и похолодало до плюс шести. Огурцам конец. В общем, собрали их ведро с шести раз...» [9, л. 2—6].

Некоторые сведения об этом периоде жизни семьи Дьяконовых можно найти в книге воспоминаний профессора Май Тимофеевны Мазуренко «Дорогой мой ботаник», изданной в Москве в 2006 г., рассказывающей о деятельности её мужа и коллеги — доктора биологических наук, профессора-ботаника А. П. Хохрякова. Супруги-учёные дважды побывали на Камчатке, при этом оба раза гостили у Дьяконовых. Первая встреча состоялась в конце июля 1967 г.: «В Ключах устраиваемся в лесничестве. Директор — знаменитый на всю Камчатку и за её пределами лесовод Павел Дьяконов. Маленького роста, со светлыми усами, пожилой, но ещё бодрый крепыш.

Дальнейшая наша жизнь в Ключевском лесничестве идёт под опекой его энергичной супруги Марии Александровны. Типаж достойный капитанши из “Капитанской дочки” А. С. Пушкина. Мария Александровна командует лесниками, как и своим тихим супругом. Срочно приказано топить для нас баню.

Лежим на крыше, загораем. Любуемся и удивляемся огороду и теплице Марии Александровны. На крыше сохнут газеты. Переборка, этикетирование и прочие заботы о гербарии идут под аккомпанемент рассказов Марии Александровны. Она пережила ленинградскую блокаду, ухаживала за матерью Дьяконова, который все долгие военные годы

был на Камчатке и ничего не знал о семье, не знал, что мать и его дети погибли в блокаду. В живых осталась только Мария. Вместе с Павлом она объездила весь север и юг Камчатки. У них растёт дочь Валя. Дьяконов написал книгу “Леса Камчатки”.

По мнению Дьяконова, с ботанической точки зрения Ключевская сопка не очень интересна, хотя все ботаники стремятся побывать на самом высоком и к тому же действующем вулкане. Он посоветовал нам подняться на другой, уже давно не действующий вулкан Харчинский, противоположный Ключевскому. Там хорошо выражена горная тундра, высоты значительные...

Жизнь в Ключах мы вспоминали с большим удовольствием. Собрали большой материал».

Ещё несколько записей Павла Николаевича, сделанных им через год с небольшим, уже в Петропавловске, где семья жила с начала 1968 г. на улице Горького. Теперь он трудился заместителем председателя президиума Камчатского областного совета Всероссийского общества охраны природы. Помимо прочего, эти записи ценны тем, что позволяют судить о том, насколько изменился и изменился ли вообще наш климат за истекшие четыре с лишним десятилетия.

«29 ноября 1968 г. Ночью был сумасшедший ветер, всё гремело, но днём, в общем, тихо. За ночь ещё выпало снегу, и теперь можно считать, что земля закрыта, и зайца издали уже не увидишь.

3 декабря 1968 г. На дворе, у нашего дома сегодня показались чечётки, три штуки.

4 декабря 1968 г. Ну и ночь! Сильнейший ветер с дождём и сырым снегом. Днём, с утра тепло, но ещё несло слякоть, и к вечеру подморозило. Гололёд. На судоверфи шёл сильнейший ливень без снега» [9, л. 52].

Приведём строки дневника за 1969 г., по горячим следам сообщающие о страшной трагедии, пришедшейся на начало февраля:

«Январь был серый, тёплый. В городе без ботинок нельзя. Лишь самый конец ясный.

Февраль. Сразу с холодов. Весь февраль, даже в городе, мы ходим в валенках. 6-го началась и 7-го кончилась страшная пурга, и снегопад наделал бед. Развалило тринадцать домиков, погибло более ста сорока человек, а машин по дороге в Елизово было остановлено более тысячи штук.

Несколько меньшая пурга 10—11 февраля. Остальное время ясно и холодно. Чечёток не стало видно, возможно откочевали. Но снегири перебрались в город. К концу месяца также свиристели освоили помойки.

Март начался также с холодов...» [9, л. 52—53].

Здесь следует пояснить. Автор пишет о сходе лавины на Сероглазку, накрывшей частные дома. При этом погибло несколько (но никак не «более ста сорока человек»). По воспоминаниям старожилов, по городу потом долго гуляли слухи о том, что лавина сошла якобы из-за ракеты, пущенной военными. Но подтверждения они не нашли...

Вторая встреча М. Т. Мазуренко с Дьяконовыми произошла в сентябре 1969 г. в Петропавловске, после Всесоюзного совещания «Биологические ресурсы суши Камчатки»:

«Взяли такси и отправились на соседнюю сопку, в другой район Петропавловска, к Дьяконовым. Они к тому времени переехали из Ключей в Петропавловск. Старик Дьяконов больной, на пенсии. Мария Александровна извлекла максимум пользы из его регалий. Сотрудники лесничества обеспечивают их дровами. Квартира в новом пятиэтажном типовом доме с печным отоплением. И это удобно. Мария Александровна не думает расставаться с печью, как это делают почти все её соседи. Такие же печи стояли и в Магадане. Но очень быстро в начале семидесятых годов печи были полностью выброшены. (Печью автор ошибочно называет кухонную плиту, топившуюся дровами или углём. Отопление в доме было центральным. — *Ред.*) Едим фирменные с пылу с жару пирожки Марии Александровны. Уют и любовь. Как же нам было там хорошо!»

За долголетний и безупречный труд П. Н. Дьяконов был последовательно награждён тремя ведомственными знаками отличия — «X лет», «XX лет» и «XXX лет службы

в государственной лесной охране». В зрелые годы его заслуги перед отраслью были отмечены рядом высоких наград. За успехи в развитии отечественного лесоводства 13 июня 1966 г. указом Президиума Верховного Совета РСФСР ему присвоено почётное звание «Заслуженный лесовод РСФСР».

На известие об этом откликнулось множество государственных и общественных организаций, коллег, друзей и знакомых Павла Николаевича. Так, 15 июля 1966 г. он получил поздравительную телеграмму начальника Камчатского управления лесного хозяйства Ю. М. Гриднева: «Ключи Камчатской области, лесничество, Дьяконову Павлу Николаевичу. Дорогой Павел Николаевич! Камчатское управление поздравляет Вас с присвоением почётного звания заслуженного лесовода РСФСР. Желаем здоровья, дальнейшей успешной деятельности по сохранению и приумножению лесных богатств Камчатки, счастья в личной жизни» [5, л. 10].

Приказом по Министерству лесного хозяйства РСФСР № 395 от 5 сентября 1966 г. за «активную работу по сохранению и восстановлению лесов» были награждены участники Всероссийского совещания лесничих. Им вручён учреждённый постановлением Совета Министров РСФСР от 10 июля 1964 г. № 386 знак «За сбережение и приумножение лесных богатств РСФСР». По Камчатской области таким отмечен П. Н. Дьяконов, тогда лесничий Козыревского лесхоза [1, л. 42].

6 сентября 1966 г. указом Президиума Верховного Совета РСФСР с формулировкой «за успехи в выполнении заданий семилетнего плана» П. Н. Дьяконов награждён орденом Трудового Красного Знамени [5, л. 1 об.].

В феврале 1968 г. связи с 60-летним юбилеем со дня рождения и 40-летием начала трудовой деятельности, а также 50-летием со дня выхода первого номера газеты «Камчатская правда» по представлению Камчатского управления лесного хозяйства ему вручена почётная грамота обкома КПСС и облисполкома, а по поручению Министерства лесного хозяйства РСФСР — именные часы [5, л. 12, 18].

В июне 1969 г. Павел Николаевич вышел на пенсию. Его заслуги в развитии лесного хозяйства Камчатской области, вклад в охрану и изучение природы были оценены назначением особой — повышенной, так называемой «персональной пенсии республиканского значения». Теперь он именовался «персональным пенсионером РСФСР». Но по мере сил продолжал трудиться как на ниве лесохозяйственной науки, так и в области просветительства, будучи действительным членом Камчатского отдела Всесоюзного Географического общества (ВГО), вёл большую переписку со многими учёными-лесоведами и биологами, состоял членом научно-технического совета при Камчатской лесной опытной станции [5, л. 11]. В июле 1970 г. составил заключение о «Рекомендациях по ширине запретных полос вдоль нерестовых рек в среднем течении реки Камчатки».

В последние годы жизни он очень тесно сотрудничал с главной областной газетой «Камчатская правда», публиковался и в молодёжном издании — «Камчатском комсомольце», выступал по радио и телевидению, вёл большую работу среди населения, молодёжи, школьников и пионеров по популяризации лесных богатств Камчатки.

Павел Николаевич Дьяконов скончался в Петропавловске 5 декабря 1971 г. Его похоронили на Халактырском кладбище, на аллее, что недалеко от бывшего, сейчас уже основательно «застроенного», центрального входа. Рядом спустя двенадцать лет упокоилась его супруга — Мария Александровна Дьяконова (22.06.1907—18.10.1983).

Земной путь лесоведа Дьяконова завершился более сорока лет назад, но его научное и творческое наследие живёт и продолжает служить нашей Камчатке, чему свидетельством является книга, которую ты, читатель, держишь сейчас в своих руках.

Значительная часть его публикаций вышла уже после смерти автора. В первую очередь это относится к «Зелёному другу Камчатки» — выпущенной Камчатским отделением Дальиздата в 1973 г. брошюре, адресованной всем любителям и пользователям природы, в особенности юным.

Частное фото А. В. Богданова.
Редактор И. А. Билибинский.

КАРТОЧКА ПОЧТОВАЯ

Коллектив треста "Камчатлес" сердечно поздравляет Вас с шестидесятилетием со дня рождения. Желаем Вам, уважаемый Павел Николаевич, доброго здоровья, личного счастья, долгих лет жизни и плодотворных успехов в работе на благо нашей любимой Родины.

Управляющий трестом "Камчатлес"

39

П. ЕФРЕМОВ.

Куда Облисполком

Управление лесного хозяйства

Кому ДЬЖОНОВУ

Павлу Николаевичу

Адрес отправителя:

трест "Камчатлес"

Художник Б. И. Арцыменев.
Редактор Е. Д. Анискин.

Мела

КАРТОЧКА ПОЧТОВАЯ

"Камчатская правда" сердечно поздравляет Вас, нашего читателя и друга, с наступающим Новым годом.

1968 год знаменателен и для газеты — пятьдесят лет тому назад, 28 февраля, вышел первый номер "Камчатской правды". Будем благодарны Вам за советы и пожелания, которые пришлете своей газете.

Желаем Вам доброго здоровья, новых успехов в труде на благо любимой Родины и большого счастья.

37

Петр. тип. Зак. 6505. Тир. 600.

Издание Министерства связи СССР. А 11070 10/V 1967. МЛФ Госнака. Зак. 1968. Цена художественной карточки с маркой 4 коп.

КОКМ ОП 35027/30

Куда Камчатская обл.

Учреждение Камчат. р-н. Ключи
ул. Кирова 72

Кому Дьжонову

Павлу Николаевичу

Адрес отправителя:

Поздравления от коллективов треста «Камчатлес» и редакции газеты «Камчатская правда» (из фондов КГБУ ККОМ)

Памятники М. А. Дьяконовой (1907—1983) и П. Н. Дьяконову (1908—1971) на Халактырском кладбище в Петропавловске.
Фото С. В. Гаврилова, август 2011 г.

М. А. Дьяконова (Комарова)
(из фондов КГБУ ГАКК)

Портрет П. Н. Дьяконова
на надгробном памятнике

Относительно недавно его опубликованное научное наследие пополнилось двумя материалами, вошедшими в составленный Камчатским филиалом Тихоокеанского института географии Дальневосточного отделения Российской академии наук сборниками научных трудов «Биология и охрана птиц Камчатки». Второй выпуск за 2000 г. включает его статью «Птицы долины реки Камчатки» (с. 16—25), седьмой за 2006 г. — в разделе «Краткие сообщения» (с. 116) воспроизводит статью «Орнитологическая фенология долины реки Камчатки», подготовленные современными учёными.

Словно завещание сейчас звучат его слова, когда-то адресованные лесоводам, но являющиеся актуальными и для всех нас [1, л. 46]: «Любите природу, особенно леса, но не “вообще”, а в деталях. Вникайте, записывайте каждый её шаг, каждый штрих, каждую мелочь. В дальнейшем это очень пригодится».

Штрихи творческой биографии

Считается что, талантливый человек талантлив во многом. Отдельные страницы жизнеописания П. Н. Дьяконова можно посвятить его поэтическому творчеству. Следует отметить, что сам он себя поэтом не считал, сказав по этому поводу, что никогда не ставил цели быть им. Первые стихи написал ещё в начале тридцатых годов, множество их, иногда, по отзывам, неплохих, бесследно растерял, не придавая им никакого значения. «Я пишу то, что застучит, запросится наружу именно в данную минуту. Отсюда иногда краткость, чёткость и лиричность отдельного образа при почти всегдашнем отсутствии глубины содержания. Когда-то одна из моих читательниц метко назвала стихи игрой настроений. Там же, где содержание есть, оно слишком личное и не для печати...» [7, л. 3].

В сентябре 1958 г. два стихотворения: «Осенний пейзаж» и «Утро» — были опубликованы в «Камчатской правде» и хорошо приняты читающей публикой, хотя и отметившей некоторые недостатки. Почти в каждом его произведении

присутствуют подкупающие лиричностью строки, показывающие, что автор тонко чувствовал и понимал окружающий мир. Но многие творения ещё нуждались в серьёзной доработке, улучшении «глубины содержания», дабы приобрести большее «общественное звучание». Нередко найденные удачные образы или сравнения кочевали из одного стихотворения в другое.

В октябре этого же года он в одном из писем отметил, что усиленно работать над стихами ему, пожалуй, уже поздновато. «Мне пятьдесят лет. Коронаросклероз, стенокардия, спазмы мозговых сосудов и даже инфаркт, все они уже вошли в мой больничный “послужной список”, и мне не особенно разрешают сейчас не только физическую, но и мозговую нагрузку. А есть дела, на мой взгляд, поважнее...» Тогда «делом поважнее» ему казалось возможное, но не осуществившееся, второе переиздание книги «Леса полуострова Камчатки», причём серьёзно переработанной. «Мой друг (Г. Ф. Стариков. — *Ред.*) вряд ли на этот раз примет участие, и если работать, то одному...» А для этого сил оставалось уже мало.

Объективная оценка его поэтического творчества содержится в переписке с камчатскими и дальневосточными литераторами. 24 сентября 1958 г. заведующий отделом культуры и быта «Камчатской правды» В. Акимов сообщил Дьяконову, что получил его стихи с положительным отзывом от известного дальневосточного писателя, в молодости отмеченного самим А. М. Горьким, Василия Тимофеевича Кучерявенко.

Самому В. Акимову особенно понравилось стихотворение «Осенний пейзаж». Но и в нём было, что улучшить: «Слабы последние две строчки, в которых Вы снова (первый куплет) возвращаетесь к берёзе и утверждаете “простую, суровую красоту”. Хотя суровой красоты не видно в “осеннем пейзаже”. Портит хорошее стихотворение и третий куплет. Это уже лишние мазки к тому, что Вы сказали выше.

Лаконично и ярко четверостишье:

*Я у моря... Ничего не тревожит
Этой глади без края и дна.
Только гальку песчаную гложет,
Набегая на берег, волна.*

Но, дорогой Павел Николаевич, учтите, что это четверостишие — только картинка — не более! В ней ещё нет глубокой поэтической мысли. Вы нарисовали то, что увидели, но не осмыслили увиденное.

В Ваших стихах очень много ещё созерцательности, которая приводит к лёгкости, описательности. Мне кажется, Вам следует в своих стихах идти, если так можно выразиться, не вширь, а вглубь. Больше давать пищи для размышлений читателя!» [7, л. 1—2].

Хорошие отзывы приходили и от других знатоков поэзии, например, хабаровчан Смолякова, Тельканова, Наволочкина: «Безусловно, Вы человек одарённый и можете писать здорово!» Но и они тоже высказывали замечания. Схожую оценку дал мэтр советской поэзии — сам Александр Трифонович Твардовский, главный редактор очень популярного в те годы «толстого» литературного журнала «Новый мир» [7, л. 3—4]. К чести автора, сам он ничего не предпринимал, чтобы собрать положительные отзывы — они всегда делались энтузиастами, и, видимо, оттого, что дьяконовские стихи задевали какие-то струнки в их душах.

В 1962 г. стихи Павла Николаевича были опубликованы в пятом номере литературного журнала «Дальний Восток». Это была уже вполне профессиональная оценка. Их благоприятно отметило бюро литературной консультации при Хабаровском отделении Союза писателей СССР. 28 февраля 1962 г. Степан Авксентьевич Смоляков, известный поэт, долгое время заведовавший секцией поэзии, написал автору: «Присланные четыре стихотворения не вызывают особенных замечаний, стихи добротные, литературно гладкие. Правда, Вы сами согласитесь, что когда приходят ваши стихи и, скажем, Арсения Семёнова (тоже камчатца), то те — сильнее, свежее, моложе. И редакция отдаёт, естественно, предпочтение последним.

Интереснее нам показались “Зимняя тундра” и “Ночь на Анадыре”. Правда, в первом есть шероховатости, которые снижают звучание стихов. Вроде:

Собаки немного вздохнут...

Хотя речь идёт об “отдохнут”.

Да сверкает в лицо / далекая звездная пыль...

“Сверкает в лицо” — неудачно, неточно...

Весь “вес” анадырского вашего стихотворения в том и состоит, что оно написано “во глубине страны”. Причём человеком, хорошо знающим эти края [10, л. 8].

«Понравились по-настоящему» дяконовские творения «Зимняя тундра» и «Ночь на Анадыре» и видному поэту Павлу Васильевичу Халову [10, л. 4—5].

Стихотворение «Зимняя тундра» при печати подверглось небольшой редакторской правке с учётом вышесказанных замечаний:

*По тундре собачья упряжка бежит,
Рисуя нечёткий узор...
А тундра, широко, как вольное море, лежит
В обманчивом мареве гор.
Ни тени, ни пятнышка — белая гладь...
Не могут глаза отдохнуть.
Сорока заспорит, и пусто опять.
И вечностью кажется путь.
Чуть видно олений продёт табунок.
Кусты возле речки мелькнут...
Скорее костёр... Дымоватый чайк...
Собаки часок отдохнут.
И снова в дорогу!
С последним лучом
Погаснет литое стекло.
Такое безмолвие ляжет кругом,
Что даже ушам тяжело!
И тундра сожмётся вокруг нарты в кольцо...
И время исчезнет, и быть...
Собачки бегут, да сверкает в лицо
Далёкая звёздная пыль.*

Под стихотворением авторская подпись: «Село Тиличики, Камчатская область».

Редакция «Дальнего Востока» поделилась дьяконовскими стихами с Хабаровским краевым радиокомитетом. Тут тоже не обошлось без дружеской, а значит полезной, критики: «На наш взгляд, они не все равноценные. “Ночь на Анадыре” и “В зной на Амуре” — удачнее. В них есть мысль, поэтичная картина, есть настроение. В двух других стихах есть удачные строфы, но есть и неудачные. Хотя бы такие строчки:

*Такое безмолвие ляжет кругом,
Что даже ушам тяжело!*

Или:

*Хотелось бы ласково спеть
Такой безмятежной пустыне.*

Слова здесь не те, не точные, мысль Вашу понять трудно».

Редактор литературного вещания Д. Манаева сообщила автору, что два его стихотворения будут переданы по радио, и просила присылать новые работы [10, л. 6].

А вот стихотворение «Камчатская весна», датированное 7 апреля 1963 г. Его фрагмент использован в очерке «Весна воды и первых запевов», опубликованном в газетном варианте в мае 1967 г. и воспроизведённом нами в настоящем издании.

*Февраль камчатский — не весна.
И в марте снег идёт...
В апреле лес в объятьях сна,
А на озёрах лёд.
Как будто зимняя пора,
Примет весенних нет.
Но уж запели трактора
Предпосевной привет.
Сосульки с крыши и берёз
Заплакали навзрыд...
Уж никакой теперь мороз
Зимы не возвратит!
И знаем мы — идёт она
До каждого села,
Своя, камчатская весна,
Не ярка, но мила!*

В 1965 г. началось творческое сотрудничество Павла Николаевича с Камчатским областным комитетом по радиовещанию и телевидению. Поводом к нему стало обращение радиожурналистки С. Н. Стефановой от 15 июня 1965 г. За три дня до этого в комитет пришёл заказ от Всесоюзного радио подготовить передачу «Камчатские туристские тропы». Теперь радийщикам было нужно, что называется, не ударить лицом в грязь перед жителями Москвы, Ленинграда и других городов огромного Союза, сделать так, чтобы те поняли, как интересен и удивителен наш край.

Опубликованные ранее материалы Дьяконова о природе были уже хорошо известны профессионалам и любителям. На редакционных «летучках» их всегда отмечали как лучшие. Они нравились всем своим тонким лиризмом, большой любовью к Камчатке, глубоким пониманием красоты окружающего мира. Поэтому и возникла идея обратиться к нему с просьбой: принять участие в подготовке пятнадцатиминутного очерка. «Хотелось, чтобы он был на стихах, текст — мягкий, лирический» [7, л. 5].

Очерк «Камчатские туристские тропы» прозвучал по радио в середине июля. Редакция просила Павла Николаевича присылать всё, что тот сочтёт интересным и нужным: «Очерки, рассказы, стихи о природе Камчатки пользуются у наших радиослушателей большим успехом». Между прочим, уже началось негласное «соревнование» редакций радио и «Камчатской правды». Один из очерков Дьяконова о весенних птицах большой знаток природы и его хорошая знакомая Н. А. Ефремова передала в газету, чем радийщики были очень недовольны [7, л. 6—7].

Так, выражаясь дипломатическим языком, был заключён «договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи». Интересные же материалы ждать себя не заставили...

Длительные наблюдения за природными циклами естественным образом привели П. Н. Дьяконова к увлечению фенологией, то есть наукой о сезонных явлениях в живой природе, изучающей изменения, вызванные сменой времён года и погодных условий, например, сроки цветения разных

растений, прилёта и отлёта птиц. Накопленные за много лет материалы легли в основу статьи «Фенологические показатели окрестностей посёлка Ключи», опубликованной в 1963 г. в сборнике трудов Дальневосточного научно-исследовательского института лесного хозяйства.

Эта работа привлекла внимание серьёзных учёных. 19 января 1965 г. к автору обратился редактор Сибирского фенологического сборника, издававшегося Институтом географии Сибири и Дальнего Востока АН СССР: «Редакционная коллегия фенологического сборника, получив из фенологического сектора Всесоюзного географического общества в Ленинграде Вашу статью с материалами наблюдений в посёлке Ключи Камчатской области, ознакомилась с ней с большим интересом». Учёные отметили существенную ценность собранных Дьяконовым сведений не только для фенологии, но для ландшафтоведения и географии вообще.

Подобные наблюдения в вулканических районах в отечественной практике ранее не проводились. По словам специалистов, «они имеют для науки большой интерес, и было бы чрезвычайно интересно провести сравнительные фенологические наблюдения по растениям, животным, водным объектам на участках, подвергавшихся и не подвергавшихся таким, например, воздействиям, как упоминаемые Вами выпадения пепла... Вам посчастливилось попасть на работу в такой район, который, вне всякого сомнения, представляет настоящее “золотое дно” для натуралиста. И Ваша статья показывает, что Вы это хорошо понимаете».

Павла Николаевича приглашали к сотрудничеству. 16 марта 1965 г. он ответил: «Весьма приятно, что моя работа по фенологии вызвала интерес и что Вы собираетесь её опубликовать... Жалею только об одном, что это мой первый опыт в таком жанре, недостаточно мне знакомом, и поэтому статья получилась, может быть, слабоватой». Он поблагодарил редакцию сборника за дельные советы и рекомендации и посоветовал, что с фенологической литературой у него в Ключах «трудновато», имеются лишь две подобные небольшие работы. Воспользовавшись представившимся случаем, он

отправил сибирякам свои материалы за 1964 г. «по тем же показателям, что и ранее» [З, л. 1, З].

2 сентября 1965 г. Дьяконов отметил: «Мои фенологические наблюдения начинают приобретать некоторый интерес и на Камчатке. Сейчас силами Камчатского отдела Географического общества думаем организовать камчатскую сеть фенокорреспондентов. Не знаю, как это нам удастся» [ЖОКМ ОФ 35027/10].

Постепенно он подошёл к мысли, что полноценные фенологические наблюдения могут быть осуществлены только силами большого отряда энтузиастов — любителей природы: краеведами, школьниками и их наставниками, метеорологами, работниками сельского хозяйства. Добытые же ими сведения помогут объяснить многие биогеографические особенности полуострова и способствовать его освоению и развитию, как говорили в то время, «народного хозяйства». Но для этого энтузиастов следовало вооружить единой методикой, позволявшей системно выстроить, сравнить и упорядочить сведения, полученные визуальным путём. Кроме этого фенологическая работа преследовала ещё одну важную цель — вовлечение людей, в первую очередь молодёжи, в научно-исследовательскую работу и сбережение природы, то есть имела большое воспитательное значение.

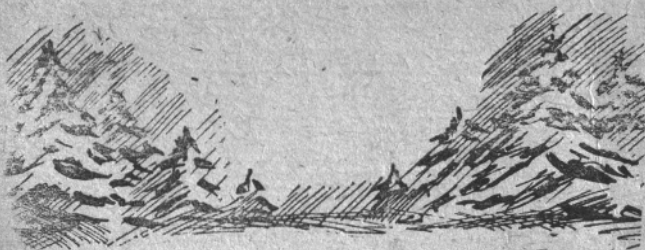
Так возник замысел написания брошюры «Наблюдения камчатской природы», целью которой было объяснить: «как, где и что наблюдать». Идея получила поддержку Камчатского отдела Всесоюзного Географического общества (ВГО) в лице заместителя председателя, известного краеведа В. П. Кускова. 5 октября 1965 г. он написал Дьяконову в Ключи о принятом решении издать эту работу. Предварительно сообщил, что редколлегия журнала «Вопросы географии Камчатки» также ждёт его статью по фенологии в готовящийся четвёртый выпуск к 30 октября, «ибо в начале декабря будет окончательно утверждаться содержание выпуска, порядок расположения статей и сообщений и т. п.» Речь здесь шла о будущих «Сезонных ритмах природы в районе посёлка Ключи».

КАМЧАТСКИЙ ОТДЕЛ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО
ОБЩЕСТВА СОЮЗА ССР
ПРИ АН СССР

П. Н. ДЬЯКОНОВ

**НАБЛЮДЕНИЯ КАМЧАТСКОЙ
ПРИРОДЫ**

(В помощь фенологу)

Петропавловск-Камчатский
1966 г.

Обложка брошюры «Наблюдения камчатской природы»

**Географическое общество Союза ССР
КАМЧАТСКИЙ ОТДЕЛ**

**Фено-бланк № 2 — живая природа
С 1-го июля по 1-е ноября 19 ____ года**

Место наблюдения _____

Сельсовет _____

Район _____

Фамилия, имя, отчество наблюдателя (полностью) _____

Почтовый адрес _____

(Бланк заполняется чернилами, месяц --- прописью)

<i>Объект наблюдения</i>	<i>Фаза или явление</i>	<i>Число и месяц</i>	<i>Количественная оценка и примечания</i>
1	2	3	4
Береза каменная	Начало желтения		
	Запестрение		
	Поспевание семян		
Береза белая	Начало желтения		
	Запестрение		
	Поспевание семян		
Тополь	Начало разлета пуха		
	Запестрение		
Осина	Начало разлета пуха		
	Запестрение		

Приложение к брошюре: бланк фенологических наблюдений
(КОКМ ОФ 35027/26)

«Перед отъездом в отпуск Виноградов (Владимир Николаевич, председатель Камчатского отдела ВГО. — *Ред.*) в общих чертах изложил сущность Ваших намерений по развертыванию фенологической работы... Относительно издания инструкции для фенологов. Такая возможность сейчас имеется, есть и бумага, и деньги. Было бы хорошо издать и разослать её до весны 1966 г. Это значит, что мы должны получить её из типографии примерно в феврале, а для этого нужно сдать её в набор не позже первой половины декабря. Сообщите, пожалуйста, какие конкретные возможности имеются для этого. Если есть ещё какие-либо предложения — пишите...» [11, л. 1].

Через месяц с небольшим, 12 ноября 1965 г., Кусков сообщил Дьяконову, что Камчатский отдел ВГО решил организовать в Ключах свою местную ячейку, а ему предстоит возглавить её в качестве председателя. В это время в Ключах насчитывалось, помимо Павла Николаевича, ещё шестеро членов ВГО: учителя Г. И. Агалакова и Р. М. Бобылкина, научные сотрудники вулканостанции В. А. Ермаков и И. С. Фельдман, начальник станции А. Е. Святловский и агроном совхоза А. А. Кустливый. Этой ячейке и предстояло налаживать фенологические наблюдения. Так на Камчатке была предпринята первая попытка комплектования на полуострове сети фенологов-корреспондентов [11, л. 2—3].

В середине декабря 1965 г. рукопись будущей брошюры была уже в Петропавловске. 21 декабря В. П. Кусков сообщил: «Ваше письмо и приложенную к нему рукопись получил. Теперь будем над ней работать. Пока прочитал её в общем. Оцениваю положительно, хотя потребуетя некоторая правка литературно-стилистического характера... Предполагаю ещё на этой неделе сдать её в типографию, а там уж как получится. Думаю, что за два-три месяца сделают».

Пришла пора определиться с тиражом. Он должен был зависеть от числа возможных пунктов будущей фенологической сети. Предполагалось 200 экземпляров разослать по школам, 300 — передать в книготорговую сеть, 200 — оставить в качестве обязательных и столько же хранить в ре-

зерве. Исходя из этого, решили заказать 1 000 экземпляров. Отдельно печатались бланки наблюдений.

Попутно Кусков просил Дьяконова как отличного знатка местности выяснить, действительно ли на реке Николке имеются «объективные следы» так называемого «Федотовского зимовья»: долгое время считалось, что первым из русских на Камчатке, ещё до С. И. Дежнёва, побывал некто Федот Алексеев Попов. «Задача в том, чтобы установить время его существования и оставления. Может быть, у Вас найдутся такие любители? Помощи, кроме инструктивно-методической, мы, вероятно, оказать не сможем, но опубликовать результаты обещаю (в том случае, конечно, если они будут). Поговорите об этом у себя. А, может быть, Вы и сами будете в тех местах? Дело это кое-чего обещает: триста лет — не такой большой срок, и какие-то предметы должны сохраниться.

Если удастся обнаружить хотя бы остатки сруба, то опытный лесовод сможет сказать, в какое время года строилась землянка, сколько она могла простоять и т. п., а если паче чаяния попадётся монета, оружие и т. п., то тогда можно будет сделать и ещё более определённые выводы...» [11, л. 4—4 об.]. Выводы, причём отрицательные, были сделаны самим В. П. Кусковым в его статье «Был ли Федот Попов на реке Камчатке?», опубликованной в 1966 г. в тех же четвёртых «Вопросах географии Камчатки».

28 декабря 1965 г. Дьяконов поинтересовался у Кускова, не мало ли будет трёхсот экземпляров его брошюры для книготорга? Ведь рассчитывать на скорое повторное издание было весьма трудно, а автор еще не напечатанной работы уже только в Ключах получил более трёх десятков заявок на неё. Кроме того, какое-то количество экземпляров можно было бы направить Магаданскому, Сахалинскому, а возможно, и Хабаровскому отделам ВГО. По мнению Дьяконова, «инструкцию легко переиздать везде, только таблицы придётся переделать сообразно с местными условиями». Он же предлагал, исходя из ожидаемых условий использования брошюры, «упаковать» её не в твёрдую обложку, но

и в не совсем мягкую: «Ведь её будут носить и в кармане, и в рюкзаке, и в полевой сумке. Твёрдая поломается, а очень мягкая скоро порвётся. Видимо, хороша будет плотная бумага» [11, л. 5—6].

13 января 1966 г. В. П. Кусков известил автора о возникших сложностях с бумагой. Её имелось всего 140 килограммов, чего должно было хватить лишь на «Вопросы...», «а то ещё и не хватает». Пока же предполагалось отпечатать брошюру на «чужой» бумаге, которая, по словам Кускова, «обращается на наши нужды благодаря любезности начальника одной типографии для меня. Также нет возможности выбирать тип обложки. Приходится мириться с тем, что возможно сделать...» Поэтому всё-таки пришлось остановиться на тысячном тираже. Обложку же выполнили из «подвернувшегося» плотного желтоватого картона.

К началу февраля были готовы бланки фенонаблюдений. «Напечатали их плохо, возились долго. Вёрстка оказалась сложноватой, а увеличивать формат я (В. П. Кусков. — *Ред.*) не захотел, чтобы использовать тот же набор и для брошюры. С брошюрой дело пока движется плохо». Бумага, как мы знаем, нашлась, но зато теперь не хватало металла для литья набора... [11, л. 7—8].

16 марта 1966 г. Дьяконов ответил, что бланки ему понравились: компактные, разборчивые и на плотной бумаге. Попросил выразить искреннюю благодарность наборщикам: «Понимаю, какой нелёгкий труд они осилили». Сама брошюра «Наблюдения камчатской природы» ещё лежала на столе редактора. Её подписали в печать 19 марта 1966 г.

Попутно поделился сомнениями: ему предложили подготовить книжку о лесе и животных объёмом до двух печатных листов из серии «Хочу всё знать» для школьников среднего возраста. «Задание более чем расплывчатое, а изложение должно быть художественным. Исполнение — не позднее конца первого полугодия. Конечно, лестно общее мнение, что лучше меня никто не сделает этой работы, но, откровенно скажу, тяжеловато. Стоит ли браться? Хотя состояние здоровья сейчас неплохое, но служебной работы по-

рядочно...» [11, л. 9]. Так начали прорисовываться первые контуры будущего «Зелёного друга Камчатки».

В середине июня 1966 г. «Наблюдения камчатской природы» были, наконец, готовы. В Ключи отправились причитающиеся автору двадцать экземпляров [11, л. 10].

Обе работы П. Н. Дьяконова, опубликованные в 1966 г., вызвали большой интерес со стороны знатоков и любителей и быстро разошлись. Этот год стал началом широкой фенологической работы и был потрачен на пропаганду её важности, привитию интереса к природе и наблюдениям за ней. В апреле 1966 г. автор прочитал лекцию на курсах усовершенствования учителей-биологов в Петропавловске и четыре аналогичных в школах посёлка Ключи. В течение года областное радио подготовило пять больших художественных передач. Помимо «Камчатских туристских троп», прозвучали «Приметы весны», получившие высокие отзывы услышавших их ленинградских радиожурналистов, многие из которых загорелись желанием посетить Камчатку, «Зимний лес и его друзья», «Птицы летнего леса» и «По следам осени». За год «Камчатская правда» опубликовала двенадцать «Заметок фенолога» [6, л. 3—4].

Но главная задача — организация местной сети фенологов-корреспондентов — пока не была решена. Причин тому оказалось несколько. Во-первых, Камчатка не имела устойчивых традиций наблюдений природы, подобных давно сложившимся в западных областях страны. Для полуострова это стало новым делом. Многочисленные любители природы не имели навыков систематических наблюдений. Весьма удачно это отметил начальник Камчатской лесной опытной станции Д. Ф. Ефремов, ознакомившийся с «Сезонными ритмами...»: «Помимо ценности её содержания, она является наглядным примером для нас, молодёжи, как надо видеть лес, не хлопать глазами, извините за грубость, а именно видеть и подмечать»... Во-вторых, один из главных резервов корреспондентов — школьники и их наставники — летом, в наиболее важный период наблюдений, разъезжались на каникулы и в отпуска. В-третьих, тираж изданной брошюры

для огромных камчатских просторов с разбросанным населением оказался, безусловно, мал.

О важности же фенонаблюдений в масштабах страны говорит такой факт: по всей её территории подобные научные материалы пересылались бесплатно. Об этом ещё 10 октября 1960 г. особым приказом распорядилось Министерство связи СССР [КОКМ ОФ 35027/19]. На отправления ставился специальный штемпель: «Фенологическое, бесплатное». Напрашивается такое сравнение: бесплатно пересылалась и армейская корреспонденция, в том числе знаменитые фронтовые «треугольники».

Заслуги П. Н. Дьяконова в области развития фенологии были вполне оценены. Он регулярно получал приглашения на научные форумы. Так, 8 августа 1970 г. фенологическая комиссия Московского филиала ВГО пригласила его на запланированную на конец ноября конференцию «Фенология хвойных пород и их спутников». По результатам её работы планировалась публикация сборника докладов [КОКМ ОФ 35027/13].

Последнее предложение о сотрудничестве было получено уже вдовой лесовода [КОКМ ОФ 35027/18]. 30 марта 1973 г. фенологическая комиссия ВГО известила, что работает по общесоюзной программе «Комплексная фенологическая характеристика природных зон и районов СССР»: «Нам необходимы сведения из Петропавловска-Камчатского. Вышлите нам, пожалуйста, если это Вас не очень затруднит, сведения за 1973 г. и за прошлые годы по высылаемой форме»...

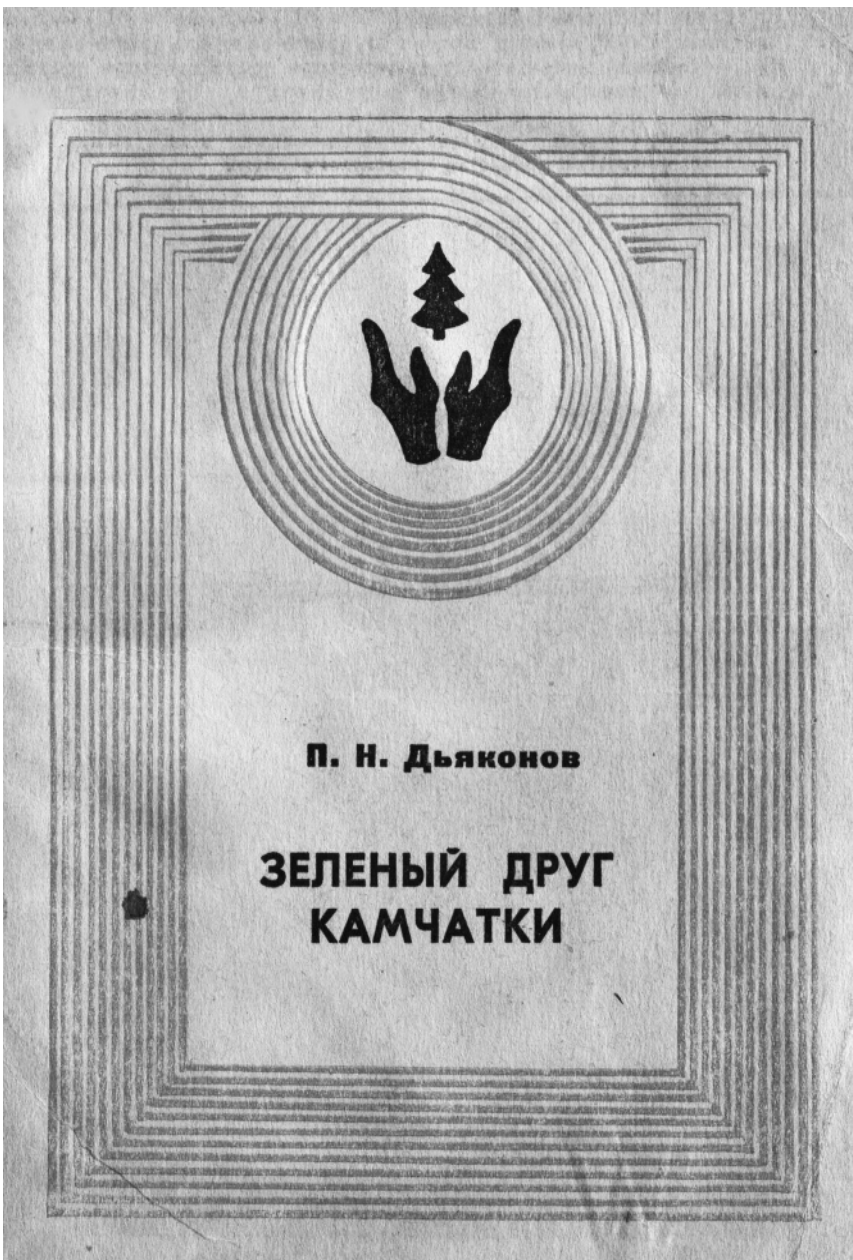
Тесное сотрудничество П. Н. Дьяконова с Камчатским отделом ВГО продолжилось и далее. 15 сентября 1966 г. совет отдела поздравил его с присвоением звания заслуженного лесовода, с «высокой наградой, которую Вы заслужили своим долголетним добросовестным трудом». Павла Николаевича известили, что 29 сентября в Иркутске открывается очередное, третье, совещание географов Сибири и Дальнего Востока. Оргбюро совещания прислало приглашение, где, в частности, говорилось о желательности его участия в совещании. Правда, от этого пришлось отказаться...

Отдел начал подготовку библиографического указателя работ своих действительных членов. Но заметки фенолога, регулярно печатавшиеся «Камчатской правдой», включить в него не удалось по формальной причине. В них не указывалось о принадлежности автора к Географическому обществу: редакция не согласилась на длинную подпись вроде «Действительный член» и прочее [11, л. 11—12].

По рекомендации профессора Н. Е. Кабанова московское издательство «Лесная промышленность» 7 января 1968 г. предложило Павлу Николаевичу подготовить популярный очерк о природе Камчатки, желательно о растительности, а ещё лучше — о животных. Его издательство намеревалось включить в 1970 г. в сборник «Природа и охота». Оно хотело посветить Камчатке отдельную популярную книгу и поэтому интересовалось, «какие у Вас в Петропавловске имеются авторские возможности» [7, л. 8].

25 июня 1969 г. П. Н. Дьяконов подготовил письмо-заявку, как он сам его обозначил, директору «Лесной промышленности» И. И. Радуку с предложением опубликовать накопившиеся у него за долгие годы рукописи с описаниями наблюдений камчатской природы. «Направляю на Ваше заключение о возможности издания: 1. Рукопись “О зелёном друге Камчатки”, или “Зелёный друг на Камчатке”. 2. Две новеллы о камчатской природе для сборника или календаря. Имею готовую рукопись “Птицы Камчатки”, очерк многолетних наблюдений. Рисунки к ней также готовы. Могу быстро подготовить книжку новелл “Ритмы камчатской природы” или под другим названием, на основе многочисленных публикаций новелл в газете “Камчатская правда”. К сему *Дьяконов*».

В этом письме впервые упоминается будущая книга «Зелёный друг Камчатки», вышедшая уже после кончины автора в 1973 г. в Камчатском отделении Дальневосточного книжного издательства. Её рукопись датирована 26 февраля 1969 г. Автор предложил несколько вариантов названий: «Зелёный друг Камчатки», «О зелёной “чудо-фабрике”», «Зелёное дитя Земли и Солнца» [12, л. 1—2].

Обложка книги «Зелёный друг Камчатки»

~~ОСЕНЬ~~ - 4 -
ОСЕНЬ

Сентябрь - живописец

Блестят росинки - ивморози слезы;
Рябины рдеют, огненно красны,
И золотятся старые березы,
Роняя листья, тихо, до весны ...

Камчатская осень... Продолжительная или быстротечная, ласково ясная или, наоборот, с капризами, тихая или порывисто штормовая - все равно хороша. Еще цветут астры, георгины, васильки и левкой, борцы, ^{чирьянник} белая ромашка и надоевший за лето желтый одуванчик; а с тополя уже нет-нет да и сорвется серо-зеленоватый листок и, шурша между ветвями, упадет на землю. За ним, поодиночке, начинают падать березовые и даже ольховые листья. Так незаметно приходит "вечер года" - пора, которую называют осенью.

Еще с конца августа на березах появляются редкие желтые пятнышки. С началом сентября они становятся гуще, и это сигнал для кукушки. Привередливая птица не любит желтого цвета и едва его завидит, как заторопится в теплые края на зимовку. А у деревьев и кустарников наступила новая, весьма ответственная пора - надо уплотнять годовое кольцо прироста, готовить к холодам свежие, молодые побеги, отдать максимум соков семенам и плодам, заложить новые почки, в том числе и плодовые, для будущего урожая. Многого еще надо, и на все это требуются очень интенсивные жизненные силы. Вот и приходится сбрасывать, сокращать сыгравшую свою роль листву.

Первая страница рукописи книги «Зелёный друг Камчатки»
(ККОМ ОФ 35025/1)

9 мая 1969 г. в письме друзьям автор писал: «К сожалению, ясности в том, будет ли издана рукопись о Зелёном Друге, пока никакой нет. Думал послать её в издательство “Лесная промышленность” (они меня убедительно просили выслать что-либо готовое), но пока тоже ничего не решил... Все критические замечания только на пользу. Здесь дали очень положительные отзывы Мархинин (вулканолог), Афанасьев (Лесная опытная станция), Остроумов (ТИНРО), не говоря о своих лесниках. Но, тем не менее, денег нет, да и критика мне кажется ещё недостаточной» [КОКМ ОФ 35025/3].

Отзывы упомянутых специалистов имеются в фондах нашего музея. Вот один из них, написанный доктором геолого-минералогических наук Е. К. Мархониным: «Интересно. И очень нужно. Думаю, что о камчатском лесе и его обитателях Вы могли бы написать и побольше. А ценность рукописи как раз в этом материале и в показе жизненно важной роли леса для людей и животных» [КОКМ ОФ 35025/7].

Зелёный друг Камчатки и всех её обитателей: людей, птиц, зверей — это одно из главных природных богатств полуострова — его лес. Скромную книжицу — всего-то девяносто шесть страничек небольшого формата в мягкой обложке, давно уже ставшей библиографической редкостью, — можно смело назвать гимном камчатской природе. Лес и его обитатели показаны в разное время года, обрисованы их взаимовлияние и взаимосвязь, убедительно и доходчиво рассказано, что людям следует тщательно заботиться о них.

Не сумел подержать в руках автор и другую свою работу. Вот что сообщает нам аннотация к брошюре «Крылатые жители Камчатки»: «Много или мало птиц на Камчатке? Где и когда их можно встретить? Сколько из них певчих птиц? В каких местах скорее слышишь птичью песню? Какая из птиц встречается реже, а какая чаще?.. Данная брошюра и является попыткой помочь в разрешении вышепоставленных вопросов. Она показывает видовой состав птиц полуострова, за исключением чисто морских видов, наблюдение за которыми не всегда доступно...» [13, л. 1].

Одной из последних неосуществленных творческих задумок стала небольшая книжица, которая должна была войти в так называемую «кассету», то есть подборку брошюр «Камчатская область», которую весной 1972 г. намеревалось напечатать Камчатское отделение Дальиздата. Во всяком случае, так следует из письма, подписанного редактором-составителем Е. В. Гропяновым, датированного 1 октября 1971 г. Но и здесь возникли сложности: сначала издательство планировало к выпуску «кассету», включавшую десять брошюр, но к моменту написания письма их было уже двадцать пять. Объём «кассеты» в полтора раза превысил смету, почему издательство предлагало печатать брошюру «на общественных началах», то есть без выплаты гонорара [7, л. 13].

Насколько нам известно, этот проект также не состоялся. Первая подобная «кассета», иначе «обойма», — «Пламя снегов» — вышла на Камчатке лишь в 1981 г. и включала пять небольших стихотворных сборников...

С. В. Гаврилов

Источники

1. Государственный архив Камчатского края (ГАКК), ф. Р-346, оп. 1, д. 1.
2. ГАКК, д. 23.
3. Там же, д. 72.
4. Там же, д. 45.
5. Там же, д. 7.
6. Там же, д. 8.
7. Там же, д. 64.
8. Там же, д. 59.
9. Там же, д. 58а.
10. Там же, д. 66.
11. Там же, д. 73.
12. Там же, д. 39.
13. Там же, д. 30.

Основу настоящей публикации составляют тексты, в разное время подготовленные П. Н. Дьяконовым как газетные статьи, передачи, прозвучавшие по областному радио, документы биографического характера. Первая часть — «Времена камчатского года» — включает тридцать одну фенологическую заметку, напечатанную в газете «Камчатская правда» в 1966—1969 гг. 6 февраля 1969 г. в списке своих трудов Павел Николаевич отметил: «Фенологические зарисовки природы Камчатки, опубликованные в газетах, объёмом свыше трёх печатных листов, пока не сведены в один сборник» [КОКМ НВФ 4108]. Их вырезки он аккуратно, соблюдая хронологический и природный — сезонный — порядок, сложил в отдельную папку и снабдил её авторским перечнем-содержанием. Получается, что только теперь — спустя четыре с лишним десятилетия — замысел автора оказался осуществлённым.

Вторая часть, названная нами «Осторожно, природа!», так же как и одна из вошедших в неё статей, содержит девять материалов, посвящённых одной теме — охране природы, пропаганде важности которой он посвятил значительную часть своей служебной и творческой жизни.

Третью часть — «Тропа загадок и чудес» — составили стихи разных лет, выявленные в различных единицах хранения личного музейного фонда [КОКМ ОФ 35026/4, 7; КОКМ НВФ 4107/7—8]. Одни из них, по авторскому замыслу, предназначались для «Зелёного друга Камчатки», но так и не вошли в него, другие прозвучали в радиоэфире, а какие-то, возможно, планировались к изданию в упомянутой выше «кассете».

Завершают публикацию автобиографический очерк «О работе в лесном хозяйстве за тридцать шесть лет» и библиографический список, которые могут быть полезны лицам, пожелавшим получить более подробные сведения о жизни автора. Их же мы отсылаем и к подборке воспоминаний современников «Наш Павел Николаевич Дьяконов», в которой о нём рассказывают известные камчатские учёные, сотрудники Камчатского филиала Тихоокеанского инсти-

тута географии Дальневосточного отделения Российской академии наук — кандидат биологических наук, заслуженный эколог Российской Федерации Николай Николаевич Герасимов и старший научный сотрудник, заслуженный эколог и почётный работник леса Российской Федерации Николай Семёнович Карпунин.

В музейном фонде автора содержится черновик введения, некогда написанного им для «Зелёного друга Камчатки», но тоже не использованного издателями [КОКМ НВФ 4106/3]. Теперь у нас есть возможность исправить и эту несправедливость. Введение, подвергнутое небольшой стилистической правке, открывает подборку его великолепных текстов, хорошо передающих все прелести камчатской природы.

ВРЕМЕНА КАМЧАТСКОГО ГОДА

Камчатка — одна из самых последних деталей, образующих границу на Северо-Востоке страны. Будучи по широте близкой к Москве, она ничего общего с Подмосковьем не имеет. По-своему тоже прекрасна, но сурова. На большей части — трёх четвертях территории — она гориста, здесь простираются хребты, стоят вулканы — действующие и потухшие, раскинулись высокие сопки, скалы и ущелья. Есть и низменности — равнины, самая главная из них лежит на западном побережье полуострова. Интересно, что в ясную погоду из неё вновь видны далёкие хребты, сопки, горные увалы, ледники и снежники.

Сколько здесь рек, озёр — не перечесть. И жаль, что пока ещё на Камчатке слишком мало дорог. Мало... но они будут. И тогда Камчатка станет одним из лучших уголков страны. Вот только климат пока довольно необычен, суров. Не всегда здесь можно встретить хорошую погоду. Ведь Камчатка расположена между Охотским, Беринговым морями и Тихим океаном как оригинальный «наконечник копья», заброшенный в этот огромный водоём.

Зима на Камчатке довольно длинна, почти шесть месяцев. Весна наступает поздно и весьма коротка, лето тоже

короткое — всего июль и август, кстати, часто сырые. А вот осень почти всегда хороша, более или менее продолжительна и обычно сопровождается приличной погодой. Как в это время ярка синева небес, прозрачен воздух, расцвечены самыми разными красками сопки и хребты, как красивы разнообразно раскрашенные леса, голубоватая просинь речных водоёмов и озёр! Всё это неповторимо, и об этом лучше рассказать подробнее, помесечно...

Январь — третья зима года

У всякого труда есть свои особенности, не зависящие от исполнителя, но тесно связанные с ходом природных явлений. Эту связь особенно остро испытывают люди, повседневно общающиеся с природой, например, промысловые охотники. Так вот, по их вполне авторитетным отзывам, нынешняя зима (с 1967 на 1968 г. — *Ред.*) удивительна. В полном смысле — юбилейная зима: до сих пор даже в самых холодных уголках, таких как Камчатская долина, суровых морозов не было. Не было, несмотря на то, что погода стояла ясная, почти без пург и снегопадов.

Малоснежье способствовало капканному лову, но затрудняло лыжную ходьбу и лишало так называемой «перенюги», то есть добычи зверя по следам. Действительно, какой следопыт прочтёт что-либо путное на исчерченном следами перемёрзшем снегу? Выделить след только что пробежавшего зверя почти невозможно. И всё же опыт выручает.

Я помню такую же вот зиму 1958 г. Были мы под новый год у истоков горной речки Белкумич. Без пороши, на старом снегу звериные записи почти не читались, однако нам удалось поймать в капкан редкую добычу — огромного камчатского волка. Сильный зверь. Даже после завершающего выстрела ошетиленная шерсть его долго не опадала. До сих пор помню, как

*...Он лежал пластом на поле брани,
стальную пасть в оскале обнажив.
И был оскал свирепо дик и странен.
Казалось, зверь неукротимо жив!*

Однако новый год совпадает с началом наиболее суровой, третьей зимы. Да-да, я не оговорился, именно — третьей. Ведь первая зима началась ещё с появлением льда на озёрах, то есть в конце октября или начале ноября. Её называют зимой фенологической.

Вторая зима почти повсеместно началась тоже в ноябре, с выпадением устойчивого снега и началом санной езды. Эту считают зимой сельскохозяйственной.

А с нового года в строй вступила третья, астрономическая зима. По народной поговорке: «Солнце на лето, зима на мороз». В иные годы на Камчатке и декабрь суров, но январь всегда успевал перехватить у него эту нелестную пальму первенства. Будет ли и сейчас так, сказать ещё трудно, но ожидать, что нынешний январь по суровости перекроет прежние рекорды, оснований нет.

Конечно, морозы, снега да пурги будут. На то и январь — шапка зимы. Однако, вспомните: после вьюжного перепляса наступает тишина, ослепительно горят на солнце облепившие лес снежинки, всё сверкает кругом, всё первозданно чисто. И, кажется, что пурга также нужна, необходима, как, скажем, нужны в пейзаже привычные нам камчатские сопки.

Солнце, правда, ещё не греет, но оно превращает любой лесной уголок в своеобразную, неповторимую деталь сказки. Её, эту деталь, трудно передать даже в стихах...

*Но как сложить в рифмованном узоре
Холодное величие зимы?
Кусты в алмазном, пламенном уборе,
Деревья — в просини белеющей наймы,
Кусочек речки, скованной морозом,
Но до конца не сдавшейся ему,
Над ней туман, подобный сонным грёзам...
Как описать? — поверьте, не пойму.*

Всё это лучше видеть. А видеть нетрудно в любом, даже небольшом походе. Только природа не любит гонок, — то-ропись, но не суетись, готовый в любой момент остановиться. Главное же — глаза всегда надо держать открытыми.

В походе трудно обойтись без костра, но не рубите на дрова берёзку, тополь или ольху. Они сырые, горят плохо, да

и беречь их надо. Лучше поищите сухую боярку или козью иву — «чернотал». Горят они всегда весело, жарко, и чай мигом готов.

Желаю всем любителям и друзьям нашей своеобразной камчатской природы полной удачи в больших и малых январских походах!

Новый год — к весне поворот!

Так уж повелось:

*Он уходил в измеренные дали,
В толпу других, прошедших под окном...
А мы секунды краткие считали,
Чтоб Новый встретить тостом и вином.*

Новый год... Это не просто дата, а новый счёт всему: заботам и походам, наблюдениям и открытиям, героике труда и героике подвига... Счёт тому, что составляет смысл большого и прекрасного слова — *жизнь*.

Природа ведёт счёт не по людскому календарю. У неё свои ритмы, свой извечный и пока неподвластный человеку порядок. Однако и в нём немало разнообразия. Недаром говорят: «Год на год не приходится». Например, в 1958 г., в эту же пору, пришлось мне быть в верховьях речки, под Срединным хребтом. Лежишь ночью в тёплом кукуле (меховой спальный мешок. — *Ред.*), а снаружи отчётливо слышно:

*Стонет жалобным стоном тайга —
Рвёт деревья жестокий мороз.
Лишь бурлит говорливо река
И по-прежнему точит утёс.*

Ох, и «пучило» же тогда своенравную речку! Идёшь по ней, и вдруг ни с того, ни с сего — вода под ноги катится. Да не тихо, а валом. Конечно, убегаешь поскорее, а то и на дереве приходилось отсиживаться. Значит, речку где-то выше морозом перехватило, и она пошла поверх льда наледью. Утонуть — не утонешь, но промокшему в сильный мороз не сладко. А в узких ущельях и вовсе осторожность нужна.

Хорошо в походе январским днём. Сколько разнообразия!

*Друг за другом увалы бегут,
Открывая всё краше места,
Да и звери затейливо ткнут
Паутинные нити следа...*

Тёплым, тёмно-вишневым тоном отливают по речкам островки ветлы-корейянки. Неподвижно стыннут серо-зелёные колонны тополей. Нежно-розовы концы ветвей у берёзы... И всё это в курже — в пушистых кружевах инея. На тополях и ветле она тонкая, иглистая. На берёзах уже толще, кудрявее. На боярышнике — пышна. А жимолость и другие кустарники прямо укутаны ею. И всё сверкает, блестит, искрится и переливает. Вот уж, действительно, верно:

*В белом пламени клонится куст
Ледяных, ослепительных роз!*

Есть работа фотографу, только бы ветерок не дунул: уж очень не прочная красота из куржи. Звериные следы — тоже весьма интересная запись. Вот через поляну протянулась ровная лисья цепочка. Вот она петляет по лесу между укрытыми снегом кустами. И вдруг в эту цепочку впутался разлапистый заячий след. Только ненадолго — лишь клочки шерсти остались. Действительно, «жалобы зайца лису не разжалобят».

На следующем увале парный соболиный след пересёкся со следами четвёркой, и на последнем отпечатке их тоже капелька крови. Это у белки неудачно сложились дела. Не долго пожила она в новом году — соболу в зубы попала.

Много лесных звериных записей в январе. Увлékательно чтение их. Следы — интересный и наиболее доступный фотолюбителю объект лесной съёмки. Только надо подбирать освещение и не забывать, что объектив и от холода «потеет». Но если снимки удались, воспоминаний о походе хватит надолго. А как легко дышится и думается в таёжных просторах, среди увалов и ребристых сопок!

*Ничто здесь мысли ход не оборвёт.
Лишь зверь пройдёт заснеженной тропю
Да редко прогрохочет самолёт,
И снова тихо, всё полно покоя.*

Лучшего отдыха от повседневных забот не найдёшь...

Вырубка с шестнадцати сантиметров на высоте груди. Одиночный и мелкогрупповой тонкомер и подрост

Ольховник в стадии распада на Долгом плёсе реки Камчатки. Крайне необходима санитарная восстановительная рубка. 23 февраля 1958 г. Фото и текст П. Н. Дьяконова (из фондов КГБУ ГАКК)

Молодой гибрид каменной
и белой берёзы. Левый
берег реки Камчатки,
23 февраля 1958 г.

Тополь душистый причудливый
в урочище Эульчиной Усть-
Камчатского лесхоза,
12 мая 1958 г.

Ольха волосистая. Усть-Камчатский лесхоз, 11 мая 1958 г. Фото
и текст П. Н. Дьяконова (из фондов КГБУ ГАКК)

Жаль, конечно, что нет возможности рассказать обо всех тайнах наших камчатских лесов, обо всех чудесах нашей природы, но и то верно, что

*Никаким пером искусным
Описать нельзя чудес,
Про которые расскажет
Сам безмолвный зимний лес.*

Поэтому при первой возможности побывайте в нём сами...

Зима нынче мягче, чем прошлые зимы, но всё ещё будет. Ведь недаром же в старину январь «лютовеем» звали. А звериные следы при мягкой пороше ещё более чётки, чем в мороз. Ну, а куржа... куржа будет. Дождитесь тихого денька или вечера, когда

*За снежинкою снежинка
Тихо падает с небес.*

И к утру, если хоть слегка подморозит, ледяного великолепия будет вполне достаточно. Или поищите его у речных проталин, у незамерзающих ключей. Там найдёте не только алмазный блеск, но и самые необычные снежные фигуры.

Увидите вы и живые зимние «цветы» — снегирей, синичек, поползней, дятлов... Горячие сердца у этих маленьких храбрецов — ни мороз, ни пурга их не пугают, не заставят покинуть родные края. Такая приверженность достойна высокого уважения!

*Ну, вот — две полоски лыжни неразлучные,
И мелькают, мелькают снега...
Пусть дороги вам будут нескучные,
Пусть без наледи встретит река.*

Счастливого нового года, дорогие друзья! Добрых январских походов!

Камчатской зиме — половина

Запоздало, но зато основательно использовав главный резерв — январские морозы, — зима подкатила к перевалу: февраль — её половина.

В 1957 г. этот месяц был холодным, пасмурным и снежным, в 1958-м — теплее: смесь ясной, пасмурной и сырой погоды. В 1965 г. тоже в основном было пасмурно, снежно и довольно тепло. Одним словом, обычный лоскутный набор: часть от самой поздней осени, многое из атрибутов зимы и нечто неуловимо весеннее. Да и неплоха такая смесь — месяц короткий, дни заметно длиннее, а к весне действительно ближе становится.

Однако у поэтов не пользовался февраль почётом. Не нашёл я строк, посвящённых ему. Пришлось самому заняться. И вот что вышло:

*От январских морозов усталые
В феврале отдыхают снега —
По околице крутится шалая,
В липких хлопьях сырая пурга.
Нет, весной и не пахнет на улице,
Хоть намного прибавился день...
И ворона промокла, сутулится,
Даже к корму не спустится — лень.*

Ведь и верно, под февральским липучим покровом мёрзлый снег отходит, превращаясь из сыпучего «сахарного песка» в обычную снежную массу. А вороны, крайне нахальные при морозах, в сырую погоду весьма неохотно покидают насиженное место.

Февраль, как правило, не богат дальними походами — у каждого других забот много, да и погода не балует. Наоборот, выходы в ближние окрестности, в разные перелески и рощи — дело вполне обычное. А ведь и здесь природа идёт навстречу, и вблизи от дома при желании можно заметить много интересного.

Звериные следы в феврале наиболее глубоки, чётки и долго сохраняются, если нет снегопада. Жизнь наших пернатых друзей, санитаров леса, идёт по зимнему расписанию — февраль всё-таки зима.

В любом перелеске можно встретить синичек-гаичек. Трудно досыта насмотреться на этих неутомимых акробатов. Ни одной минутки не посидят спокойно. То висят по

веткам в самых немислимых позах, то быстро и деловито оглядывают каждую щёлку в коре. И всё с разговором «ци-ци-чее... чее... чее». Сколько они поедают за день лесных вредителей — не перечтёшь.

Часто в этой компании бывает и малый пёстрый дятел. Его быстрое «ки-ки-ки...» органически входит в общую перекличку. Он миролюбив, а вот его собрат, большой пёстрый дятел, наоборот, сварлив. Если в феврале вы увидите, как два пестрых дуэлянта усердно тузят друг друга, не подумайте, что тут замешана «дама». Причина проще — кому ночевать в удобной при любой погоде трещине.

Довольно обычны по ближним роцам красавцы-снегири. Они флегматики. Ярко-красные, как огоньки, самцы охотно позволяют любоваться собой, не прекращая тихий разговор: «ки-ки-ки...», а иногда монотонно посвистывая, вроде «жю-жю-жю...» Тут уж их не спутаешь.

Не всегда, а всё же удаётся увидеть щуров и свиристелей. Эти друзья осторожны и не позволяют долго себя разглядывать...

А небо в ясный день тёмно-синее. По снегу глубокие тени. На кустарнике и подросте самые замысловатые фигуры снегом вылеплены — знай, фотографируй. Только потом не поленитесь отряхнуть снег, освободить согнутую в три погибели берёзку, или сбить причудливый снежный ком с натянутой, как струна, ветки... Да, природа всегда интересна, а для её друзей:

*И в феврале призывно кличут
Следы узорные зверей,
И акробатика синичек,
И «огоньки» из снегирей!*

Февраль-бокогрей

Чем помнится нам февраль? Все знают, что он самый короткий в году, знают, что дни в феврале длиннее. Но большинство вспоминает о нём как о капризном, неустойчивом месяце. Недаром в старину говорили: «Пурги да метели

под февраль полетели». Редко камчатский февраль бывает ясным и тихим. Хотя в январе зима достигла своего гребня, но уклона вниз ещё нет, ещё тянется эдакое зимнее «поскогорье» с небольшими морозами и снежными буранами. Вот февраль и «мечется»: с одной стороны зима, с другой — вроде бы к весне ближе. Недаром морозы временами доходят до тридцати градусов, а вслед за ними вдруг ударит оттепель так, что с крыш каплет. Значит, в самом деле, не зря народ зовёт его «бокогреем».

Под солнцем уже пригревает, а по ночам деревья по-прежнему «постреливают». В тихое утро бывает холодный туман, на деревьях куржа, тяжёлая, пушистая. Крепка камчатская берёза, да и та сгибается под блестящим убором. Но прошуршит ветерок, и вся эта непрочная красота лишь увеличит толщину снежной шубы.

Холодна эта шуба, но сейчас она теплее земли. Недаром перебрались в снег из земляных норок мыши. Недаром глухари и куропатки ночуют в снежных норках-домиках. Спит в снежной ямке чуткий трусишка-заяц. Да и другие звери охотно забираются в снежное укрытие. А медвежья берлога, что в скалистых распадках сопок, скрыта под хорошим пушистым одеялом так, что её и не разыщешь. Поэтому глубок сон медведя, крепок и спокоен, особенно в пургу.

Лесные гости не покидают нас. Вот летит стая пуночек, крутятся по голым деревьям синички. Иногда, как цветы, рассядутся на ветках красногрудые снегири. Бывает, что и свиристели насвистывают — «свирлль-свирлль»... А от ворон и сорок отбоя нет. Если даже и оттепель, но они ещё не чувствуют весну.

Бывают в феврале и чудесные солнечные дни, когда на лесных полянах — сине-голубые тени. Тихо курятся сопки, и невыразимо прекрасны переходы от голубого неба к чистой белизне горных склонов.

Бодрящий мороз. Легко скользят лыжи. Лыжная прогулка в такой день — отличный отдых после напряжённого трудового дня. А в наступающих сумерках так красив густой

фиолетовый туман, так необычны переходы его к мягким тонам снежных кружев на ветвях берёз, что сразу подумаешь: как ни суров февраль, а к весне стало ближе.

Вот она — шапка!

Странно, необычно подходит нынешняя зима к «перевалу», к своей суровой «шапке». Повсеместно ознаменовалась она сильными снегопадами и морозами, на Камчатке же действовала «тихой сапой».

Долго стоял этакий нудный «чернотроп» (путь по голой земле. — *Ред.*). Только декабрь, да и то не повсеместно, прикрыл землю снежком, а сам был вполне «тёплым». Зато «шапка» — январь... Да вы сами помните новогодний период:

*Всё началось с простой метели,
С дождя и лужиц у окна,
Но промелькнули три недели,
Пока закончилась она.
Пока морозом сбило сырость,
Подкрасив синью небеса,
Пока простор раздался, вырос,
Открыв и сопки, и леса...
Вот так: под сумрачную шалость,
Под снежно-мокрые дела,
Зима «резервы» собирала
И с ними к «гребню» подошла!*

Долгонько продолжался этот «сбор резервов» и снежно-мокрые «дела». Испортили они новогодние встречи, общегородскую ёлку, походы и многое другое из обычных в каникулы мероприятий. Но когда просветлел небосвод, оставалось только ахнуть: снегу за пару метров навалило. Местами его так много, что не каждый из старожилов помнит подобную зиму. Вот тебе и сырость!

Люди, как всегда, довольно быстро приспособились к снежным излишествам, а вот «меньшей братии» — птицам, зверям — пришлось много труднее. Даже привычные ко всему вороны чувствовали себя неуверенно. До сырой снежной канители они целыми днями толпились на незамерзающих

мелких проталинах, добывая какой-то корм и грея ноги. В сырую же погоду они все куда-то попрятались, видимо, сырости и так хватало.

Снег да слякоть быстро выгнали из лесов в посёлки чечёток и пуночек. Правда, последние в городе почти не появлялись, зато даже большой пёстрый дятел вынужден был показаться здесь. А вскоре после наступления холодов появились и красногрудые снегири. Если хорошенько всмотреться, вид их не совсем обычный — красная грудка как-то потемнела, вроде копотью покрылась. Видимо, не легко достались им мокрые три недели. Да ведь и то сказать, — таким красавцам пришлось унизиться до помоек, но что поделаешь — голод не тётка!

Трудно сейчас глухарям и куропаткам. Правда, корма хватает — почки никуда не делись, зато привычную снежную постель не легко выкопать. Снег тяжёлый, плотный, его грудью не прошибёшь. Трудна добыча корма и для таких хищников, как лиса, соболь, горноста́й. Мышей нынче много, но они неохотно роют плотный снег, предпочитая не показываться на поверхности. А поди-ка, достань их из-под двухметровой толщи! Кому хорошо, так это медведю — снежная шуба весьма кстати.

Кончился январь — самая «шапка» зимы, её «гребень», «перевал». Стоит ясная, морозная погода, но не набрать уже морозам их настоящую, новогоднюю силу. Слишком долго копалась зима, собирая «резервы». Но если для нас начинается этакий пологий зимний спуск к весне, то для живого «населения», особенно пернатого, настоящая «шапка» ещё впереди. И не от морозов, а от бескормицы. Всё труднее становится добывать пропитание, хотя голод да мороз мало кому здоровье сулят. Недаром из десяти синиц весну встречает только одна.

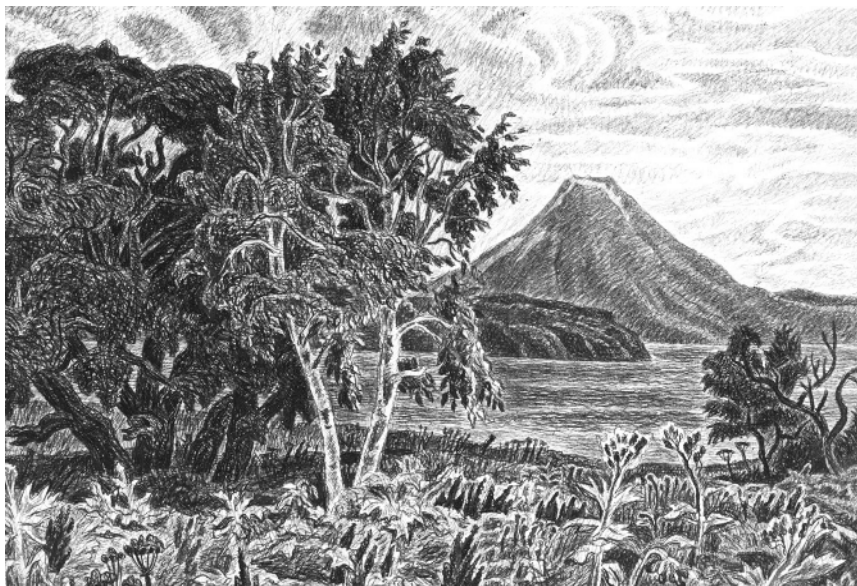
А морозы, хоть и не сильны, но тоже довольно устойчивы. Даже Авачинская губа льдом покрылась. Помню такое же в январе 1936 г., когда мы ловили навагу в Петропавловском Ковше (акватория нынешнего рыбного порта. — *Ред.*), пробивая во льду лунки.

Д. Ф. Ефремов. Козыревск. 1967 г. Подарок П. Н. Дьяконову.
Рисунок (КОКМ ОФ 35029)

Д. Ф. Ефремов. Сахарная. Толбачик. 1967 г. Подарок П. Н. Дьяконову.
Рисунок (КОКМ ОФ 35030)

Р. И. Яушев. Курильское озеро. 1975 г. Офорт
(ККМГИ 23244)

Значительно удлинился день. Ясная погода открыла все детали камчатских пейзажей. Каждого манят они, поэтому всё больше будет выходов в природу. Только не забывайте о наших «меньших», об их продовольственных трудностях. Будучи в лесу, не пожалейте высыпать крошки от обеда на утоптанную площадку. А если заметите колесом согнутую берёзку или другое деревцо, постарайтесь осторожно освободить их из снежного плена.

Всё это наше, и всё должно встретить не яркую, но милую камчатскую весну!

Февраль — весне просёлок

Не оправдывалась в январе народная поговорка: «Солнце — на лето, зима — на мороз». Не баловал январь любителей природы ни ясно-морозными днями, ни бриллиантовым блеском снегов. Наоборот, он хмурился, потел пургами и плакал чуть не тропическими слезами. Как подсчитали метеорологи, такое было лишь полсотни лет назад.

Неиспользованные морозы пытались, было, переметнуться к капризному февралю, да уж силы у них нет. И получилось, что, не в пример прошлым годам, нынче не скажешь:

*Январь довёз зиму до перевала —
В морозных санках, в льдистом серебре...
И тут она оторопело встала:
Февраль смочил погоду на дворе.*

Не скажешь, потому что сам январь не морозил, а досыта мочил всю большую камчатскую землю, испортив февралю его привычное заигрывание с весной. Вот и нет былой выразительности в том, что

*Февраль — к большому спуску подготовка,
К весне — просёлок, к солнцу — поворот!
Хоть и Камчатка, но уже неловко
Давать морозам полный оборот...
И день длинней, и солнышко всё выше,
Блестят просветы в снежной кутерьме.
И если вдруг заплачет снег на крыше, —
Считай, перчатка брошена зиме!*

И она действительно брошена, хотя январские снега плакали не в пример слезливее, чем плачут в феврале. Но день — то в самом деле длиннее. Утренний холодок быстро переходит в дневную оттепель, при которой не стыдно одеть и предвесеннюю форму одежды.

Да, не получил нынешний февраль особых примет, и если зимние причуды ещё не совсем позади, то всё же он прокладывает, как и встарь, первую, уверенную весеннюю тропку. Пусть даже не заметную, не обставленную ясно видными вешками.

Правда, нынче на севере полуострова был отмечен массовый вылет белых куропаток к побережью и к населённым пунктам. Но это ещё не примета, а лишь весьма редкое явление. Наоборот, обычных зимних гостей — синиц, снегирей и пуночек — почти не появлялось. Однако даже в городе мне пришлось наблюдать других, более редких пернатых гостей — зеленушек, чечёток и горных вьюрков. Эти тёмно-серенькие, бойко прыгающие птички не так часто залетают сюда, хотя в отдельные годы могут даже гнездиться, не пугаясь близости человека.

Кстати, окраской и поведением они на первый взгляд очень напоминают воробышков. Не отсюда ли часто возникают толки о камчатской воробьиной прописке?! (По свидетельству старожилов, воробьи на Камчатке, точнее, в Петропавловске, появились чуть позже, чем был подготовлен этот материал — на рубеже 1960—1970-х гг. Это обычно связывалось с началом работы в морском порту элеватора. — *Ред.*)

Март — весне начало!

Как ни портил нервы февраль, а проводили его с честью — на тройках, с блинами и плясками. Пусть проводы прошли под снежные заряды и температуру ниже желаемой, веселью это не помешало.

И вот уже март... Астрономы уверяют, что он первый весенний месяц. Ну, что ж, весенний так весенний, хотя наша камчатская весна, вроде бы, и не в ладу с астрономией —

февраль как будто продолжается. А иногда завернёт такое, что только руками разведёшь — ну и ну. Ведь бывало же:

*Липучим снегом захлебнулся ветер —
Вторые сутки бесится пурга...
Чего таить — немило всё на свете,
Лежишь в палатке... Скука и тоска!
Собаки цепью брякают спросонок,
Ведь им, по правде, тоже тяжело.
Над станом каркнет мокрая ворона,
И то уж сердце вроде отлегло,
А снег идёт, и ветер так же воет,
Стремясь палатку «до полу» прижать...
И всё же вершь — он весны не скроет,
Приход её пургой не задержать!*

Недаром в народе ходит пословица: «И в марте живут два друга — метель да вьюга». Но верно и другое, что «март сверху печёт, а снизу морозит»...

Солнце всё выше, день длиннее, пока не обгонит ночь. Капель с крыш уже устойчива, а обочины дорог чернеют. Это хоть и скромные, но вполне весенние приметы.

А как глубоки солнечные тени в лесу, какие печатные следы оставляет лесное зверьё! Для фотоохотника лучшее время. Спешите, ведь вскоре солнце будет воровать лесную запись, стирать и путать её, и уже никакой фотоаппарат не поможет разобраться.

К середине марта промысловая охота кончается. Ведь звери готовятся к смене костюма, а у некоторых, например, у зайцев, может появиться и первая молодёжь. Но для фотоохотника сезон ограничивается только условиями освещения, а они в марте весьма благоприятны. Кроме того, можно увидеть такое, чего позже и не заметишь.

Вот ива сбросила чехлики с почек и её белые «барашки» удивлённо смотрят на снег, сравнивая, кто чище. Пуночки ещё недавно были все одинаковые — бело-серенькие. А сегодня на головках самцов чёрная соболья шапочка и белизна грудок такова, что даже снегу стыдно. Скоро они приступят к нехитрым, но милым сердцу вокальным номерам. А синички уже нет-нет, да и свистнут по-весеннему. Даже совсем

уж странная «барабанная» песня дятла, и та хороша в солнечный день. Никаким «липучим» снегом этих скромных весенних примет не сотрёшь!

Поступают сигналы и из глухой отдаленной тайги. Вот старые берёзы с толстыми оголёнными сучьями. Под ними уходящий в снег, нерезкий круг птичьего помёта. Это глухарь принаравливался к встрече весны, молча, но важно осваивал толстый сук, поворачиваясь вокруг на все триста шестьдесят градусов. Хотя он ещё долго будет молчать, но брови его уже густо покраснели и пора разучивать первые «па» весеннего танца...

На поляне цепочка его следов-крестиков. Она вьётся спиралью, кольцом, а по бокам пятнают снег две параллельные черты. Глухарь выполнял весенний ритуал, «чертил» пока ещё молча... Что-то странное творится с воронами. Ещё недавно они знали только помойки, а сейчас собрались со всей округи, поднялись на огромную высоту и пикируют друг за другом, — только ветер свистит: вверх-вниз, вверх-вниз... Часами продолжается эта странная игра, а цель её — проверить, кто выжил за зиму и сколько осталось... подруг. Да, да — подруг! Хотя до весенней суеты ещё далеко, но пора разлетаться по гнездовым участкам, как бы их не расхватали...

Ближе к концу месяца на снежных полянах появляются зеркальные пяточки, мелодично хрустящие под ногой. Это тоже весна, тоже работа солнца! Тает верхний снежный слой, дыбится корочкой, вот и остаются зеркальные пяточки сверху. Раздави такое «зеркальце» и завтра появится новое. А потом всё больше и больше — началось снеготаяние, тоже верный признак весны.

Много их, этих скромных примет. Всех не перечтёшь. Одно ясно — камчатский март и в самом деле — «весне начало»!

На грани весны

Кончается март, и встала в памяти известная картина Саврасова «Грачи прилетели». Как мы их ждали в детстве! Кругом посеревшие снега, дорога черна от навоза, а они,

белоносые, уже ходят по ней или деловито осматривают старые гнезда. Весна!

Камчатские художники, к сожалению, ещё не создали аналогичной, характерной для нашей весны картины, да и сама она начинается по-другому, особенно в этом году. Холода задержались, и даже конец марта мало меняет зимний надоевший пейзаж. Конечно, день уже обогнал ночь, солнце пригревает, а в апреле может завернуть такая пурга, что забудешь о приметах.

*Вчера она окошко затуманила,
Просилась в дверь, цепляясь за кольцо.
А ночью долго вьюшкой барабанила
И, наконец, уселась на крыльцо.
Я вышел утром... Ну и наворочала, —
Как «востряки», сугробы на дворе...
Да только зря возврат зимы пророчила —
В апреле, это, брат, не в декабре!*

Если не верите, посмотрите: как обрабатывает сугробы солнце на грани весны. Южная стенка сугроба исчезает чуть не на глазах, причём внизу быстрее, чем у гребня. Скоро на гребне вырастают зубья, как у пилы, и под каждым зубом своя ямка. Все зубья постепенно тянутся к солнцу, перевешивают и падают вниз. Вместо них растут другие и тоже падают. Так за какую-то пару дней солнечный бур, без шума и взрывов, стгоняет целый сугроб. Даже воды не заметно, её время ещё не пришло, но весна уже пробует свои силы.

Гляньте в начале апреля на южные склоны холмов. Кусты шиповника, жимолости, стланиковой ольхи, вчера спокойно лежавшие под снегом, сегодня вылезли — склон запестрел. Неважно, если новая пурга попытается снять эту пестроту — не вернуть ей зимы. Пестрота выступит вновь, и с каждым днём гуще, отчётливее.

На тополях почернели почки, а на ольхе они приобрели глубокий фиолетовый оттенок. Уже появились белые «барашки» на иве. Если повезёт, можно услышать нехитрую песенку пуночки. И всё это не где-либо в тайге, а рядом. И всё это наши, камчатские приметы.

Зима с весной ещё балансируют на неустойчивой грани, но стоит ли сомневаться в победе весны? Она уже идёт. Готовьтесь к встрече. И пусть никого из вас не пугает сырая апрельская пурга.

Прощание с зимой

Февральский разговор о весне мы привыкли встречать шуткой, но в марте шутить уже нельзя: обидишь астрономов. Ведь в конце марта — начало астрономической весны. Пусть сегодня ещё в помине нет снеготаяния (сосульки не в счёт!), а день уже обогнал ночь и стремительно удлиняется.

Обычно в начале апреля весна чувствуется и у нас. Но нынешняя зима, как и повсеместно, особенная. Если в январе ходили в ботинках, то в феврале и марте без валенок скучновато бывало. Буранов же и снегопадов досталось — хоть отбавляй. По побережьям местами снег не только заглядывал, но и прикрыл окна вторых этажей! Трудновато пришлось людям, а разной живности ещё труднее. Ведь морозы терпимы в начале зимы, когда пернатые и мохнатые «зимовщики», как говорят, в теле. Другое дело — пурги да морозы под конец зимы. Осенний «жир» давно использован, а лесная «столовая» опустела.

Провёл я этот март в санатории «Начики». Великолепные места. Однако нынешняя зима позволила любоваться, так сказать, лишь самым передним планом, на длину вытянутой руки.

*Брала обида. Солнышко сияет,
В тених лиловых снега белизна,
Но всю красу сугробом прикрывает,
Что с февраля улёгся у окна.
А от окна «карман» раструбом в небо
Косая щель, чтоб пропускала свет...
На ней с утра чернеют крошки хлеба,
Семянки разные, кусочки от котлет.
И не страшась людей, что за окошком,
Спешат в «столовую» — в заснеженную щель —
Снегирь с подругой, поползень и крошка
Синичка-гаичка, и даже свиристель.*

И до того они, эти «столующиеся», по привычке, что свободно посещали не только кормушку, но и палату: влетают через открытую форточку. Но в санатории это не так удивительно — лес рядом, а ведь и в городе, и в других посёлках за зиму перебивали почти все пернатые обитатели леса. Голод не тётка.

Первый раз в жизни видел я и такую картину. Под открытой форточкой прибитая доска — «столовая» для голубей. На ней каша и другие «деликатесы». В окно смотрят люди, ходят рядом по тропинке. А на доске сидит кедровка и, не обращая ни на кого внимания, жадно поедает остатки голубиной трапезы. Попробуйте-ка приблизиться к этой хитрющей птице в другое время!

Мало ещё что изменилось в природе, но весна, уже настоящая, а не «астрономическая», не за горами и для Камчатки. Однако «марглош» — голод — ещё ходит по нашим просторам, сокращая отряды пернатых друзей. Поэтому следует приветствовать мудрое постановление правительства о запрете весенней охоты на дичь. Слов нет, с непривычки скучновато покажется, зато фотоохоте никто не препятствует, а ведь хороший снимок часто дороже добытого выстрелом мяса.

Про «марглоша» же это не выдумка. Я лишь позаимствовал его из рассказа видного археолога о жизни людей каменного века. Сейчас нам никакой, самый дикий марглош не страшен, а вот жителям леса он до сих пор даёт о себе знать в такие зимы, как нынче.

Апрель — весна света

В этом году март передал своему преемнику неплохую эстафету: на большей части полуострова начало апреля отмечено ясными, солнечными днями. По пригревам сразу же ослепительно заблестел снег. Под крышами повисли метровые сосульки. Кое-где из-под сугробов показались кончики погребённых ранее кустарников. Густо зачернели санные дороги. Очень не хочется сомневаться, что и дальше так пойдёт.

Однако многолетний опыт подсказывает, что эта «тишь и благодать» обманчива. Ведь нет в году месяца более капризного, чем апрель. Недаром народ вспоминает «апрельские затеи», а народная пословица учит: «Не ломай печи, ещё апрель на дворе».

Наш, камчатский, апрель особенно богат «затеями». Солнечные дни быстро сменяются не только пасмурной, сырой погодой, но и настоящими снегопадами с пургой. И не на один день. Тепло и снеготаяние нередко прерываются морозами до двадцати и более градусов. Правда, морозы держатся обычно только ночью, но при северных ветрах и днём не очень пригревает. Таких вот «затейных» дней в прошлом году я записал двенадцать, а в позапрошлом даже четырнадцать.

Но как бы ни капризничал апрель, главное в нём всё же не «затеи». Главное — длинные дни, яркое солнце и обилие света, проникающего в каждую щёлку, даже если небо закрыто облаками. Малейший солнечный зайчик — и всё засияет вокруг так, что без тёмных очков и смотреть больно. Что же говорить о настоящих солнечных днях? Наш апрель — это в полном смысле весна света, и всё живое в природе остро чувствует эту ослепительную весеннюю пору.

Солнечные копыта упрямо таранят снежный сугроб. Просачивается под снегом вода, скопляясь в колеях и ямах. Даже речной снег посинел от сырости. На пригреваемых солнцем стенах всё чаще появляются мухи, а иногда и перезимовавшая бабочка-крапивница.

Зимние гости — птицы — уже улетели в лес. Только вороны ещё крутятся около посёлков, но и их скоро не будет, тоже разлетятся по гнездовым участкам. А в лесу тихим апрельским утром, когда

*Рассвет мышонком серым меж берёз
Запутался в ветвистые тенёта.
Тускнеют звёзды. Утренний мороз
Рассыпал пятна льдистого налёта.
Всё спит ещё, уж ловит вдалеке
Привычное, внимательное ухо*

*Такое тихое, неясное: «Тэ-ке...
Тэ-кэ, тэ-кэ...» — отрывисто и сухо.
Лесной певец не будит тишину.
Над сонной далью песня не ликует.
Не в ней одной почувствуешь весну —
Глухарь токует!*

Да, глухарь — один из первых певцов весны. Вслед за его песней весенние приметы набегают неудержимо.

Вскоре на речных проталинах заснут хлопотливые стаи прилётных уток. В посёлках и на полях появятся жаворонки и белые трясогузки. К концу второй декады орлица, проявляя материнскую заботу о потомстве, сядет на гнездо. В конце месяца снесёт первое яйцо сорока, вылезут наружу муравьи, засочит берёза и расцветут серёжки на ольхе. Перед маем же при удаче можно услышать и гогот гусиных стай.

Снег всё больше оседает. В холодные ночи появляются насты, а с ними причудливые следы «летающих» зверей. Только что шёл по печатному звериному следу, и вдруг его нет. Куда же девался зверь? Улетел что ли? А, оказывается, просто — часть пути зверь прошёл по раскисшему за день снегу, а к вечеру вышел на наст, и след пропал.

Особенно интересны такие следы у медведя. Он покидает берлогу тоже во второй половине апреля и, если ему придется идти днём, он в снежном киселе роет целую канаву. Зато по ночному насту зверь идёт, словно он легче пёрышка. Только изредка оставит отметины когтей, да и те пропадут с первыми утренними лучами.

В конце месяца почернеют многие косогоры и выдувки. В тёплые дни над ними покажется тонкий парок, оправдывая пословицу, что «в апреле земля преет». Но это только у нас, в южной части полуострова, а ведь Камчатка велика.

На северных тундрах апрель — лучшее время для нартовой езды. Широко раскинулись они, а на них:

*Ни тени, ни облачна — белая гладь...
Не могут глаза отдохнуть.
Сорока поспорит, и пусто опять,
И вечностью кажется путь.*

Хотя тундровые снега в апреле почти не поддаются солнцу, но весна света здесь чувствуется ещё сильнее. Без тёмных очков не выдержать и одного часа: надолго глаза испортишь. А какие в это время мягкие, сияющие ночи!

Таков камчатский апрель, обычным «затеям» которого сопутствуют местные особенности. И всё в нём протекает стремительно бурно. Понаблюдайте, не пожалеете!

Весна света и воды

Специалисты-фенологи делят весну на периоды: ранняя — весна света, а разгар её — весна воды. Однако Камчатка — не просто Крайний Север, её просторам могут позавидовать многие государства, и естественно, что у нас обе весны дружат: на юге уже водяная весна, а на севере — ещё только весна света. Здесь снег раскисает лишь к середине дня, зато слепит глаза всё световое время. Правда, и на юге о тёмных очках забывать не стоит, ведь снег и тут на глаза действует. Вот и попробуй, разберись, какая сегодня весна?!

Однако не рано ли говорить об этом, когда даже первого апреля казалось, что всё в природе идёт по-старому, что пока ещё

*Зима резвится, как мальчишка:
Метёт позёмку-седину,
Звенит ледышкой об ледышку,
И нет намёков на весну.*

Но это только кажется... На самом же деле с первых дней

*Апрель, раскинув солнечные крылья,
Слегка задел по снегу ветерком.
И вдруг вода скопилась в изобильи
Под каждым самым малым бугорком.
Заплакал снег, зато ручьям веселье —
Резвятся, пенясь, подметая пыль...
Пушкой весны и робко новоселье,
Но можно верить: новоселье — был!*

Об этом важном событии уже настойчиво твердят весёлые пересвисты синичек-гаичек и барабанная дробь дятлов. О нём же негромко, но мелодично сообщает простенькая трель

пуночек. Кстати, зимой самцы этих птичек носили, тёмный, лишь с немногими белыми пятнышками наряд. Теперь же они снежно-белые красавцы, оставившие тёмные пятна лишь в форме галстука на белой манишке.

Или вот ещё: ныне всю зиму в городе держались чечётки. Правда, их было сравнительно мало. Зато теперь число их быстро возрастает за счёт возвращающихся с кочёвок. Однако пробудут они недолго. Весна стремится на север, и они двинутся за ней в почётном эскорте.

С каждым днём всё шире тёмные пятна на южных склонах и гребнях увалов, а снежные сугробы, отступая под натиском солнца, постепенно превращаются в какую-то водянистую кашу. Недаром же говорится, что «апрель всех напоит».

Весна в апреле — интересный, хотя и быстротечный период. Тут многое можно прозевать, зато увиденное или услышанное запомнится надолго. В центре Камчатки уже с 10 апреля можно услышать весеннюю песню глухаря. Правда, в других местах это происходит попозднее, но к концу второй декады глухари поют повсеместно.

Странная, таинственная птица — глухарь. Ну, почему, скажем, поёт он ещё по глубокому снегу? Почему поёт лишь ночью, а с солнечным подогревом смолкает? Почему его щёлкающая песня так тиха, что слышится лишь вблизи, и различает её только опытное ухо? Что-то мощное, древнее чувствуется в этом ночном певце! Но уж если запел глухарь, это вернейшая примета — весна пришла, и никакие «циклоны» не загонят её обратно. Тем более что на помощь глухарю спешат и другие тоже серьёзные помощники.

В самые ранние вёсны уже 17 апреля появляется жаворонок, хотя его серебристый голосок не звучал раньше 23 апреля. Но ведь надо же и отдохнуть после дальней дороги. Уже 19—20 апреля прилетает к нам белая трясогузка — гроза речных льдов. Недаром в народе заметили, что «трясогузка хвостиком лёд разбивает».

При хорошем ходе весны в середине апреля на реках появляются широкие полыньи, и 17—20 апреля случался массовый прилёт уток. Днём и ночью можно слышать свист

их упругих крыльев. Как же он волнует охотника! Право, не меньше, чем трели прославленного курского соловья. В очень ранние вёсны в конце месяца отмечалось сокодвижение у берёзы и даже выход муравьёв из зимнего подземелья.

И это только часть апрельских чудес, связанных с пробуждением природы. Смотрите, наблюдайте, сравнивайте, но забудьте про ружьё, — время охоты ещё впереди. Зато если увидите тяжко зажатое сырым снегом молодое деревцо, не поленитесь выручить его из плена. Пусть растёт!

А уж коль случится в апреле циклон и закиснет погода, унывать тоже не стоит — апрельский снег сгоняет следы зимы не хуже дождя.

С весной вас, дорогие друзья природы!

Апрельские сюрпризы

Кто же назовёт прошедшую зиму обычной? Хоть она и не была суровой, но такие снегопады вряд ли помнят и старожилы. Нечто подобное было лишь свыше двух десятков лет назад, да и то сугробы будто более скромными были.

Всем знакома народная поговорка о том, что «в первый апрель никому не верь», поэтому, когда метеорологи предсказали на апрель потепление, без снегопадов, хотелось лишь недоверчиво усмехнуться. И в самом деле, только-только кончились мартовские свирепые пурги, никаких признаков перемены в погоде не предвиделось. Однако «апрельские затеи» посрамили скептиков. Всё получилось, на первый взгляд, крайне неожиданно:

*Апрель — зима, повсюду снега горы,
А с ними множество забот...
Ну, как тут ждать, что очень скоро
Весна зазвонит, запоёт.
Но всё кончается в природе,
Для солнца тоже нет преград —
Недаром говорят в народе:
«Апрель затеями богат».
Уж трясогузка «лёд ломает»,
Пускай мала, зато сильна!*

*А в небе жаворонок «тает»,
И даже песня чуть слышна.
Да ведь не в силе звуков дело —
Пропала сила у зимы —
За месяц всюду посерело:
И лес, и поле, и холмы!*

Не помогли зиме огромные снежные запасы. Вроде бы и не заметила их весна и по-молодому смело ринулась в бой. Уже 21 апреля прилетела трясогузка. Только в 1960 г. она появилась на день раньше. С её прилётом быстро вскрылась река Авача, разметало заснеженный лёд на реке Плотниковой. Даже на Камчатке и других реках ледоход не за горами.

Жаворонок запел 21 апреля, на два дня раньше самой ранней его песни за последние двенадцать лет. Недаром заплакали, осели, покривились сугробы — бьёт по ним серебристая песенка не хуже снарядов.

А в лесу щёлкает, припечатывает, буравит снежную целину лесной красавец — глухарь. Вот-вот проложит глубокую борозду сам таёжный хозяин — медведь. Недаром же, чувствуя такую мощную поддержку, активно сбрасывает чехлики ива, обнажая белые, пушистые «барашки».

А насты... — чудесная «асфальтовая мостовая» во все стороны. Беги куда захочешь, и лыж не нужно. Только не днём.

Помню крепчайшие насты весной 1958 г., когда мы на собачьей упряжке добрались от склонов Шивелуча до реки Камчатки даже 25 мая. А как азартно в том году пели глухари... Заслушаешься!

Метеорологи ожидают тёплой погоды и в мае, а это значит, что насты с каждой ночью будут всё крепче, до самого схода снега. Бывает и май — «коню сена дай, а сам на печь полезай», однако нет оснований не верить в благоприятный прогноз. Вот только, как говорят, будет большой паводок.

Весенняя охота на пернатую дичь закрыта, а вот о сроках осенней охоты следует думать, судя по весенним событиям.

Отбыв свою очередь, ушёл на отдых апрель. Хорошую тропу проложил он своему брату — маю. И если не всё им доделано, то ведь и май неплохой работник — подчистит, доделает.

Бывает, и май-водолей апреля злей

В этом году наш, камчатский, май оказался с причудами. Вначале всё шло хорошо — апрель передал первым майским дням солнечную улыбку. Жаворонки приветствовали её нескончаемой весёлой трелью. Уж слышно было как:

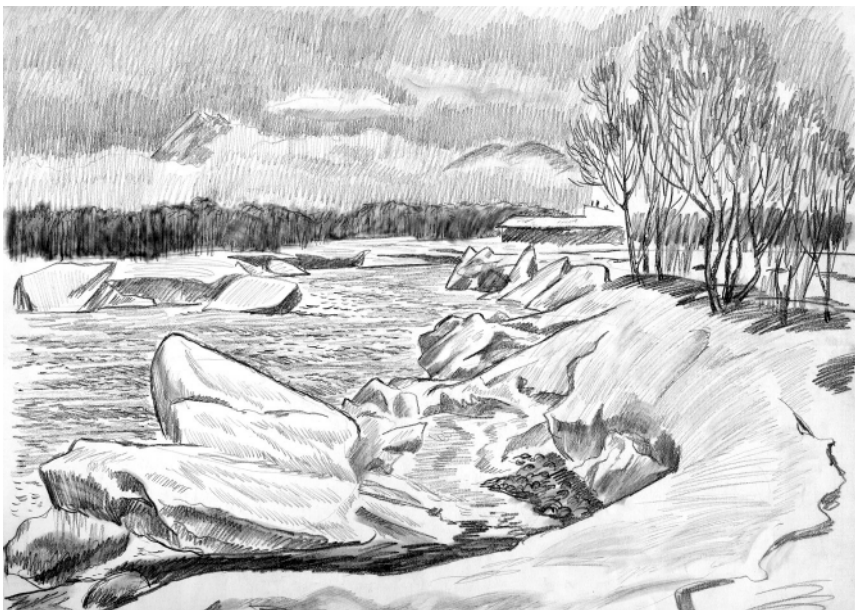
*Ручьи бегут... А в полосе прибрежной
Пахучей почкой каждый куст набух.
Поют синички, весело и нежно,
И трясогузка ловит первых мух.
Пусть в сопках снег спокойно, как зимою,
Лежит ещё, — и солнце нипочем,
Но даже здесь медвежьей стопою
Весенний знак рисуется на нём!*

Но вскоре в весеннем ансамбле что-то разладилось. Куда-то исчезло с небосвода солнце (по крайней мере, улыбки его стали уж чересчур редки). Первенство захватила ненастная, кислая погода, — днём дождь со снегом, ночью — снег с дождём. Так и потянулось... лужи, грязь, холодный ветер... Какое уж тут очарование?!

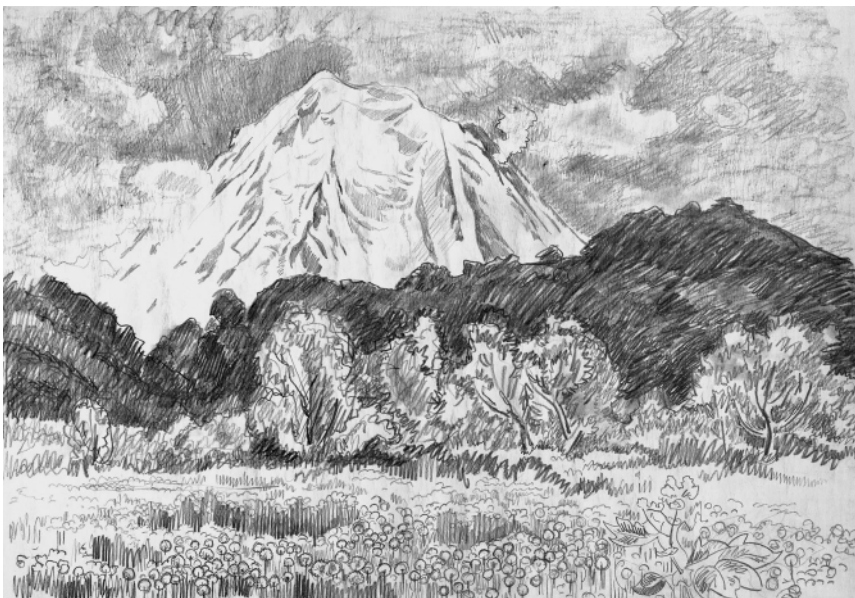
В такие дни и на душе как-то серо, пасмурно, а хозяйкам и вовсе докука: ведь к ненастью даже соль раскисает! Одно спасение — выйдешь на улицу — снег, ничего не видать, а сверху... Сверху чистая, серебряная песенка! Это неунывающий, весёлый жаворонок, знай себе, твердит, что опять будет солнце, тепло и сухо. И так бодрит этот крылатый певец, что сразу легче становится. Даже воды и грязи, вроде, убывает.

Вот так и тянулись в мае причуда за причудой. Как будто май занял их не только у брата-апреля, но прихватил даже у марта, если не у февраля. Но весна есть весна, чему положено быть в мае, то хоть с запозданием, но будет наверняка!

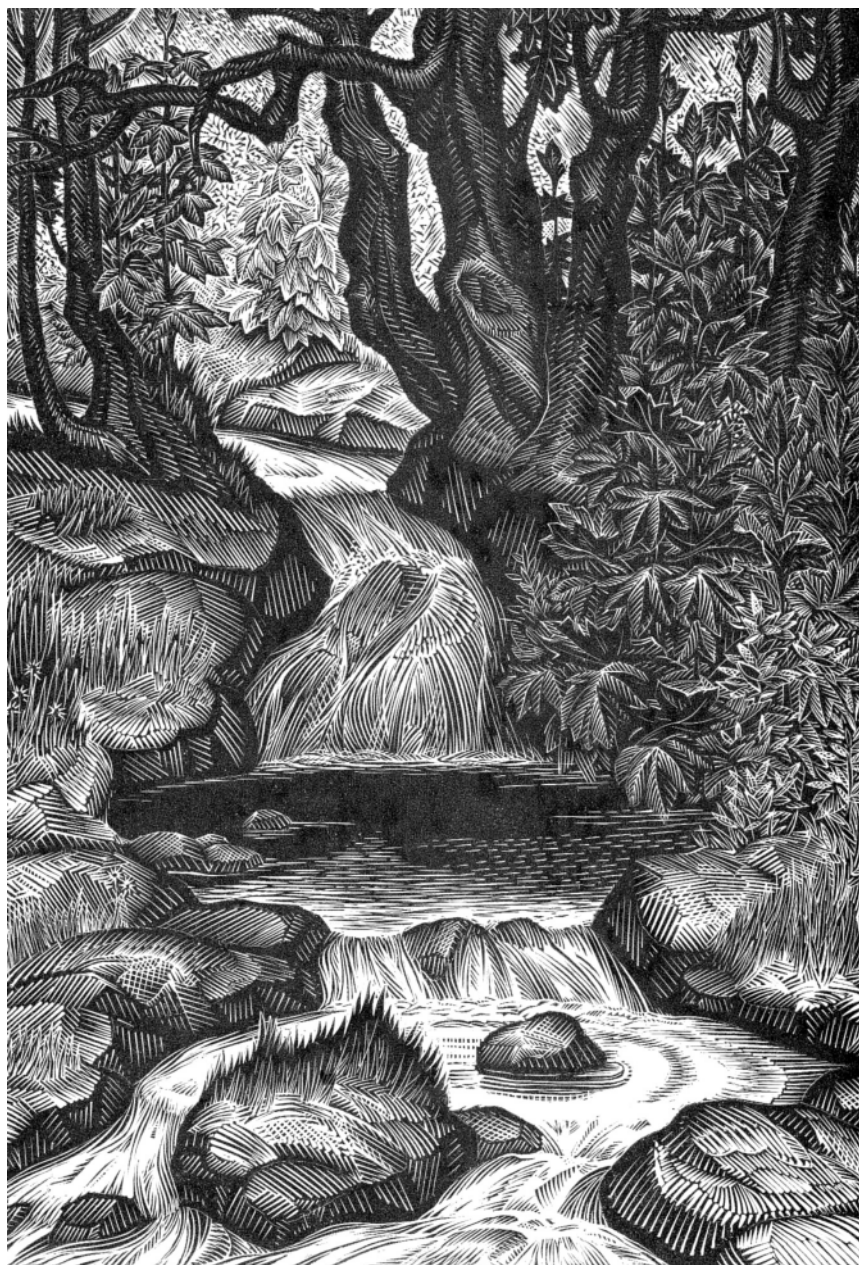
Я не решусь назвать нынешнюю весну чересчур запоздалой. Приведу несколько примеров, а там судите... Каменная берёза, повсеместное и всем известное на Камчатке дерево, заслушавшись песенок жаворонка, налилась соком ещё 6 мая. Это близко к среднему многолетнему сроку, хотя бывало, что сок появлялся и 25 апреля. Но ведь бывали вёсны, когда капельку сока удавалось получить лишь 18 мая.

А. Ф. Винокуров. Ранней весной. 1973 г. Рисунок (НВФ 2473)

А. Ф. Винокуров. Луг цветёт. 1974 г. Рисунок (НВФ 2474)

С. А. Степанов. Ручей. 1982 г. Гравюра (НВФ 1419)

Если пришлось прикасаться к отвисшим красно-коричневым серёжкам приречной ольхи, вспомните, как вас ещё 7 мая осыпала горючей серой пыльца. Это тоже близко к среднему сроку, а самое позднее цветение ольхи отмечалось 22 мая. Правда, такой казус бывал нечасто.

Возьмите наш самый ранний витаминонос — простую черемшу. В этом году её горько-луковые листочки развернулись 18 мая, хотя средний многолетний срок — 20 мая. А ведь бывало, что первый раз её поешь и в начале июня.

Вместе с черемшой показался не только зеленовато-вишнёвый столбик, но и зелёные листики на крапиве. Можно варить первый «зелёный борщ». Всё это близко к средним многолетним срокам.

А как в животном мире? Глухарь, робко подавший голос в апрельское ненастье, майским утром уже не тушует перед ним, его песня победно разгоняет последние снежные сугробы. Обычная речная чайка прилетела 5 мая, опоздав всего на один день. Серощёкая поганка — гагара — запела свою, весьма громкую, хотя и неблагозвучную песню 8 мая, даже чуть раньше обычного срока. Муравьи точно в срок, 7 мая, вышли из подземелья погреться на солнышке.

Утки хотя несколько и запоздали с прилётом, но уже к 16 мая кряква, шилохвост и чирок взялись за гнездустройство. У глухарок, сорок, ворон тоже забот полно. Надо не только наполнить гнездо, но и не заморозить снесённые яйца. Все эти приметы весны близки к средним многолетним срокам. Лишь с некоторым запозданием прошли реки, да упорно держался озёрный лёд.

Правда, зелени, как и всегда в мае, маловато. Везде лежит подсыхающая, горючая травяная ветошь (старая, нескошенная трава. — *Ред.*), сквозь которую пробиваются упрямые шилья вейника. Берёза ещё не верит, что пришло настоящее тепло. Она даже кукушке часто не верит. Но уж если поверит, то выкинет свои зелёные флажки все враз, по всему лесу. Тогда и бывает в лесу «зелёная дымка».

А пока, до зелени, опасно и в лесу, и у речных берегов. От любой искры вспыхивает ветошь, и не всегда удаётся

быстро затушить её. И гуляет тогда огонь по лесам и пастбищам. Не об этом ли так истошно кричит серощёкая поганка?

Вот теперь и судите, запоздала ли нынче весна. По-моему — нет, весна средняя, для Камчатки. А скоро и тепло будет, и зелень, на полях появятся всходы — верный залог осеннего урожая. Всё это будет. Не зря говорят о том весёлые трели жаворонка!

Нет, ещё не «травень»!

Вот и кончается май... Народ в старину его «травнем» назвал, сложил весёлую поговорку: «Зелёная травка — молока прибавка». Да только наш май — камчатский, до «травня» ещё далековато. Пока зеленеют лишь придорожные откосы, и то в населённых пунктах. Май также и весна первоцветов, да только у нас и это на июнь переносится, хотя нынче и ранняя весна. Но всё-таки и зелень уже есть, и первоцветы тоже, только пока не яркие, в глаза не бросаются.

С середины мая по солнечным пригоркам появилась сочная черемша. Но она аристократка, и землю ей подавай прогретую, и чтобы свет никто не заслонял, да чтоб и сугробы на глаза не лезли. А у самой, несмотря на все условия, зелень бледновата и сплошным ковром она не растёт.

А вот её подруга, чемерица, та ярко-зелёным букетом лезет, и соседство сугроба ей нипочём. Устойчивая к холоду трава, да жаль, не съедобна. Есть и первоцветы. Развесила свои серёжки ольха. Бахромой, до семи сантиметров в длину, висят они по голым ветвям. А ива бредина (козья), наоборот, крупные бобы-цветочки кверху поднять стремится, и тоже все ветви усеяны ими. Даже тополь, хотя ему и рановато, опустил каштановые серьги. А скоро и другие, настоящие цветы появятся — кукушкины тамарки да фиалки. Однако зелёный ковёр отстаёт ещё, но придёт время, и он нагонит.

А пока сухо в лесу, в полях, на тундрах. Ох, как сухо, — даже ветошь под ногами трещит. Нужна большая осторожность с огнём, иначе много беды наделать можно. Ведь не

только первая зелень появилась, но и в животном мире первый приплод уже есть. Уже 22 мая найден совсем ещё несмышлёныш — жаворонок. Он пока не летает и хотя бойко бегают, но где ему убежать от огня. Вспыхнет — и нет его. Подобных несмышлёнышей с каждым днём прибывает и у птиц, и у зверей. И всем им защита нужна до времени. Будьте же осторожны!

Весна воды и первых запевов

Своеобразен этот период — конец апреля — начало мая. То солнце прожжёт, то мокрая крупа на тебя сыплется. Даже зло берёт. И не потому, что мокро, а потому, что всё это уже ни к чему, никакой зимы оно не напоминает. Сырая ли погода, солнечный ли день, — всё равно кругом тает, с каждого пригорка ручей бежит, не везде пройдёшь без резиновой обуви. Одним словом, весна воды!

*Сосульки с крыши и с берёз
Заплакали навзрыд...
Уж никакой теперь мороз
Зимы не возвратит!*

Однако к концу апреля снегу ещё порядочно. В населённых пунктах хоть тёмные пятна зданий дают отдых глазам, а по окрестностям всё сверкает, искрит.

*Погожий день... Алмазными слезами
По тундрам плачут снега пяточки.
На дальний лес нельзя смотреть глазами,
Не спрятав их под тёмные очки.*

Солнце исправно выполняет свой долг, и в первой декаде мая снега «на низу» становится всё меньше и меньше.

Весна и солнечные лучи переходят в наступление на высоты — на камчатские «востряки» и сопки. Под их натиском снег и здесь начинает садиться, хотя не так заметно. Зато сверкает он на высотах прямо-таки ослепительно. Пожалуй, только по этому блеску и отметишь горную весну в начале мая. Но если присмотреться ближе — и там перемен много.

*Пусть в сопках снег
Спокойно, как зимою,
Лежит ещё.
И солнце нипочём.
Но даже здесь
Звериною стоюю
Весенний след
Запечатлён на нём!*

Наш бурый медведь часто зимует в горных берлогах. Когда же пригреет солнышко, не каждому удаётся понежиться в зимней постели. То вход в берлогу рано вытает, открывая доступ сквознякам, то вода просочится или мышата возню поднимут, воруя бурую шерсть, — всякое случается. Поневоле на свет, на солнце потянет. К концу апреля большинство медведей покидает зимние квартиры, и след тяжёлого зверя на подтаявшем снегу — очень верный весенний сигнал.

Но первый весенний росчерк принадлежит не медведю. Уже давно слышна дробная трель дятлов. Интересные они музыканты: играют на уникальных инструментах — сухих сучках. У каждого сучка свой тон, — вот и звучит далеко слышная весенняя мелодия.

Глухарь в этом году тоже рано, с 14 апреля начал пробовать голос. Пусть он не звонок, но волнует посильнее, чем деревянные трели. Ещё 11 апреля спела коротенькую песенку пуночка и сейчас всё удлиняет её, прибавляя новые колена. Совсем рано, 13 апреля, зазвучал серебристый колокольчик жаворонка. За последние двенадцать лет самая ранняя его песенка была отмечена 23 апреля 1964 г.

Вот вам и весенние голоса, первые в этом году запевы! И чем дальше, тем их будет всё больше. В начале мая подключат свои голоса зеленушка, чечётка, поползень и многие другие певцы...

Хороши в эту пору крепкие снежные насты. Далеко можно уйти в это время. Не надо лыж! В 1958 г. насты по утрам стояли такие крепкие, что мы приехали на нарте со склонов Шивелуча 25 мая. Внизу всюду было уже бесснежно, токовали бекасы.

В это время идёт валовый пролёт уток, гусей, куликов и прочей перелётной птицы. Всё оживает в природе: кончилась зимняя спячка, отбыт курортный сезон, проходивший вне родной земли. Скорее, скорее на родину!

Если временами и сереет небо, если и летят мокрые снежные хлопья, то это никого уже не тревожит. Всё живое знает, что облака непременно разорвутся, что в небесном океане вновь возникнет синева и сразу станет весело. Дескать:

*Смотрите все: кругом она,
От сопок до села,
Своя, камчатская весна,
Не ярка, но мила!*

Своеобразна и красива природа Камчатки весной. Недаром поэты и художники открыли её как неожиданно новую, вдохновляющую на творческий труд планету. Пожелаем же ей доброго Первомае и безоблачной майской погоды!

Месяц желанных зорь

И сейчас вспоминаются сосульки, длинные, до двух метров. Редко такие бывали, а по народной примете: длинные сосульки — к долгой весне. Хорошо бы, а то красивейшее время года у нас коротковато...

Глухарь нынче песню начал в середине апреля. Раньше обычного зазвенела песня жаворонка и уже стала привычной. Рано прилетела трясогузка. Рано... Да, многое началось рано в этом году.

А вот реки задержались. Муравьи хоть и запоздало, но вышли из зимних убежищ. Начинают игры комары-толкуны, но пока робко, видимо, нет ещё устойчивого тепла. Новых лесных певцов тоже почти не прибавилось...

Однако есть другая категория солистов, грубоватые голоса которых волнуют, пожалуй, не меньше, чем прославленные соловьиные трели. Эти не смолкающие ни днём, ни ночью голоса слышны были везде — на любой речке, на озере, болоте или даже на весенней луже...

Ещё в начале мая вернулись на родину утиные стаи, и наступила суетливая пора утиной любви, время желанных охотничьих зорь!

Нет равнодушных к утиному голосу, этому вернейшему признаку весны, но далеко не все, даже охотники, различают по нему уток. Разве что звонкое, трескучее «кря-ря-ря» маленького чирка знакомо почти каждому. Но чирок — не самая желанная добыча, скорее, как говорится, «на безрыбье и рак — рыба». Поэтому интересно разобраться в утиных голосах, чтобы при случае быть в курсе дела...

Вспомните: давно опробован мотор, до блеска начищено ружье, готовы заряды, а речка стоит и охота закрыта. Медленно идут дни ожидания, и наконец... С вечера подготовлен скрадок, спущены на воду чучела, выпит не один чайник чаю, а ночь, хотя и весенняя, кажется слишком долгой...

*Чуть рассвело, а уж кричит гагара.
Туман от речки потянулся ввысь,
Над ним со свистом пролетела пара.
Дуплета звуки где-то раздались.
И тишина... Сидишь оцепенело...
Но вдруг: «Жви... жви...» —
Плывёт в тумане тень.
Пора... На мушке... Гулко загремело
Ружьё и сердце: «С полем, в первый день!»*

Разве можно забыть настороженный трепет сердца, когда неподалеку от вас, в ответ на требовательное «кря, кря-кря» самки, вдруг послышится шипящее «жви... жви...» крякового селезня. Поистине электрический разряд пронизывает тело. Ради этого забываются все трудности, а сырой туман кажется солнечно-ласковым... Вот опять слышно негромкое, хриповатое «хэрэг... хэрэг...»

Это шилохвости — длинношеее красавцы, тоже весьма желанная дичь. Но они прошли вне выстрела, а за кустами уже раздаётся звонкий с хрипотцой свист, вроде «вви-у, вви-у». Спокойно, — самец связи ищет свою вероломную подругу. Ещё дальше слышится высокий, нежный, но сильный свист «тютю-вить, тютю-вить...» Спрячьтесь получше, вниз

сплывает косатый селезень — косатка. Может, он окажется на расстоянии выстрела...

Неожиданно над головой прозвучало сиплое «хат... хат...», и вверх взмыла небольшая, с широким неуклюжим носом утка. Её так и зовут — широконоска, или иногда — соксун.

Сзади прозвучал металлически чистый звон крыльев — прошёл мимо табунок гоголей, а за ним уже новая стайка грубо каркает: «Каррр... каррр» — это летит хохлатая чернеть. Если то же самое карканье более глухо и ниже тоном, значит, вас посетили белобокие чернети. Их свадебный голос очень напоминает воркование голубей. Изредка удаётся услышать своеобразное «кло-кло... кло-кло...» чирка-клоктуна.

А день берёт своё. Уже исчезает туман. Уже греет солнышко, и в скрадке клонит ко сну, ежеминутно прерываемому голосами уток. И вдруг над головой слышится мелодичное, спокойное «тьюи... тьюи...» А вот и сама крупная птица с изогнутым вниз клювом — большой кроншнеп. Сна как не бывало, однако добыть эту осторожную птицу удаётся очень редко...

Итак, пора желанных зорь ещё свежа в памяти. Да и не исчезнет она до будущего сезона! И хотя охота уже закрыта, слушать утиные голоса можно долго, почти до середины июня. Только это будут уже несколько другие голоса — главным образом турпанов и отчасти тех же чернетей. Вся серая утка будет на гнезде или готовиться к летней линьке.

А скоро вступят в хор голоса и новых, уже лесных певцов, — весна продолжается, и каждый новый день, проведённый среди природы, по-своему интересен и памятен. Слушайте песни, только помните, что природа ещё только «одевается» и очень боится огня. Отдыхая, не забывайте об этом!

Июнь — румянец

Хорошее время весна... С нетерпением ждёшь её. Ждёшь всю долгую камчатскую зиму. И вот смотришь, началось — капель с крыш, солнце ярче светит, день длиннее.

Но заметили ли вы, что нам весна всегда кажется уж очень короткой. Вначале вроде бы холод да грязь мешают, это «голая весна» — май. Потом вдруг всё зеленеет, и ясно, что пришла «зелёная весна» — июнь. А за ним и лето в глаза смотрит. Так и не успеваешь по-настоящему, надолго подружиться с нашей весной. В мае лишь кое-где по проталинам старую ветошь чемерица да черемша пробивают. Июль, наоборот, — растительное буйство, когда каждая былинка, каждый сорняк вытянут в полную высоту. И не малую. Ведь у нас крапива до двух, а шеломайник даже до четырёх метров вытягивается.

И только июнь — настоящий камчатский «травень». Сейчас травка зеленеет везде, где земля хоть чуточку прогрелась. Но это ещё не буйная трава, а, так сказать, травяная молодь. Далеко ей до полного роста, но обильно кормит её земля, и она такая мягкая, сочная, нежно-зелёная. А какой у неё бурный рост! Конечно, можно и мерку поставить, чтобы проследить за ним, но попробуйте установить это на слух:

*На землю лягте вечерком,
Когда затихнет всё кругом,
И будет шорохов полна
Для вас «немая» тишина.
У каждой травки шорох свой:
У чемерицы он густой,
Со скрипом даже.
У пырья нежней и тоньше.
У хвоцей — шершавей,
Как бы «шорошей».*

Поверьте, это не сказки. Не я один слушал шорохи растущих трав, и виновато в этом, по-видимому, камчатское высокотравье да кудёсник-июнь, за считанные дни выгоняющий любую былинку до заданной ей высоты.

В июне же и первоцветы появляются. Пожалуй, раньше всех расцветает знакомый одуванчик. Уже в начале месяца он покрасил все откосы в городе, а к концу месяца и урожай сбросит. За ним зацветают лютики и жёлтенькая калужница. Потом раскинут букеты кукушкины тамарки (триллиум), и пошло, пошло.

Заметили ли вы, что ранней весной большинство первоцветов жёлтой окраски, а уж потом пойдут голубые, оранжевые, синие и другие? Почему?

Лес тоже не хочет отставать. Даже каменная берёза, не верящая и кукушке, успела развернуть свои зелёные флажки. Кстати, в этом году всё распускалось равномерно. Однако кустарники распустились раньше деревьев, — видимо, у земли было теплее.

На деревьях тоже сейчас масса «цветов», а многие породы (ольха, тополь, ива) уже отцвели. Вот этот период, когда листва деревьев выходит из стадии «флажка» в «развёрнутую» стадию, самый красивый весной, оправдывающий половицу, что «нет милей чудес, чем наш русский лес».

В лесу, между прочим, тоже весеннее настроение. Ведь уже вернулась на родные места вся живая армия кочевников — перелётных птиц. Каких только голосов сейчас ни услышишь!

Да, что там в лесу! Не надо далеко ходить, чтобы услышать, как увлечённо щебечет белая трясогузка, взъерошившая перья и вся дрожащая в весеннем порыве. А совсем рядом с посёлком, буквально за ближайшими кустами, вы можете слышать и другие голоса. Встаньте до рассвета, выйдите за околицу, а там

*Две овсянки спозаранок
Славят утро и зарю.
Вот одна выводит рьяно:
«Чьюри-чьюри, чьюрюрю».
А другая отвечает
С узелочком на краю:
«Хиллю-хиллю хили-хили,
Тили-тили, чью-чью?»
Вы вперёд неторопливо
За соседний бугорок...
Там не хитро, хоть крикливо,
Упражняется юрок...
Если сам не поспешишь,
То услышишь громко: «Чжжж».*

Впрочем, все весенние голоса не передать. Если не рано утром, то целый день вас будет настойчиво допрашивать красногрудая чечевица — «Чавычу видел?»

Или, даже днём, вдруг отчётливо и чисто зазвучит: «Фитюй-фитюй-фитюй, хьюд-хьюд-хьюд-хьюд, тью-тью-тью-тью фью-фью-фью, тю...» — мухоловки. А вечерами можно не только услышать звонкое «тюви-тюли, тюли-тюви» бледного дрозда, но и увидеть его самого на вершине высокого дерева. А попробуйте передать мелодичный свист и трели соловья-красношейки и других певцов. Боюсь, что это не сразу удастся.

У большинства птиц и зверей — самое ответственное время. Не только песни петь, но и гнёзда устроить, и детей выкормить. Вот-вот появятся выводки у глухарок и разных уток, и дети их сразу подвижны, с ними легче. А тем птицам, птенцы которых голенькими и слепыми рождаются, много труднее. Таких не только кормить, но обогревать и усиленно охранять надо. Поэтому не тревожьте их, будьте осторожны.

Людам июнь тоже не одни радости приносит. И забот немало. Все полевые работы обширной камчатской земли приходится на первую половину месяца. Успевай разворачиваться! Кстати, эти очень важные работы почти повсеместно к концу подходят.

Да, июнь хоть и улыбчив, но полон контрастов, как, впрочем, и вся территория полуострова. На полях Петропавловского совхоза дотлевают последние снежники-пяточки, а в Крутобереговском — поля более чем наполовину под снегом. В городе стоит туманная серость, а в Камчатской долине жарко и местами так сухо, что даже курить опасно.

Так и складывается пятнистая мозаика нашей природы.

Какая нынче весна?

Странно, не правда ли? Всяк скажет, что она не торопится, запоздала. Июнь — летний месяц, а на Камчатке ещё и весны настоящей нет (речь идёт о весне 1969 г. — *Ред.*). В какой-то степени это верно, а вот то, что «подобного и старожилы не помнят» — далеко от истины. Подобная неторопливая весна, когда «кукушка на голом лесу закуковала», была совсем недавно — в 1965 г.

Конечно, понятие «голый лес» довольно условно. Обратите внимание на любую берёзовую рощицу и вы увидите знакомую, но непонятую или полузабытую картину — пырей, чемерица, тамарка, стланиковая рябина, даже жимолость, словом, вся приземная мелкота создаёт вполне зримый зелёный ковёр, а в каких-нибудь четырёх-пяти метрах над землёй всё мертво или в самом начале пробуждения. Подобную весну лучше было бы назвать «нижней», или, если хотите, «низовой». И все аналогичные вёсны, как правило, запаздывают. Начиная с 1965 г. все последующие вёсны были «нижними», и все они в той или иной степени запаздывали.

Бывал и другой ход развития природы, который с полным правом можно было бы назвать «верхней» весной. Она тоже своеобразна. Вначале зацветут тальники. Затем, не дожидаясь кукушки, выкинет зелёную дымку «флажков» каменная берёза, и под первое «ку-ку» певичку уже не рассмотришь. Да и лес почти не проглядывается. А внизу — даже отчаянно смелый пырей ещё трусовато прячется — всё мертво, одна бурая ветошь. Я люблю эти «верховые» вёсны, когда на спящую, такую же живую природу вдруг ляжет неясно-зеленоватая воздушная фата. Наиболее ярко выраженные «верховые» вёсны были в 1937-м и 1960-м гг. Характерно также то обстоятельство, что при этих вёснах промерзание почвы всегда более слабое, чем при «нижней», и не так затрудняет людские весенние хлопоты, даже при некотором запоздании событий.

Есть и ещё одна — наиболее желательная и красочная, — «общая» весна. Она, как правило, ранняя, дружная, и все ярусы камчатской растительности, от мельчайшей травинки до наиболее высоких деревьев, распускаются почти одновременно, с самым минимальным, почти неуловимым разрывом во времени. К сожалению, такие вёсны, видимо, не часты, и за тринадцать лет наблюдений мне удалось видеть лишь одну — в 1962 г. Это была чудесная весна — солнечная, тёплая, без ветров, с бурным взрывом всех проявлений к жизни живой природы.

Видимо, эти три варианта весны характерны не только для Камчатки. Они возможны везде. У нас же этому способствует своеобразие географической среды.

С чем связан тот или иной ход весны, сказать трудно. Наиболее вероятно, что он зависит от циклов солнечной активности. И если так, то следующие ближайшие вёсны можно ожидать «верховыми», а около 1972 или 1973 г. — настоящую бурную вспышку «общей» дружной весны. Но, повторяю, период наблюдений за жизнью флоры Камчатки пока невелик. В жизни же животного мира особенности весенних фаз выражены не так резко.

Если нынешнюю весну считать запоздалой, то почему жаворонок запел в Ключах 20 апреля, а в Петропавловске — 21 апреля? Почему трясогузка прилетела в Ключи 18 апреля, а в городе впервые показалась 21 апреля? Это на четыре дня опережает средние многолетние сроки. Валовой пролёт уток прошёл тоже в конце апреля, то есть в обычное время. На указанных живых существах запоздание весны сказалось лишь на месте, а не на сроках их появления у нас.

Итак, вопреки «летнему» расписанию, идёт «нижняя», запоздалая весна. Но не бойтесь этого. Природа своё возьмёт. События начнут нарастать стремительней с каждым днём. Ведь украсил же за одни сутки одуванчик все откосы городских улиц! Второго июня его ещё не было, а третьего уже кругом жёлто. Так оно и пойдёт. На наши же плечи ляжет лишь необходимость заканчивать все полевые работы в кратчайший срок, измеряемый буквально днями. Ведь не посадишь же картошку после того, как отцветёт черёмуха: толку не будет.

Кроме обычных забот, весна — это романтика походов, экскурсий, вылазок на лоно природы. Хотя короток нынче срок обновления растительности, но природа ещё весьма уязвима. Ведь повсюду царит старая ветошь и другой огнеопасный мусор. Малейший недосмотр, и возможна большая беда. Так, 1 июня уже сгорело до трёх гектаров кедрового стланика у «Ржавых Ключей» — стланика, очень ценимого

нами как заменителя новогодней ёлки. Пусть же каждый любитель природы помнит:

*Кедровый стланик маслянист:
На нём иголки, а не лист.
Горит в любое время дня —
Храните стланик от огня!*

А по берегам рек уже завёл свою песню кулик — большой улит. Не следует забывать:

*Улит кричит: «Травы... травы...» —
Не потеряйте ж головы,
Сухой травы полно кругом —
Усиль надзор за огоньком!
И даже чуть позднее,
Услышав первое «ку-ку»,
Не дай свободы огоньку —
Опалит он и берега,
И лес, и рощи, и луга!*

Всегда следует оглянуться, посмотреть кругом, и если ты это сделал:

*Подумай, разводя костёр, о том
Что вокруг тебя — простор.
Что жизнь кипит в просторе том...
Не опали её огнём!*

А самое главное, — во всех экскурсиях и походах надо твёрдо усвоить основное правило:

*Костёр туристу верный друг.
Но он способен сжечь вокруг
Не только рощи и кусты,
А все детали красоты.
За этим «другом» нужен глаз —
И каждый миг, и каждый час...
Коль нет возможности следить.
Костёр не стоит разводить!*

Таковы самые простейшие правила поведения при любых работах в лесу, в любом походе или даже на простом воскресном пикнике. Стоит их выполнить, и, уверяю вас, поход будет намного интереснее не только для вас, но для всех, кто придёт на это место позднее.

А на запоздалую весну сетовать нет смысла, она своё возьмёт!

Июль-«страдник» — макушка лета

Странная нынче эта «макушка». По южной части Камчатки она излишне плаксива — не холодно, но уж больно сыро. В центре же полуострова, наоборот, ранние заморозки прошли...

И все же июль — макушка — другой нынче не будет. Да и привычна наша природа к любым погодным причудам. Посмотрите, какое зелёное буйство кругом — в траве ничего не найдёшь, сквозь листву ничего не увидишь!

*В июле всем природа поражает:
Шуршащей кроной ив и тополей.
Берёз кудрями, сочным «урожаем»
Совсем недавно вспаханных полей,
Борщевика листвой полуметровой.
Медвежьей дудкой (ствол по кулаку!)
Снегами сопok вздыбленных сурово
Ещё и звонким утренним «ку-ку».
Стремится жизнь до полного расцвета,
Любой травинкой двигается ввысь...
А это значит — наступило лето:
«Спеши, используй, силы наберись!»*

Даже нас, привычных жителей, удивляет, до чего же спешит всё живое в природе. Многие более ранние цветы уже отцвели, а шиповник — весь малиновым бархатом залит. Крупны оранжевые «стаканы» на камчатской лилии — саране. А вот ягода жимолости скоро уже поспеет, можно будет попробовать этот деликатес. Ива давно бы пускала свой «пух», да сырость задерживает. Тополь тоже скоро начнёт посев семян нового урожая.

Так всё и стремится к вершине жизни, не теряя ни минуты, не взирая на причуды погоды. Благо, день ещё длинный и света много. Да и задача стоит не малая — надо не только дорасти, но отвести и семена успеть подготовить. Вот одуванчик уже два своих урожая рассеял.

Цветущий ломонос охотский. Каменноберёзник Заречного хребта, урочище Накша, 23 июня 1957 г. Фото и текст П. Н. Дьяконова (из фондов КГБУ ГАКК)

Цветение черёмухи в урочище Накша. Цветы распустились полностью, а по берегам рек уже начинают опадать

Цветение кукушкиных тамарок в урочище Накша. Цветут звездчатки, егорьево копьё и другие. Справа черемша, уже переросла, выпускает стрелку. 23 июня 1957 г. Фото и текст П. Н. Дьяконова (из фондов КГБУ ГАКК)

А сколько песен в любом, даже невзрачном перелеске! И утром, и вечером... Только днями, если погода хорошая, птичий хор немного умолкает. Так и кажется, что у пернатых, кроме песен, и забот нет. Но ведь июль для них самый напряжённый родительский месяц. Нелёгкий это труд — выводить птенцов. Насекомоядные птицы подкармливают потомство до тысячи раз в день! И всё же не унывают, выкраивают время и для песен.

У выводковых птиц тоже забот достаточно. Правда, с кормом, может быть, и легче, но попробуй-ка сохранить малышей, до которых так много любителей! Глухарята к концу июля уже прилично перелетают. Ранние утиные выводки тоже начинают «шлёпать» по воде. Совята по кустам прячутся, но могут и отлететь от опасности. Орлята усядутся на высокую ветку и громко твердят своё «тики-тики». Они вечно голодны, ведь за короткий период надо дорасти почти до взрослых родителей. Да и других птичьих несмышлёнышей в июле много, и все они требуют непрерывного надзора, заботы о себе. У зверей тоже хлопот хватает. Медвежата бродят под защитой матери. Соболята пробуют сами добывать пищу, но от матери не отходят. Лиса тоже ещё подкармливает своё семейство. Только зайчата давно забыли о матерях и жируют в сочной траве.

В конце июля, когда парной туман расстелется по окрестностям, появятся грибы. В долине реки Камчатки это происходит где-то в середине месяца, в других местах попозднее. Но к концу месяца грибами покрывается даже Олюторская тундра. Интересны грибы на тундре — мох да мелкий кустарник не скрывают их. Далеко видны не только красношляпые подосиновики, но и темноватые подберёзовики. Кстати, как сохранились грибы на тундре, когда от берёз остались лишь малые горные «гривки», а об осинах и воспоминания нет? Неужели, оледенение погубило широколиственные леса, но ничего не могло сделать с росшими в них грибами?

Всегда интересен и многими любим грибной сбор в лесу, но не менее хорош он и на тундре, когда из-под ног почти беспрерывно вспархивают куропаточки выводки.

Богата Камчатка грибами, хотя основной урожай их и приходится на август. Однако и при грибном богатстве его надо беречь. Не ломайте, не рвите, а срезайте грибы с грибницы, и вы надолго сохраните урожайность родных окрестностей.

Впрочем, в июле ко всему живому в природе надо проявлять большую осторожность и заботу. Ведь это в полном смысле месяц-страдник, месяц закладки основ новой жизни и в наших интересах, чтобы эта новая жизнь опять полной мерой проявила себя в будущем году.

Зелёная макушка

На Камчатке расцвет природы, её самая зелёная макушка приходится на июнь и июль месяцы. Июнь — разгар весны, предлетье. Июль — лучшее время лета. Сколько в эту пору радостей, забот и работ, не только в природе, но и у людей! Да ещё если весна пойдёт с причудами, не обычным ритмом, — а такое у нас не редкость. К Камчатке лучше, чем где-либо подходит народная пословица: нет такого подрядчика, чтобы к сроку весну выставлял.

Вот и нынче июнь начинался холодом. Потом пошли тёплые дни с холодными ночами. Их сменили холодные дожди. Наконец, стало тепло, но ночная прохлада удерживалась. Многие цветы на клумбах не выдержали этих скачков и к концу месяца выглядели совсем уныло, но на то они и садовые.

А вот дикие растения вели себя хитрее. Они начали зеленеть осторожно снизу от земли, как бы доверяя ей больше, чем воздуху. Нижние ветви зазеленели тогда, когда почки повыше ещё и не думали просыпаться.

Так и выглядел лес в июне — внизу густо зелено, повыше — чуть-чуть зеленоватая «дымка», а ещё выше — почти зима. Даже наша, наиболее древняя, пережившая все стадии оледенения каменная берёза полностью надела зелёный наряд лишь к концу второй декады июня, хотя внизу развернула листья ещё четвёртого числа. Вот и отмечай дату её зеления, как хочешь!

В общем-то, растительность в этом году развивалась близко к средним многолетним срокам, но для нас и это было уже поздновато. Да к тому же, всё шло не плавно, а скачками. А тут ещё горные речки, обычно дающие воду к концу второй или в начале третьей декады июня, потекли в этом году с шестого, а то и с девятого числа...

Почва холодна, местами даже мерзловата, дороги в непролазной грязи, речки вышли из берегов, закрыв проезды, — вот и успевай управиться с весенними полевыми работами в какой-то десяток дней. И хотя они, эти работы, в совхозах и колхозах области закончились на уровне средних многолетних сроков, но, как говорят, июнь заставил потеть. Труден был июнь, но закладке фундамента будущего урожая помешать не смог.

Июль, наоборот, начался теплом, сильно ускорившим развитие растений. Многие из них даже опередили средние многолетние сроки. Так, показатель начала камчатского лета — цветение шиповника — отмечено 2 июля, хотя наиболее поздний срок бывал 17-го числа. На иве сахалинской «урожай» поспел и полетел по воздуху ещё 26 июня, хотя это событие отмечалось и 17 июля. Уже 10 июля созрели ягоды красной смородины. Скоро поспеет жимолость, урожаем которой в этом году хороший.

Скоро подойдёт и полетит по воздуху «урожай» тополя. Вот-вот появятся первые грибы... И пойдёт, и пойдёт — знай собирай кому что нравится, на то и лето! Нет, июнь хоть и хитрил, но не смог обмануть нашу привычную природу.

Поспевают травы на лугах, зацвела иволистая спирея — таволга, значит — скоро сенокос, весёлая, хотя и хлопотливая, пора. С сенокосом начнётся непрерывное стрекотание кузнечиков. Их с нетерпением ждут глухаринные выводки, ведь для них это деликатес. Плавают на воде выводки кряковых, шилохвостей, гоголей и других уток. Уже всю летоют молодые трясогузки. Да и у других пернатых забот прибавилось — потомство есть просит.

А кукушка всё ещё кукует, поют чечевица, бледный дрозд, пеночка-таловка и другие певуны, не молчит и лес. Гото-

вятся к цветению акониты — борцы, кипрей и другие летние цветы. Так и идёт: если одно в природе заканчивает цикл размножения, другое только готовится начать его.

Хороша у нашей природы зелёная макушка!

Август — «густырь»

Сезонный ритм нашей природы сейчас весьма близок к среднерусскому. Это и понятно — сколько весну не оттягивай, а конец приходит. Лето тоже не растянешь. Недаром:

Тихий август — зрелость лета!

Над полями лёгкий дым...

Бродит осень близко где-то

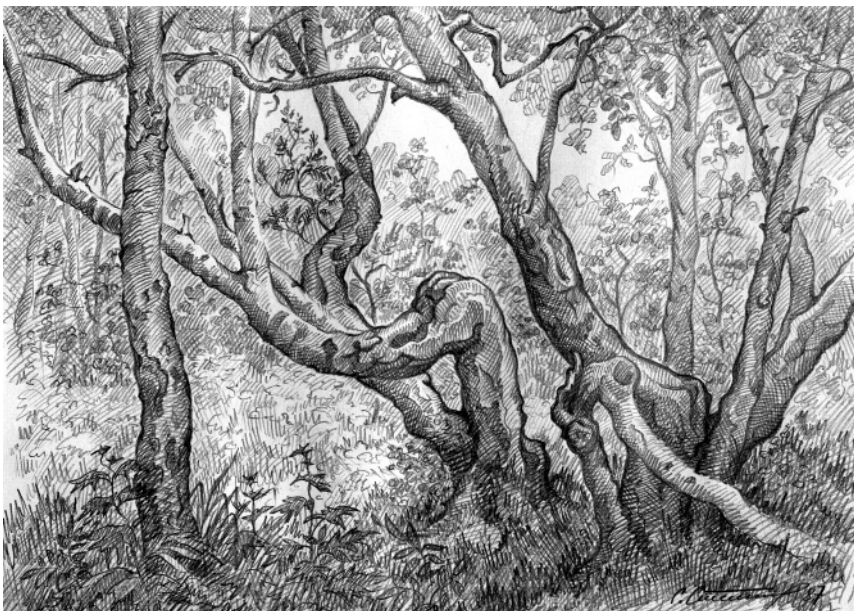
Над моим селом родным.

Поневоле всё живое поторапливается, ведь осень, даже мягкая, всего лишь пора увядания...

Попробуйте вспомнить, каким был август раньше, хотя бы в прошлый год. Каковы его основные фенологические приметы? Боюсь, что вспомнить не легко — уж очень он занятый, деловой, хлопотливый месяц. Недаром в старину его называли на Украине «серпень» — рука крестьянина не расставалась с серпом. Да и наш август — основная пора заготовки кормов, сеноуборки, когда «коса греет, а вода холодит».

А сколько других забот! У геологов и лесников в разгаре полевой сезон, у туристов — самые интересные походы, у школьников — лагеря, отдыхающие набираются сил и так далее. Но ведь в августе полностью развернута и лесная «скатерть-самобранка», недаром этот месяц народ «густырем» называл — густо в лесу, приходи, выбирай, что нравится, только не забывай про осторожность со спичками.

Прежде всего, надо набрать жимолости — «камчатского винограда». За ней поспеет голубика, позднее черёмуха. А грибы... Лучшие грибы тоже в августе — белые, красные, подберёзовики, грузди... Пропустил август — и побирайся в сентябре одними опёнками. Правда, осенние опёнки тоже хороши, но разве сравнить их с плотным тёмноголовым обаком, что растёт в наших березняках!

С. А. Степанов. Камчатские берёзы. 1987 г. Рисунок (КЖМГИ 27397)

С. А. Степанов. Бурелом. 1986 г. Рисунок (КЖМГИ 27369)

С. А. Степанов. Ольха. 1986 г. Рисунок (ККМГИ 27374)

С. А. Степанов. Коряга. 1985 г. Рисунок (ККМГИ 27376)

Вот и некогда вспоминать, каковы же августовские приметы. Приходит на ум лишь хлопотливая, иногда тяжёлая, а в общем-то, весёлая суета, когда в короткий срок надо так много сделать. Возможно, более отчётливо вспоминаются лишь вечерние таёжные костры.

*Всё тихо дремлет. Всё полно покоя.
Лишь дым вверху кудрявится слегка...
И в этот миг не только мы с тобою,
Но сказок рой присел у огонька.*

Вот так-то. Говорил-говорил про август, а ещё ничего не сказал. А ведь в августе есть свои, ему лишь присущие приметы.

Казалось бы, ещё ничего не изменилось в природе, а листья на черёмухе уже начали краснеть. К середине месяца вся она стоит в красно-жёлтом цветистом уборе. За ней, видимо, из зависти торопятся набрать красно-вишнёвый цвет листья рябины.

Уже отцвели герань и ирис, рябчик, ломонос и другие более ранние голубые цветы. Зато пышно цветёт похожая на сорняк жёлтая пижма, розоватый кипрей, светлый лабазник и интенсивно-синие борцы. Вновь и вновь (в который раз!) зацветает невзрачный одуванчик. Впрочем, в хорошую осень он способен цвести и в начале октября.

На тополе листья вроде и не желтеют, но к середине месяца начинают украдкой спадать. Вот тогда и появляется в лесу первый, ещё неясный шорох.

Уже замолкли птицы, хотя все они ещё здесь, даже кукушка. На реке и озерах слышен лишь крик серощёкой поганки — гагары. Весёлая эта птица — в свадебный период кричит, детей выводит — кричит, покончит с семейными делами — не умолкает.

С середины месяца от реки и озёр по утрам тянет холодком, а свежеподснеженные сопки рисуются особенно чётко. Утренняя прохлада подгоняет утиные выводки. Во второй декаде утята уже хорошо летят на кормёжку, собираясь в довольно большие стаи. Не отстают от них и глухаринные выводки. Чем ближе к концу месяца, тем больше волнения у охотников.

Но вот, как предательская седина, появятся первые жёлтые пятна на берёзах. К концу месяца берёзы пожелтеют наполовину, как говорят, «запестрят». Это главный фенологический признак начала нашей камчатской осени. Прощай, лето! Немного останется ждать до 1-го сентября — дня открытой охоты. А всем, кто дожждётся, кто по-настоящему любит нашу природу, заранее хочется пожелать: «Ни пуха вам, ни пера, друзья!»

Август с осенью роднится

Получил я на днях письмо из Подмосковья от старого друга профессора Н. Е. Кабанова. Вот что он пишет: «...У нас с 31 июля ни стрижей, ни ласточек не стало. Распрощались с холодной подмосковной погодой и подались в тёплые края... Чего же ты хочешь, — нынче год беспокойного солнца...»

А ведь и правда — на солнце «неспокойно», и людям забот больше, и всему живому покоя нет.

Этим летом нечасто можно было указать, в какой стороне солнце, обычно оно пряталось за дождём и моросью. Однако мы всё же в лучшем положении — наша пернатая братия пока ещё молчит про «дальние края». Хотя, взгляните на напряжённую позу глухарки, попавшей в объектив в первой декаде августа. Так поступать она может лишь в одном случае — когда детки рядом. Им бы уже пора кормиться самостоятельно, но, видимо, нынче отдельные выводки очень отстали в развитии.

И всё же:

*Август — южный полюс года —
Выше некуда стремиться,
И поэтому природа
Начинает торопиться.
И герань, и ломоносы,
Черемша и чемерица
Всюду сеют зёрен россыпь,
Чтоб весной возродиться.
Тихо листики роняют
И топольник, и берёза.*

*Листья жимолости вянут,
Как от первого мороза.
Лишь кипрей да пижма яро,
Да борцы и крестоцветы,
Как с «весеннего угара»,
Уверяют: длинно лето!
Но оно проходит мимо...
Пусть кузнечики стрекоцут,
Пусть грибы растут незримо
И грибную стёжку строчат.
Август — самая верхушка —
Вся в трудах, но без печали.
Почему ж молчит кукушка
И овсянки замолчали?
Потому, что август — лето!
Наше северное лето...
Всё весеннее пропето,
Снова осень шлёт приметы.*

Август — напряжённая пора кормозаготовок и других работ в сельском хозяйстве. Высокие травы требуют срочной уборки, и каждый погожий день на лугах звенят сенокосилки. По косовице прыгают сероватые кузнечики, издавая стрекочущую трель. А птичьи песни действительно смолкли. Только серощёкая поганка, как и раньше, стонет по вечерам на озерах. У остальных пернатых забот о детях хватает, ведь выводки надо не только поднять на крыло, но главное — сохранить. Любителей же молодого нежного мяса в природе немало. Кстати, редкий у нас ястреб-перепелятник гнездится поздно, как раз потому, что в августе легче прокормить своё потомство за счёт глуповатой молодежи других птиц.

Хорошо раннее утро в лесу, когда то тут, то там увидишь крепкую шляпку боровика или подберёзовика. К сожалению, в этом году грибов маловато, да и появились они поздно, так сказать, лишь «второй пласт». Может быть, не зря говорилось в народе, что «нет грома, и грибов не будет».

В самом деле, в городе небольшая гроза прошла во второй половине августа, а в Ключах — в конце июля. Как бы то ни было, грибов маловато. Разве что поздние опёнки выручат.

Однако кладовая природы не так уж пуста. Поспевают морошка, голубика, брусника, а местами и садовые — смородина да крыжовник. Для любителей зимний запас обеспечен.

Да, осень уже шлёт свои первые приметы. Травы сбрасывают семена. Отдельные листья черёмухи покраснели. Желтеют листья у жимолости, а частично и у смородины. С берёз и тополей нет-нет, да и упадёт совсем, казалось бы, зелёный листок. Значит, он отслужил своё. Всё идёт к тому моменту, когда лето с осенью вплотную встретятся, что уже не за горами.

Скоро придёт пора осенней охоты на дичь. Нет лучшего времени для общения с природой. Только не забывайте об её охране. Не плодите подранков и не бейте глупых «хлопунков» — чести от этого мало. Ведь на охоте, как и во всяком деле, не столько азарт, сколько разум нужен!

Сентябрь-живописец

Ещё цветут на клумбах астры и георгины, васильки и левкой, цветут борцы, белая ромашка и надоевший за лето одуванчик. А с тополя уже нет-нет, да сорвётся зеленоватый листок. Шурша между ветвями, падает он на землю. За ним поодиночке начинают садиться берёзовые и даже ольховые листья. Так незаметно начался «вечер года» — пора, которую повсеместно называют осенью.

Её открывает сентябрь, один из самых красочных в году месяцев.

Точную дату начала осени указать трудно. Астрономы считают 26 сентября — день осеннего равноденствия. Метеорологи отмечают вместе с первыми заморозками на почве. А камчатская природа сигнализирует запестревшей берёзовой листвой. Однако изменение цвета листвы возможно и после шестого сентября, тем более что первые сентябрьские дни ещё обласканы теплом и солнцем.

Тихо подкравшись, осень будто шапку на природу одевает. Если внизу ещё зелено, то поляны вверху, даже по невысоким холмам, уже окрасились в ржавый цвет. Здесь закончили

летний цикл герань, кипрей, вейник, мелкие папоротники и другие травы. Ниже густо краснеют гроздья рябины, а скоро такой же цвет приобретёт и её листва. Тогда каждое деревце её издали увидишь. За рябиной заперстит боярышник. Осенняя листва у него очень своеобразна, многоцветна, жёлто-розово-красная. Постепенно буреет листва ольхового стланика, но ждать её пожелтения бесполезно. Она так и опадёт, ни зелёная, ни чисто бурая.

Уже охватило первой желтизной прибрежные тальники, да и на берёзах показались предательские жёлтые пряди. Так и идёт одно за другим, краска за краской. Вишнёвый, красный, оранжевый, розовый, золотой, ржавый, серый, бурый — каких только оттенков нет!

Ни яркие краски весны, ни, тем более, одноцветная зелень лета, не могут соперничать с нежной, ненавязчивой цветовой гаммой сентября. Лишь он один в году — подлинный живописец, раскрывающий свой замысел к середине месяца, а во второй его половине достигающий полного расцвета.

Но в сентябре, кроме красок, много и других интересных явлений, для описания которых, пожалуй, и книги не хватит. Чудесный пейзаж может подарить хорошее утро камчатского «бабьего лета», когда

*Клубится облачко над спящею долиной,
Рябины пламенно зардеют вдалеке,
Жемчужно светят нити паутины,
И серебро на каждом стебельке.*

Существует примета: если паутины много, если её нити медленно движутся в воздухе, значит, осень будет длинная и сухая. Кстати, присмотритесь к плывущим паутинкам. Каждая из них несёт маленького паучка-путешественника. Около середины сентября покидают населённые пункты бело-серенькие длиннохвостые трясогузки. Нет, они не улетают, а пока лишь переселяются на берега рек и озёр. Здесь, около воды, теплее и корму больше — густо толпится мелкая мошкара, да и волны выбрасывают разную водяную живность.

В конце второй и в третьей декаде сентября идёт массовый отлёт уток. Начиная с вечера, когда ещё огнём польхает запад, стаи уток летят всю ночь. Уже ничего не видно даже при луне, а свист быстрых крыльев не утихает. Сколько впечатлений оставит такой вот вечер, когда табуны поблизости

*Летят и крикают отрывисто, сторожко...
На плёсе тонко свищут кулики,
Да лунный свет весёлою дорожкой
Бежит к другому берегу реки.*

Но уже близок конец месяца. Лимонный пожар по березнякам в полном разгаре. Любой ветер в какой-то мере гасит этот пожар и видно, как

*Пожелтевшие листья кружатся,
Оторвавшись от ветки родимой,
И тихонько на землю ложатся.
Или ветром проносятся мимо,
Загоняет их ветер в овраги,
Рассыпает горстями по крыше,
Точно хлопья помятой бумаги.
Поднимает всё выше и выше...*

Только в этот период полностью поймёшь, что сентябрь не просто живописец, а и месяц разлуки с летом, с его теплом, зеленью и цветами, поймёшь, что удалось подсмотреть прощальный привет природы. Невольно приходит в эти дни лёгкая грусть, но грустить, право, не стоит. Ведь у зимы есть свои прелести, а за ней опять придёт весна, и всё повторится снова.

Нет, грустить не стоит, ведь если удастся самому увидеть всю гамму сентябрьских красок, всё богатство явлений в увядающей природе, то впечатлений хватит надолго. Поверьте мне, а ещё лучше проверьте, не пожалеете!

Сентябрь, не предзимок ли?

Нынче и сентябрь не очень баловал хорошей погодой. Были, правда, чудные осенние дни, когда нежно голубело небо и очень чётко рисовались ребристые сопки. Вроде совсем

недавно весело бродилось по берёзовым рощам в поисках крепких осенних грибов. Но много ли было таких прогулок?

*Недаром называют: «бабье лето» —
Мелькнуло в сентябре на три-четыре дня,
Кудрявое, всё в золото одето,
Лазурью неба ласково маня.
И вот уж нет... Исчезло за туманом,
За мелкой моросью, в дождливой пелене.
Невольно скажешь — что-то слишком рано
Засел предзимок в горной целине...*

Слыхали ли вы, с какой уверенностью, так сказать, с конечной точностью, звучит: «А у нас, на Камчатке», — если оно произносится где-то на Крымском побережье. Но то же самое, произносимое здесь, вызывает недоумение. Конечно, тут виноваты масштабы. Как ни велика Камчатка, но в сравнении с просторами нашей родины, она маленький, однородный кусочек. На месте же всё приобретает свой привычный масштаб, и просто сказать: «На Камчатке», — значит, ничего не сказать.

Вот, например, про нынешнюю осень. В окрестностях Каменского уже лежит снег. На Олюторских просторах землю сковало морозом. В Камчатской долине приморозки тоже изрядно поработали. А по склонам городских сопок видны лишь первые робкие признаки осени. На газонах — цветы. Одуванчик ярко зажелтел пятый раз в это лето. Если бы не туманная морось, стояло бы нежное начало осени. Вот она, Камчатка, — её своеобразные контрасты!

И всё же на сопках — свежий снег. Предзимок и в южной части полуострова не за горами. Хозяйственные дела приходится ускорять. Недаром в этом году так рано улетели кукушки и другая птичья мелкота. Даже табуны северных уток начали отлёт дней на десять раньше. Недаром в сентябре почти не было паутины — верного признака долгой, сухой осени. Всё же это, вместе взятое, может служить признаком ранней, к тому же строгой зимы. Не хотелось бы!

Однако время ветров-листобоев впереди. Хотя и падает листва, но ещё много её на деревьях и кустарниках. Ещё

повсеместно видны широкие мазки осенних красок: где более густые, где только намечающиеся.

*Под соломѹ оделась осина,
Золотеют кудряшки берѣз...
Снова милую сердцу картину
Нам рисует художник-мороз.
Краску осени он не жалеет,
Но другими пятнает в разброс:
Вон рябина малиново тлеет,
Да кипрей часть малины унёс.
И гордится... А глянь на боярку —
Сколько тонких оттенков у ней:
То ли вишня вдруг вспыхнула жарко,
То ли смесь разноцветных огней?
Даже ива и та побурела:
Цвет листьвы грязно-жёлтый слегка,
Но зато по осеннему смело
Потемнели у рек берега.
И увалы, и сопок откосы,
И поля, и луга за рекой —
Пьют последние осени росы
И не прочь перейти на покой!*

Да, по существу, вся растительность, кроме цветочных клумб и газонов, уже закончила летний цикл. Одеревенели побеги, готовы новые семена, заложены почки на будущее, окрепло годичное кольцо и уплотнён камбий (кольцевая ткань ствола, обеспечивающая его прирост в толщину. — *Ред.*). Ещё держится какая-то, пусть даже значительная, часть листьвы, но она уже не участвует в живой игре природы. Первые же ветры оборвут её без какого-либо ущерба для растений.

А как красочны эти последние остатки листьвы! Спешите же видеть их до листобая, потом будет поздно.

Лирика осени

*Берѣзы золотом забрызгали долину,
Рябины огненно краснеют вдалеке,
Повсюду светят нити паутины,
И серебро на каждом стебельке...*

*Блестят росинки — изморози слёзы,
Рябины тлеют, огненно-красны,
И золотятся старые берёзы,
Роняя листья снова до весны.*

Камчатская осень...

Продолжительная или быстротечная, ласково ясная или, наоборот, с капризами, тихая или порывисто штормовая — всё равно хороша.

Где же твоё начало, осень? Где тот трудноуловимый миг, когда природу, ещё полную сил и трепета жизни, вдруг поразит недуг увядания? Не праздное любопытство в этом вопросе, ведь Камчатка — наш рубеж, доверенный родиной. Нам здесь жить, нам развивать и строить, нам охранять и любить его! А если так, то нам и знать его надо лучше, чем кому-либо другому...

Август — зелёная макушка года! Лист на берёзах плотный, как из жести резан. Травы в полной силе, никакой ветер им не страшен. Купальщики полощутся в речках — тепло! Куда ни пойдёшь: в березняк ли, в хвойный ли лес или по тундровой гривке — всюду грибы. Лето, тепло...

Так почему же на грибной шляпке зелёный листок? Почему, издав лёгкий щелчок, отрываются листья и тихо падают вниз? Почему зарумянилась листва на черёмухах, хотя кругом всё так зелено. Почему? Потому что у растений наступили новые заботы — надо уплотнить годовое кольцо прироста, надо готовить к зиме свежие, молодые побеги, надо отдать максимум соков семенам и плодам, надо заложить новые почки, в том числе и плодовые, для будущего урожая.

Многое надо, и на всё требуются ещё более интенсивные жизненные силы. Вот и приходится сокращать сыгравшую свою роль листву. Вот и первый признак осени, а она, неторопливая вначале, уже развешивает всё новые и новые свои сигналы.

Нередко в конце августа на берёзах появляются первые предательские жёлтые пятнышки. С началом сентября они становятся гуще, и это сигнал для кукушки. Привередли-

вая птица не любит жёлтого цвета и едва его завидит, как заторопится в тёплые края на зимовку.

Но вот к середине сентября половина берёзовой листвы уже желта, берёза «запестрела». Теперь уж не наломаешь хорошего банного венчика. Теперь самая горячая пора — убирай картофель, спешу в леса за последними осенними опёнками. А сколько ещё других крайне необходимых дел! Сколько походов, горячих охотничьих зорь!

Проходят буквально считанные дни и вот

*Пожелтели, заплакали дали
Золотыми слезами берёз...
Осыпаются, будто устали,
Под извивый осенний мороз.*

И тогда загуляет «лимонный» пожар по берёзовым рощам, постепенно перекинется на лиственницу и так и зальёт все окрестности золотом, до самого «листобоя».

Но кто сказал, что осенью не наберёшь в лесу букета? А букет из осенних листьев? Каких только цветов и оттенков нет у осенней листвы! Попробуйте собрать — любоваться есть чем, да и к делу пригодится, издали будете видеть, что за дерево раскрасилось в тот или иной цвет.

Не забывайте, что очень недолговечен такой «призрачный танец» осени. Быстро расправляются ветры с осенней красотой. Бывает, что к октябрю от неё ничего не остаётся. Разве лишь тальники по речкам ещё гордятся ржавой, но уцелевшей листвой да лесной бурьян, тоже ржавый и свалявшийся в космы, но ещё пятнистый, напомнит о цветном разгуле. Невольно приходит в эту пору лёгкая, неясная грусть расставанья, и стыдиться её не стоит — это хорошее человеческое чувство. Не любя, грустить не будешь, а мы любим свою природу.

Иногда хотят подчеркнуть суровость камчатской природы, пугая трёхметровыми сентябрьскими снегами. Не знаю, не встречал такого чуда, а вот поэтическую прелесть сентября впитываю в себя ежегодно, даже в такие годы, когда сентябрь необычно богат дождями. Ведь и в таком сентябре бывают ясные дни, а краски осени держатся ещё дольше.

Берёзово-осиново-рябиновый древостой на восточном склоне Харчинского хребта, берег Харчинского озера, 26 июня 1957 г.

Древостой ольхи волосистой с подлеском из бузины. Правый берег реки Киреевны в среднем течении, 12 июня 1957 г. Фото и текст П. Н. Дьяконова (из фондов КГБУ ГАКК)

Осветление лиственницы.
Каменные холмы,
22 июня 1957 г.

Папортниковый покров на
дальнем Каменском холме,
13 сентября 1957 г.

Выход ельника на грань холма. Ель, каменная берёза, рябина
бузинолистная. Верховья реки Еловки, 14 октября 1956 г. Фото
и текст П. Н. Дьяконова (из фондов КГБУ ГАКК)

Даже наш октябрь по-своему хорош, хотя у него зачастую семь погод на день: сеет, веет, крутит, мутит, рвёт, сверху льёт и снизу мочит. Только тоже не всегда так бывает. Прошлогодний октябрь был мягок и светел. Не только утки, а и многие пташки покинули прошлый год Камчатку лишь в октябре. У нас даже ноябрь, хотя он и родной брат зиме, в отдельные годы тоже киснуть любит. Нет, камчатская осень редко бывает суровой.

Только на севере Камчатки зима в октябре твёрдо себя чувствует. Тундры под снегом, блестят. Реки и озёра крепко закованы. Вольная дорога в любую сторону! Весело бегут отдохнувшие за лето собаки, весело поскрипывают нарты...

*Ни тени, ни пятнышка — белая гладь!
Не могут глаза отдохнуть.
Сорока поспорит, и пусто опять,
И кажется вечностью путь.
Чуть видно олений пройдёт табунок,
Кусты возле речки мелькнут —
Скорее костёр... дымоватый чаёк —
Собаки часок отдохнут...*

И снова поэзия дальних нехоженных троп. Не может быть осень всегда одинаково ласковой — слишком своеобразна природа Камчатки. Да и не надо нам медленно тлеющую тихоню. Нам больше по душе вот такая, порывистая, с «изюминкой», своя, камчатская. Только я за то, чтобы лучше знать эти родные «изюминки», научиться вовремя видеть их и по-человечески весело бороться с ними.

Месяц тёмных ночей

*Октябрь... Предзимье... Тёмными ночами
Гремит и плачет ветер на хребтах.
Всё реже солнце балует лучами,
Всё чаще иней виснет на кустах.*

Вот как обычно вспоминается этот месяц. Недаром художники его избегали или подчеркивали мрачные черты. Недаром нет для него в народе добрых слов. Только — «листобой», «грязник», в лучшем случае «предзимье»...

А, по-моему, вернее назвать его месяцем тёмных ночей. Летом у нас ночь коротка и всегда какое-то освещение есть. Зимой ночи длинные, но снег отражает малейшие проблески света, и опять около ног видно. В октябре же и ночь длинна, и земля черна, всё в себя берёт. Поневоле шарипшь ногами, чтобы не запнуться.

Но так ли грязен октябрь? Второй год подряд он на Камчатке не хуже сентября. Разве что похолодней да деревья голые. А так и солнце есть, и даже пригревает. Сухой нынче октябрь, длинная осень. Ещё много неотложных дел удастся сделать до настоящей зимы. Это можно было бы предвидеть, но жаль, что мы плохо знаем календарь природы, её верные, хотя не всегда ясные приметы.

Вспомните, сколько было нынче ос по всей Камчатке: и в лесу, и в посёлках, особенно во второй половине лета. Даже 24 сентября я находил в шарах-гнездах готовых к вылету молодых ос. А по старой народной примете, много ос к концу лета — будет сухая, затяжная осень. И вот не подвели осы!

Необычно вела себя и кукушка. Ещё в первой декаде сентября, когда заметно «запестрит» берёза, покидает она Камчатку. В этом же году много кукушек задержалось до конца месяца. Последнюю же удалось увидеть четвёртого октября в почти оголившемся лесу. Дрозды, тоже улетающие до начала листобая, нынче гостили всю первую декаду месяца. Даже мошка и комары продержались лишних две недели. Утки тоже на две недели позднее, то есть лишь к концу сентября, начали летать на кормовые озёра. Гуси задержались на октябрь. Самая красивая охота по взма-теревшей жирной дичи была именно с октября, а не в момент её открытия.

Камчатка, конечно, велика, и не везде месяц ночей был одинаков. К примеру, в городе цветы на клумбах держались до половины месяца, а в Камчатской долине их убило заморозками в сентябре. Только в Ключах ноготки и васильки жили до 10 октября, а цветущий одуванчик встречался и после 15-го, правда, лишь у заборов с южной стороны.

Выносливее всех оказалась мокрица — огородный сорняк. Никакие приморозки не могли её убить до конца. Кстати, там, где её не тревожат, она и под снег зелёной уходит.

В нынешнем октябре ветры не особенно гремели, и хотя основной листопад закончился почти обычно, около десятого числа, отдельные деревья и тальники всё ещё держат побуревшую листву, а в долине Камчатки золотеет хвоя на многих лиственницах. И даже темнота нынче не так досаждала. В середине месяца — лунные ночи при ясном небе. Нет, всё же октябрь, если и предзимье, то только по привычке да потому, что год на год не приходится. А настоящее предзимье, пожалуй, ещё не пришло.

Правда, есть один маленький штрих — очень рано начали появляться в поселках зимние лесные жители: синички, снегири и другие. А это, как говорят, бывает к холодной зиме. Но будет ли так, по одному признаку сказать трудно.

Октябрь-листобой

В этом году лес зажелтел почти на две недели позднее обычного. Зато как быстро это свершилось! К концу сентября в природе можно было найти любую краску, кроме зелёной, а в первые же дни октября гребни увалов, ещё недавно жёлто-кудрявые, оказались в небритой щетине голых берёз.

Быстро опадает лесной убор. Шуршат под ногами листья. Беспокойно в лесу не только трусливому зайцу, но даже медведю. Ведь шорохи раздаются при каждом движении воздуха. А когда зашумят ветры, частые гости октября, в лесу начинается настоящий листобой. Тогда уже вовсе не поймёшь, с какой стороны опасность.

Сыты и спокойны только глухаринные выводки. Набив зобы спелой рябиной, голубикой или иной лесной ягодой, выберутся они на кочковатую лесную поляну и отдыхают до нового обеда. Пусть шумит ветер, — на открытом месте к птице подойти не просто, а сытость располагает к покою.

К середине месяца оголённые берёзовые роци просматриваются далеко.

*Узор ветвей, подобно паутине,
Висит в холодном мареве небес.
И солнца нет, и даль уныло стынет,
И кажется дряхлым, постаревшим лес.*

Листобой не только тревожит лесное зверьё, но подгоняет и людей с их многочисленными заботами. Ведь октябрь на Камчатке — предзимье, сама зима не за горами. В 1962 г. первый снег выпал 5 октября, хотя обычное время — середина месяца.

Поневоле заторопишься. Надо и ремонт сделать, и топливо к зиме запасти. Надо убрать с полей урожай. Недаром в старину 7 октября отмечалось как «день-капустник», самое время для уборки этой культуры не только на Камчатке, но и повсеместно.

Много у октября народных имен, но, пожалуй, самое неприятное: «Грязни — ни колеса, ни полоза не любит». Действительно, в октябре, как правило, ненастье стоит подолгу. С середины месяца нередко то дождь, то снег, то какое-то неразберимое их сочетание. Довольно неприглядно когда

*Нависнет над лесом тяжёлая туча,
Холодным дождём по вершинам стучит.
А лес, как бывало, не вздрогнет могуче,
И в спор не вступая, молчит.*

Недаром говорят: «Весной, что рекой прольёт — капли не видать; осенью ситцем просеет — хоть ведром черпай». Неприятно, слов нет. Но интересное другое, — если в сентябрьский солнечный день «лимонный» пожар по лесам рождает раздумье, лёгкую грусть, то теперь её и в помине нет. Наоборот, октябрьское кисельное ненастье вызывает какую-то боевую, деловитую злость. Хочется своей волей, своими руками разогнать этот хмурый хаос, подогреть солнце, чтобы его лучи обрели прежнюю силу.

Да, октябрь, как правило, ненастен. Но в этом году, вопреки обычаю, подкачал камчатский «золотой» сентябрь. Он прихватил солидную дозу осадков, и, может быть, на октябрь их будет меньше нормы. Во всяком случае, этого очень бы хотелось.

Во второй половине месяца на Камчатке выпадает первый снег и хотя это ещё «не санный путь», но небо сразу становится чище. Пусть солнце как бы завязло, пусть лучи его уже гораздо холоднее, пусть, наконец, небо всего лишь бледно-голубоватое, неважно! Ведь даже

*И при самом простом освещеньи
Веселит этот первый мороз.
И опять получают значенье
Обнажённые рощи берёз!*

Пусть к концу месяца ещё текут реки и не все озёра покроются льдом, но если снег выпадет и не стает, скажем: «Привет тебе, новая трудовая Зима!»

Ноябрь — зиме начало

Много в этом месяце природных явлений, но плохо их сохраняет память, — каждый, вольно или невольно, думает уже о зиме.

Конечно, всякому известно, что ноябрьские дни короче и холоднее, что часто дуют сильные ветры, а реки и озёра покрываются льдом. Обычно для нас, если идёт снег, или, наоборот, если он «киснет». Знаем мы, как

*Плачут окна хмуρο серыми слезами
Да стучит берёза голыми ветвями.
А о «бабьем лете» уж не шепчет осень, —
Злая непогода скрыла неба просинь!*

Знаем и другие дни — ясные, с морозцем, когда девственная чистота не улежавшегося снега чудесно гармонирует с голубой высью, когда острые гребни сопок чётко рисуются с любого расстояния.

Наша Камчатка особенно богата по осени такой погодной «смесью», недаром омывают её океанские воды, обдувают ветры всех направлений и режут на части горные хребты. Да и просторы у нас подходящие. Вот, к примеру, нынче, 6 ноября, в Усть-Хайрюзове мела несуетная пурга, в Козыревске было тихо и солнечно, а в Ключах — ураганный, пронизывающий ветер.

Если же глянуть по всему полуострову, погодных оттенков будет ещё больше, жаль лишь, что ни один из них не обещает возврата хотя бы к началу осени. Поэтому правильно говорят в народе, что ноябрь — сентябрёв внук, октябрёв сын, а зиме родной брат!

В ноябре всё живое в природе как бы притихает. Птичий хоровой ансамбль покинул Камчатку ещё в сентябре. Осталось на зимовку меньше двух десятков видов, что при наших просторах почти незаметно. Лишь сорок да ворон поблизости стало больше: зимой у жилья сытнее!

Утки и гуси улетели на юг в октябре. Впрочем, тоже не все. Довольно много кряковых, шилохвостей, чирков, гоголей, крохалей и даже бекасов осталось на зиму. Остались и белоснежные красавцы лебеди. Этих «зимовщиков» ледостав не пугает. Вначале по полыньям, потом на незамерзающих ключах по озёрам или в верховьях вечно живых горных речек находят они приют, только бы человек не мешал. Но, право же, «моржовое» купание какого-нибудь чирка (не говоря о лебеде) среди ледяных торосов и снежных сугробов так чарующе прекрасно, что редко кто поднимет на смельчака руку.

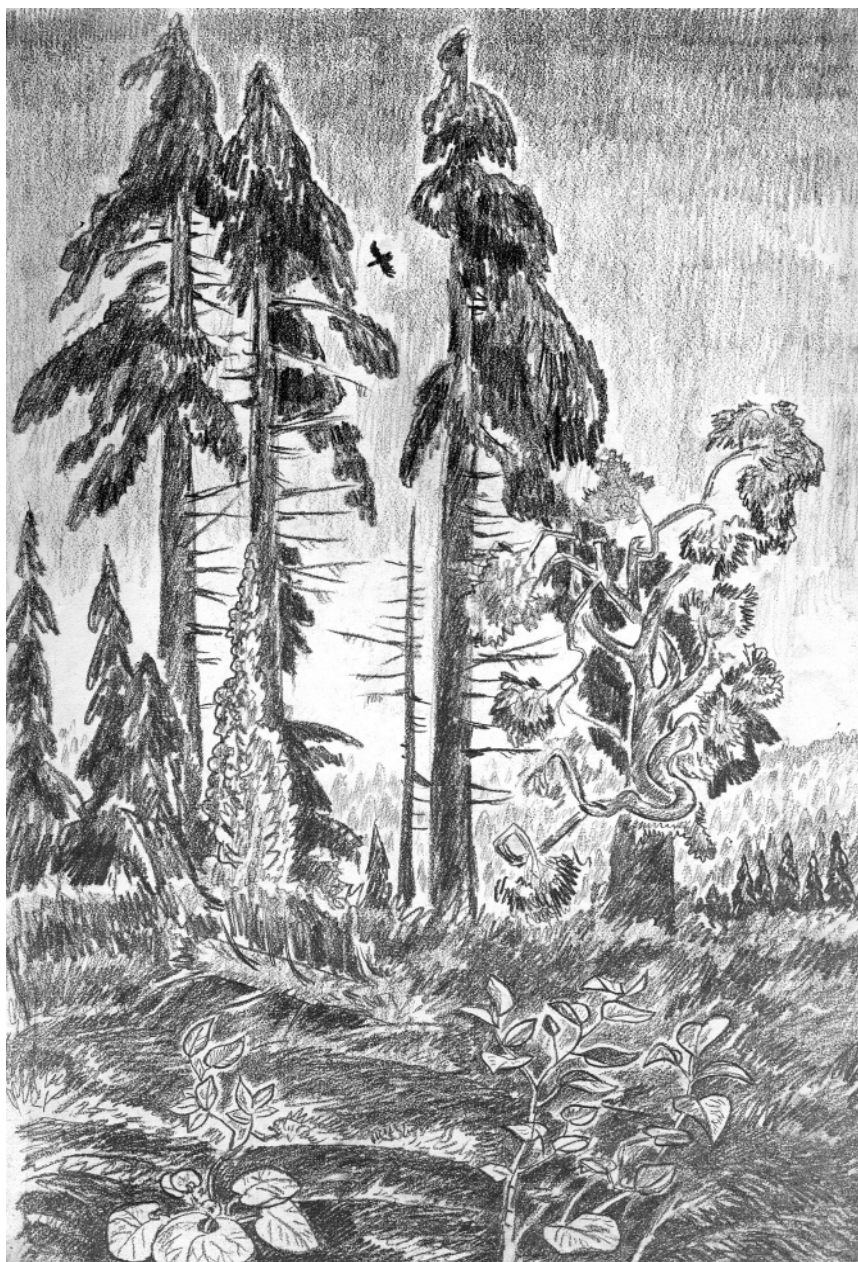
В голом, выветленном лесу тихо. Разве что дятел постукивает да синички тонко посвищут. Но коренные жители все здесь, только у них сейчас новые заботы, одна из которых, пожалуй, самая важная — осторожность...

В начале месяца осторожен и заяц. Шуба у него уже белая, а кругом «чернотроп». Далек видно косога, и он знает об этом. Поневоле притаишься там, где застал рассвет, авось за белый клоч бересты примут. Осторожен и медведь. Ожирел он с ягод, кедровых орехов, пора и на боковую! Для медведя «зима — одна ночь», но к такой «ночи» и подготовка должна быть на уровне. Неторопливо, больше в темноте, идёт он к месту берлоги, а ложится в неё при первой сильной пурге. Тогда не страшно: все следы заметёт!

Долго бродит «по полу», то есть внизу, олень. Снегу здесь ещё нет или мало, а ягоды рябины так вкусны! Но глаз тоже нужен, ведь и волки не дремлют.

А. Ф. Винокуров. Пучка. Рисунок (НВФ 2476)

А. Ф. Винокуров. Курильская осень. 1973 г. Рисунок (ЖОКМ ОФ 32038)

Пушные звери вылиняли. У лисицы, соболя, горноста и других шкурка чистая, «выходная». Но с кормами дело хуже. Мелкие грызуны тоже жить хотят и предпочитают кормиться под покровом темноты. Вот пушистые охотники и перешли на ночной образ жизни. Да и своя шкурка каждому дорога, а ноябрь — месяц начала промысловой охоты. Того и гляди, в капкан попадёшь.

Много сейчас в тайге охотников за «мягким золотом».

По ночам

*Из палаток клубится дымок,
На снежинках ольховника тень...
Меж ветвей виден лунный рожок,
Маловат, словно нынешний день!*

Увлекателен, но и тяжёл труд промыслового охотника. Часто приходится «переносить» зверя многие километры, пока его добудешь. Такая вот

*«Перенога» — не просто игра
Не догонят, ночуют в тайге,
Под берёзой... под пнём... у костра
Без палатки, совсем налегке.*

Как видите, событий в ноябре немало, стоит лишь о них вспомнить. А в следующий раз, когда вы будете среди природы, в лесу, в предзимье, да и в другое время, постарайтесь запоминать, что видели, — пригодится.

Скоро прилетят к нам из тайги зимние пернатые гости: синички, снегири, пуночки, иногда дятлы и свистистели. Развесьте заранее кормушки для них. При самой скромной подкормке они долго проживут вблизи хлебосольных хозяев, радуя глаз и напоминая о тайге, о весенних улыбчивых днях, о хлопотливой поре лета!

Были зазимья

*Дохнуло холодом с небес,
И из нахохлившейся тучи
На хмурый, обнажённый лес
Посыпал снег, сухой, колючий...*

По народному календарю, октябрёв сын — ноябрь — родной брат зимы. Поэтому и зовут его «зазимье» — за зиму цепляется. Хоть и сурова бывает погода в эту пору, а всё же «зимой» её не назовёшь.

Однако мне не верится, что нынешний ноябрь будет на Камчатке суровым. Судите сами.

Обычно утки-связи улетают раньше всех и никак не позднее 10—12 октября. В этом же году удалось добыть одну из них 23 октября, жирную, и не из большого пролётного табуна, а из маленькой кочующей стайки. Гуси продержались до конца октября — и гуменники, и сухоносы. Одни казарки улетели пораньше. Глухари всё ещё путешествуют, то вверх, к горам, — на рябину, то вниз — на шиповники.

Не только шуги, а даже «мятника», то есть снежной каши, на реке пока не показывалось. Октябрь оправдал приметы: был тёплым и почти повсеместно сухим. Похоже, и ноябрь будет тёплым.

Вот и ещё несколько народных примет, так сказать, на выбор. Говорят, большой урожай рябины — к морозной зиме, а нынче его почти нигде по Камчатке не было. Уверяют, что высокие бурьяны летом — к большому снегу, а нынче крапива доходила до двух, а полынь до полутора метров. Куда уж выше! Или вот совсем простая примета: если куры по осени рано начнут линять, жди тёплой зимы, и хохлатки действительно дружно да рано залиняли. Смутил, правда, лесной народец — синички да снегири. Рано они показались в посёлках, однако скоро исчезли и больше пока не кажутся.

Возьмём и другое. Крупнейшая река полуострова, Камчатка, в отдельные годы замерзала уже 2 ноября. Озёра же покрывались льдом ещё в середине октября. Нынче и озёра пока чистые, и на реке ни льдинки. Да, ждать сурового ноября, пожалуй, не стоит, а снег... может быть. Конечно, приметы ещё не приказ природе, но и не случайность.

Ноябрь для большей части страны — «месяц полных кладовых». На Камчатке же он для лесных жителей, пожалуй, самый голодный. Семена с большинства деревьев и кустарников осыпались ещё в октябре. Если пойдут частые снегопады,

быстро спрячут они весь лесной бурьян — не добудешь ни семечка. Залепит снегом ветви да стволы деревьев — не найдёшь в коре ни жука, ни козявки. Таким, как глухарь, не страшно, берёзовой почки хватит, а вот мелкоте, вроде синичек, труднее. Трудно и белке будет — почки да веточки не ахти какой калорийный корм, а до кедровых орехов не добраться, не умеет она норы в снегу рыть.

Зверью и так сейчас хлопотно, сырость донимает, да и шубы зимней ещё нет. Даже заяц её не вполне сменил, а у лисы — совсем чёрная. Снег — это хорошо, но когда он сырой, да с деревьев капает, не сразу поймёшь, откуда беда грозит.

Много забот и у промысловых охотников. Ноябрь — начало пушного промысла, а как без ледяных мостов добираться до охотничьих угодий? Как брать зверя, если мех ещё не «дошёл»? Много таких вопросов, но промысловики народ привычный, не подведут.

Однако какого бы тепла ни обещал ноябрь, всё же он — «месяц перволедья», последний месяц открытой воды. Будет и лёд на озёрах, и реки встанут, разве что попоздней обычного. Интересное это время — ледостав.

*Ранним утром у сонной реки
Слушал я удивительный звон,
То ли пели речные пески,
То ль родник наговаривал: «клонн...»
И звучал этот «клонн» вдалеке,
И звучал он у ног, на песке...
Ничего я понять не могу —
Кто стекло превращает в муку?
Вдруг осколок прозрачного льда
Наледь берега тихо задел, —
Прозвучало «кло... клонн...», и тогда
Понял я, кто таинственно пел.
Это песня последней воды,
Это вздохи пленённой реки...
Издают их предзимние льды,
Задевая случайно пески.*

Побывайте на берегу замерзающей речки, послушайте этот нежный, хрустально-чистый звон, не пожалеете. А пока вода ещё тепла. Пока даже ленивый карась свободно гуляет, не

говоря о гольцах да зимнем кижуче. Эти долго ещё не залягут на зиму. А вот на севере Камчатки, на олюторских или пенжинских тундрах, ноябрь действительно породнился с зимой. Чист и прозрачен воздух. Снега, может быть, и мало, но земля такова, что собак за остол (деревянный шест для управления нартой. — *Ред.*) не привяжешь. Железный наконечник его даже черту за нартой не оставляет. Однообразна на вид земля, но по-своему манит, заставляет любить...

*А я люблю её уж и за то,
Что вечерами длинными пленили
Весёлый юмор друга Айгинто
И сказки мудрые седого Игенвиля...*

...Идёт ноябрь — месяц Великого юбилея (пятидесятилетия Великой Октябрьской социалистической революции 1917 г. — *Ред.*). Не счесть трудовых побед советского народа, и трудно измерить глубину нашей радости.

Маленький штрих: Серёжа Плотников, Витя Фомин и их товарищи из 9-й Ключевской школы горды полученным на праздник поощрением за весенние работы на лесопосадках. Они посадили и посеяли более двадцати семи гектаров новых лесов, с приживаемостью в девяносто три процента! Двойная радость — и труд хорош, и оценка высокая.

Вы скажете, мелочь. Да, но таких мелочей миллионы, и не из них ли выковано величие Октября, не они ли обеспечили могущество нашей державы, не они ли залог дальнейших побед?! Они, эти мелочи, вошли в наш быт, в плоть и кровь народа. Без них мы уже не можем — каждый из нас ежедневно и обязательно стремится одержать ту или иную победу в труде. Так пусть же эти победы растут, как при цепной реакции. Мы вправе радоваться, и пусть необычно тёплый ноябрь удвоит эту радость.

Зимы дыханье

У каждого года есть свой чем-то отличающийся от среднего характер сезонных изменений. Обычно такие изменения мало заметны, но нынешний — год беспокойного солнца

(1968-й. — *Ред.*), и кое-какие явления в природе выходят из средней нормы.

Возьмите нынешнее предзимье, — никак не скажешь, что зима подбиралась к нам «тихой сапой». Наоборот, она рано, с натиска, попыталась прорвать фронт камчатской осени, и кое-где ей это удалось. Если, как принято, за начало зимы считать выпадение устойчивого снежного покрова, то в отдельных местах Пенжинского района она началась уже в первой декаде сентября.

Бурному натиску зимы 5 октября подверглась Камчатская долина. Правда, в Козыревске и Ключах осень отразила натиск, а вот Мильково не повезло — снег так и не растаял. Одиннадцатого октября такому же натиску подверглись окрестности Начик и города. В Начиках победа опять досталась зиме, а в городе грязные от пыли снежные следы видны были до последних дней, хотя снежного покрова в целом и не получилось.

Интересно, 10 октября меня удивили две трясогузки, задержавшиеся почему-то на Камчатке. Они снялись с «кошки» и полетели прямо через бухту, на Николаевку. Я ещё подумал: куда их понесло? Но ночью в городе был снегопад, а в Николаевке нет. Такова точность птичьего «барометра». Не добившись победы снежным оружием, зима переключилась на холод.

Во второй декаде октября цветы на газонах города погибли. Не выдержали они даже вблизи Авачинской бухты — по Ленинской улице. Однако такой невзрачный цветочек, как одуванчик, благополучно просуществовал до 29 октября. Такая живучесть весьма скромного растения доказала его высокую приспособленность к местным условиям. Обычно это мало кто замечает, а зря.

А зима всё набирала темпы. Уже 1 ноября Култучное озеро покрылось ледяной плёнкой. Часть её ещё разбило ветром, но уже через три дня лёд настолько окреп, что по нему во всех направлениях пролегли пешеходные тропки. Вспомните, как это происходило и как переполошились чайки:

*Три раза лёд на озере ломало,
Хоть тонкий, но предзимний, как стекло,
В четвёртый раз надёжно заковало,
И над водой безмолвие легло.
В тревоге чайки мечутся безумно:
«Ну, как теперь... куда же... почему?
Пусть море рядом, только очень шумно —
Покоя нет в предзимье и ему.
А нам на льду не сладко...» Полетели
Искать южнее отдых и корма.
А здесь пока — ни снега, ни метели,
Но всё мертво, везде видна зима!*

Разведочный патруль чаек ещё несколько дней прилетал на малую озёрную проталинку у стадиона, а затем уступил место воронам...

Кончается ноябрь — последний осенний месяц по общему календарю. Для Камчатки же он — настоящая, хотя местами и серая, бесснежная зима. Давно убран урожай, скот в тёплых помещениях, и «живая» вода видна только в горных камчатских речках. А снег — ещё будет. Нечто подобное, бесснежное, было в 1957 г., тоже при «неспокойном солнце». И тогда зима выступила со своим главным оружием — холодом, и лишь в декабре появилась снежная шуба.

Бесснежье хорошо для «лесного народа» — корм доступнее. Зато промысловым охотникам приходится применять не только всю сноровку, но и большие усилия. Для любителей же пробежаться в мороз по «чернотропу» — одно удовольствие.

Декабрь — канун новогодья

Уверен, что вместе со мной нынешней осени и началу зимы (1967 г. — *Ред.*) удивляются многие камчатские старожилы. Например, «золотой» сентябрь нынче совсем не блестел позолотой. Тёплая, дождливая погода значительно задержала зелёную листву. Если за десятилетие 6 сентября было крайним сроком, когда начинала пестреть берёза, то в этом году она запестрела только 20 сентября.

Октябрь, обычно у нас дождливый, простоял при сравнительно ясной и тёплой погоде. А ноябрь — по существу настоящая камчатская зима — выкинул такое, что и вспоминать не хочется... Ливневые дожди, сырые тяжёлые снегопады, обрыв разных проводов, порча дорог и, уж конечно, порча настроения. И это не в одной точке, а по всему полуострову, включая Камчатскую долину. Такое, право, не часто бывает.

Да и декабрь с того же начал — сырость, дождливые снегопады, пасмурно, тепло. Зимней «шапкой» отнюдь и не пахнет. Скорее стоит подобие не совсем удачного апреля.

Трудно метеорологам дать в такой обстановке хороший долгосрочный прогноз, но, поверьте, и фенологическую заметку тоже не легко составить. Однако кое-какие фенологические приметы на затяжную осень всё же были.

Обычно гуси улетают от нас в конце сентября или в первые дни октября, а в этом году последние, высоколетающие гусиные табуны отмечены 22 октября. Вот вам и примета, причём верная: поздний отлёт и высокий полёт гусиных стай — к длинной, затяжной, тёплой осени!

Даже по поведению зайца можно было судить о погоде, хотя это и не ахти какая точная примета. В конце октября заяц спускался с предгорий вниз, но быстро ушёл обратно. Там, вверху, снег всё же суше, а глодать непромерзшие веточки везде одинаково.

Синички показывались в посёлке всего один раз, 25 ноября, а дятлов, снегирей, пуночек совсем не было видно. Значит, они тоже предчувствовали декабрьское тепло. Сырость — везде сырость, лесная же столовая, при тепле, всегда лучше. Дятел легко долбит талую кору, а «длинный язык ему не порок», нет-нет, да и подцепит какого-либо кородея. Синички каждую щёлку в коре осмотрят, где зимующего листогрыза, где кокон найдут, — всё годится. Снегири на рябине жируют, благо её в этом году много и вся открыто краснеет... Вот и не жмётся лесной народец к жилью, не ожидает ещё настоящего холода.

Трудновата в нынешнем декабре и промысловая охота. Вообще не легки охотничьи тропы, а в такую погоду особен-

но. Пушной зверь в непогодь в гайне (гнездо, логово. — *Ред.*) лежит, не оставляя следов. Корма тоже много, не сразу приманку подберёшь. Пружины капканов от сырого, тяжёлого снега сами спускаются...

Мало удач нынче и у фотоохотников. Им ведь тоже солнце и сухость нужны. А мороз, как на зло, тяжело загрипповал, затемпературил и не в силах справиться с нынешним циклонным буйством... Вот и нет у декабря присущих ему обычных примет, и даже прозвище «шапка зимы» — пока не подходит...

Однако всё ещё может измениться, если мороз к Новому году выздоровеет. И многим читателям, возможно, ещё в декабре удастся побывать там,

*Где просторы кругом велики,
Где не сразу поймёшь, что вдали,
За извилистой жилкой реки,
Острроверхие сопки легли.*

А если побывать удастся, не забудьте проверить точность биологических часов. Декабрь — месяц самых коротких дней, поэтому всё живое вынуждено начинать рабочий день задолго до полного рассвета.

В половине восьмого ещё совсем темно, даже вставать не хочется, но уже слышно: «Кру-кру», а потом так нежно — «ко-коу». Это ворон начал рабочий день. Его «ко-коу» очень напоминает мелодичный звон первых весенних льдинок. Даже не верится, что такие звуки исходят от крупной и малопривлекательной птицы.

Ровно в восемь часов раздаётся тонкий посвист синичек и невразумительное бормотанье, творца которого узнаешь, только приподняв полу палатки. Приподнимите же её и вы увидите, как

*Доброго утра желая,
Поёт вдохновенно «фыр-фырь»
И клювом слегка поправляет
Свой галстучек красный снегирь.*

Но если уж лесные птахи копошатся, значит, пора вставать — день будет хорошим. Возможно, удастся сделать ряд

видовых снимков, даже заснять лесных певцов или хорошо освещённые звериные следы. Хотя в декабре самый короткий день, зато след, при свежей пороше, печатный.

Только не забывайте правило: в лесу торопись, но не суетись. Не забывайте, что «снять» и «щёлкнуть» — не равнозначно.

И ещё одно — если вы собрались домой, пожелайте лесным жителям хорошего Нового года и подарите все пищевые крошки, высыпав их на твёрдую лыжню или утоптанную под ветвистым кустом площадку. Можете быть уверены, что подарок примут, а вам вслед полетит ответное пожелание доброй новогодней встречи!

ОСТОРОЖНО, ПРИРОДА!

Кровь на траве

Отсчитывает последние дни недолгое камчатское лето. Вот-вот развесит жёлтые пряди берёза, вписываясь в осенний пейзаж. Уже покинули Камчатку береговые ласточки, да и кукушка безмолвно снуёт в перелесках, собравшись в дорогу. Многие птицы готовятся сейчас к отлёту — в тепло, на зимние каникулы.

Осень пока что не спешит пугать непогодой, лето вроде бы продолжается и зелени пока достаточно. Ещё всюсю цветут борцы, кипрей, красный клевер и белая «кашка». Красуются лабазник, тысячелистник, пижма и другие поздние цветы. Чтобы быть заметнее, их цветочные детали собраны в далеко видные шапки и кисти...

Ещё снуют по этим последним цветам басовитые шмели, более подвижные земляные пчёлы и пёстро раскрашенные жуки — цветочные усачи. Около водоёмов весело порхают небольшие, вёрткие стрекозы со странными «фамилиями»: одну из них, всю голубоватую, зовут «Любка-баба», а другую, что в строгом чёрном платье, «Любка-невеста». Кузнечики (кобылки) тоже пока не умолкли, и молодые глухарята

набивают ими полные зобы. Да и остальной пернатый народ ими не брезгует. Может быть, из-за них и кукушка задерживается, набираясь сил.

Хорош момент встречи лета и осени. Чудесными впечатлениями может одарить пора открывающейся на днях любительской охоты. Кто из молодёжи не мечтает быть в эту пору среди природы, с ружьём, а при случае и с собакой. Жаль только, что не всех манит романтика состязания в навыках и ловкости между охотником и взматеревшей, увёртливой дичью. Ещё часто на первом плане стоит просто стрельба, ради убийства какой-нибудь живности. А это не имеет ничего общего с гуманной, основанной на состязании, а не на добыче, любительской охотой...

Прошлый год, в эту же пору, довелось мне быть в живописных местах Камчатской долины. Стояло раннее утро. Тихо катились воды реки Камчатки. Неподвижны травы, а солнце, ещё не видное, уже подсветило верхушки гор. Вдали, чуть слышно, рокотал руль-мотор. И вот мимо нас, почти не обращая внимания, проплыл вниз утиный выводок. Утята были одни, без матери, маленькие и лишь по клюву похожие на взрослых. Такие поздние утиные выводки не редкость на Камчатке.

Тишина, нарушаемая лишь рокотом приближающегося руль-мотора, вдруг взорвалась целой серией поспешных выстрелов. Что это? По кому идёт такая торопливая стрельба? Ведь утки, кормившиеся ночью, уже разлетелись на дневной отдых, и ни одной птицы не видно в воздухе...

Очень скоро лодка с руль-мотором подошла к нашему табору, и молодой паренёк небрежными движениями перебросил на берег «добычу». Это были проплывшие мимо нас утиные несмышлёныши. Все, до одного. Сырыми, жалкими комочками падали они на землю, разбрызгивая по траве капли смешанной с водой крови.

Проглянувшее солнце ярко осветило берег, и в его лучах вдруг блеснула, повисшая на траве, почти рубиновая звёздочка. Нет, это не была капля росы, у которой чистый, изумительно чистый блеск. У этой же, кровавой, замешанной

на воде, и цвет какой-то мутно-красный, «траурный», без намёка на красоту. Омерзительно, невыносимо было смотреть на довольное лицо варвара-«охотника» и хотелось, очень хотелось сделать ему, кроме внушения, ещё что-то посерьёзнее.

*Сознаюсь, — и мне приходилось
По ласточкам бить из ружья.
Не часто оказывал милость
Совёнку бескрылому я.
Глухарок стрелял среди лета.
Стрелял голубей и синиц...
Но чаще бродил до рассвета,
Внимая мелодиям птиц.
И это глушило пристрастье —
Стрелять, не считая, во что.
Запомнил я детское счастье:
Сберечь от разора гнездо,
Вскормить чуть живого зайчонка,
Пичужку у кошки отнять.
Обмыть, приласкать собачонку,
Пройти, чтоб цветок не помять.
Запомнил, как с добрым вниманьем
Учитель смотрел на меня,
Когда я, горя состраданьем,
Рассказывал «новости дня».*

Родился я в малонаселённой, богатой дичью местности и отнюдь не был стеснён воспитанием. Само понятие «охрана природы» полвека назад ещё не было сформулировано. Но разве сравнишь прошлое с настоящим! И если мне до сих пор стыдно за небольшое зло, причинённое в прошлом природе, то как бы должно быть стыдно за это культурному, всем обеспеченному молодому человеку сегодня. Однако пока далеко не каждый испытывает угрызения совести, браконьерски истребив несмышлёных «полумышат».

Охота — древняя, благородная страсть, но именно охота, а не убийство, не грабёж природы.

Если вы усвоите это, желаю вам прекрасных осенних впечатлений.

Далёкое — рядом

Многих сейчас увлекает туризм — это наиболее близкое общение с природой. Особенно влечёт молодёжь «дальний» туризм, то есть возможность посещения отдалённых, окутанных особой тайной уголков природы. И это вполне закономерно: осваивая космос, нельзя не стремиться к знакомству с ближними окрестностями, с нашей Землей. Любителям дальних походов остаётся только пожелать:

*Вперёд, друзья, — по гребням спящих волн:
По нашим сопкам, падам крутобоким...
Пусть ветер тайны подгоняет чёлн.
Пусть манит вас неведомым, далёким!*

Я тоже достаточно страдал манией погони за далёким. Много пришлось мне побродить среди природы, по самым глухим, малодоступным уголкам. Много раз вставали на пути трудности и опасность. И вот сейчас хочется привести одно сравнение, не примечательное, но характерное...

...Когда рассеется утренний туман и солнечные зайчики вспыхнут на ветвях самых больших деревьев, открывается вид на одинокую гору. Грудь её темна и отвесна, а вершину венчает огромная снеговая шапка. Внизу, по долине, ещё бродят ночные тени, темнеет речная гладь, а гора уже встречает утро: Солнце проступает нежным румянцем сквозь ослепительную белизну её снега. Могучая, омытая лучами, она в это время кажется совсем близкой. Позднее, растеряв в обилии света свои розоватые краски, гора отступает вдаль, сливаясь с небесной лазурью.

Высоко, на склоне горы, стоит палатка. Из палатки, совсем рядом, виден мощный ледник, опутанный сетью глубоких, непроходимых трещин. Вверх по крутому горному склону идут люди. Идут осторожно, — чуть ошибся, — скатишься вниз, не останется ни одной целой кости. Но вот и вершина — простор во все стороны кажется бесконечным. Вдали серебрится море, а вокруг гряды гор и горных пиков. Среди них спокойно дымит красавица Ключевская сопка. Снег, тая на солнце, так сверкает, что слепит глаза даже через тёмные

очки. Изредка через эту заоблачную даль переваливает тяжёлый шмель или легкомысленная бабочка. Что их гонит в такую высь?

И вот новое утро. Задержавшийся туман осел на ветвях мелкими каплями. Тысячи искристых алмазов вспыхивают и гаснут в солнечных лучах. Эта искристая игра длится долго. А когда туман рассеялся окончательно, гора опять показалась близкой, как всё на «тропе молодости». В виде последнего привета на вершине её показалось лёгкое белое облачко. Вот оно оторвалось от горы и тихо двинулось по своим, всегда новым дорогам. Всё это было давно, и в памяти осталось только лучшее из виденного...

Сквозь серую дымку рассвета неясно проступали группы домов и ближняя часть склона Петровской сопки. В этот утренний час веяло прохладой, и стояла особая, предшествующая трудовому дню тишина. Казалось — всё крепко спит.

Но что это? В группе невысоких деревьев, среди дремлющих кустов смородины нерешительно, робко прозвучало: «Сип-сип...» Потом длиннее: «Сип-сип-сип...»

Вначале раннего певца никто не поддержал, но стоило зазолотить вершине Авачинского вулкана, как по соседству прозвучал новый голос: «Тьи-тьи...»

А утро надвигалось всё стремительнее — одно из тех, которые были так редки в нынешнем июле: без ветра, без тумана, тихое, ясное. Просветлели склоны сопки, обозначилась бледно-голубая гладь бухты, и в нежной дымке чуть-чуть проступили контуры дальних сопки. Город просыпался. По улицам пошли первые автомашины, показались редкие ещё пешеходы. Начинался обычный трудовой день...

Вот солнце коснулось лучом низко наклонившейся ветви тополя, и на ней вдруг ярко сверкнула крупная капля, сверкнула и погасла. Но стоило слегка шевельнуть головой, и она вновь налилась ярким рубиновым светом. Вот ещё одна, ещё... Хотя тумана не было, деревья всё же «вспотели», развесив этот «пот» отдельными крупными каплями. И красивы же были эти капли в лучах ещё низкого, не ослепляющего солнца!

А песни, между тем, звучали всё громче, увереннее. «Сип-сип-сипсиа-сиа-сиа...» — выводил зелёный конёк. «Тьи-тьи-тьи-тьи...» — вторила ему бурая печёночка. «Чьичи-вичью?» — спрашивала их чечевица. Звучали ещё какие-то трудно различимые на расстоянии голоса пернатых. И звучали не где-то в «неведомой дали», а дома, в центре большого, оживлённого, растущего города.

Не прозевать, подметить всё в такое утро, значит, приобщиться к природе, получить заряд бодрости, хотя и на «тропе пожилых».

У человека одна тропа в жизни, но молодое начало неизбежно приводит к пожилому концу. И чтобы жизненная тропа всегда проходила среди природы, надо не жалеть сил на посадку деревьев и кустов, надо видеть в живой природе хорошего друга. Дальние походы в молодости, а растущие деревья и кусты — к старости. Нельзя забывать, что

*Дорога юных к старости приводит.
Но сердце старым не умеет быть,
Вот почему и дома, и в походе
Умей природу видеть и любить!*

Лесные долгожители

«Своеобразная», «неповторимая» — для Камчатки привычные эпитеты. Подразумевается, что здесь много уникальных творений природы, представляющих большой интерес. Но когда расспрашиваешь об уникамах, разговор быстро иссякает, перечень оказывается невелик: вулканы, гейзеры, реке горячие ключи, ещё реже пихтовая роща и... длительное собрание мысли. А ведь уникамы, как таковые, особенно если учесть нелёгкие условия Камчатки, далеко не исчерпываются названным.

Как только заходит речь о редких творениях нашей природы, мне вспоминается одна роща в верховьях реки Еловки. Ельник выбрал здесь крутой холм, прочно занял его и установился лишь над полуотвесным речным обрывом. Но главное другое: в роще нет ни одной ели тоньше шестидесяти

сантиметров в диаметре, большинство же деревьев семьдесят, а то и восемьдесят сантиметров.

Когда мы с профессором А. И. Куренцовым в 1958 г. посетили Чёрную скалу, нам удалось разыскать елового старейшину, редкого даже для лесов Дальнего Востока. Этот «патриарх» вытянулся вверх на тридцать метров и имел на высоте груди сто восемь с половиной сантиметров. Много я видел северных, да и не только северных, лесов, но аянскую ель подобной толщины, уверяю, найдёшь не сразу.

Возраст ельников обычно не превышает триста лет, а у Чёрной скалы все ели перешагнули этот рубеж. Сам же «патриарх», как мы определили, был не моложе четырёхсот пятидесяти лет или даже постарше.

Ельники Камчатки — видоизменённый остаток тёмнохвойной тайги конца третичного периода. Несмотря на все невзгоды геологического прошлого, они протянули свою стёжку через долгий миллион лет. А теперь помечтаем...

Пройдёт совсем немного лет, экономика, культура, искусство шагнут у нас вперёд неизмеримо. Появится возможность открыть на Чёрной скале творческий домик для писателей, поэтов, художников, короче — для людей, на какой-то срок нуждающихся в уединении, в непосредственном общении один на один с природой. И такой домик на верху скалы, над речным обрывом, среди вековых зелёных великанов, с неповторимым видом на долину, на ближний Шивелуч и более далёкие горы будет, я уверен в этом.

Мне думается, пора взять эту еловую рощу на особый учёт. Роща для Камчатки уникальна и должна охраняться по режиму, установленному для уникамов природы. Кстати, много лет существовало невдалеке от рощи ныне ликвидированное сельцо Еловка. Но за все эти годы жители не тронули рощу и бережно охраняли её от огня — вот живой пример человеческого уважения к творениям природы.

Когда проезжаешь на собаках по реке Киреевне, вверх от Чащевитой речки, невольно останавливаешься у гигантского для Камчатки дерева ивы-корейки (ветлы). Её диаметр на высоте груди до ста двадцати сантиметров, а высота около

двадцати шести метров. Причём часть верхушки сломана бурей. Был здесь когда-то стройный, сомкнутый древостой этой ветлы, но за многие десятилетия большинство её соседей навсегда выбыли из состава, и лишь несколько таких «могикан» напоминают о прошлом.

Кругом вырос новый ольховый древостой, далеко уступающий первым поселенцам в высоте и диаметре. Но и он начинает разрушаться, а старая ветла, или как её ещё называют — чозения, всё стоит, обозревая сверху эту недолговечную смену. И в самом деле, ольха живёт максимум восемьдесят лет, ветла же сто двадцать — сто сорок. А наша знакомая, прихватив, как говорят, второй век, видимо, подходит к двум сотням. И ещё живёт, ещё ветвиста и без заметных признаков гнили. Возможно, простоит она ещё не один десяток лет, если какой-либо незадачливый охотник не подрубит её, добывая затаившегося соболя.

Такая ветла — своеобразное чудо природы, а подобные уникалы также заслуживают особого учёта, общего уважения и охраны.

Я привёл лишь два примера редкого творчества природы, но их, конечно, несравнимо больше. Только не надо хладнокровно проходить мимо. Мне думается, разговор об уникалах камчатской природы будет продолжен, и общими усилиями список их расширится настолько, что полностью оправдает эпитет для Камчатки — «неповторимая».

Самая северная роца

Слабовато ещё знаем мы свои леса. Казалось бы, кому не знакома наша каменная берёза, а спросишь, и рассказать нечего. Потому и пойдёт о ней речь.

Ясный декабрьский день. Тишина, студёный воздух обжигает лицо. Морды собак в курже, дорога в мороз «не каткая». Даже войда (клочок шкуры, использовавшийся для нанесения на полозья нарт тонкого слоя льда, облегчавшего скольжение. — *Ред.*) не помогает. Твёрдый снег поблёскивает, но не слепит: солнце ходит низко.

Дорогому
другу Павлу
от Г. Гайдукевича
август 1957 года
Петропавловск-Камчатский

Уникальная камчатская берёза. Это дерево считалось самым «толстым» на полуострове. Подарок «дорогому другу Павлу». Фотография с автографом Гавриила Захаровича Гайдукевича, август 1957 г., г. Петропавловск-Камчатский (из фондов КГБУ ГАКК)

Тополь в Карагинском районе Корякского национального округа.
Фото Г. З. Гайдукевича, 1954 г. (из фондов КГБУ ГАКК)

Давно позади перевал с Тылговаяма на Пылговаям. Тропа идёт по широкой долине этой незаметной в снегах реки, притока Пахачи. Слева, ближе к тропе, и справа вдали — невысокие, но часто крутые отроги мощного Корякского хребта. Ближние видны чётко, дальние — в голубоватой дымке.

Чистота. Лишь изредка грязнит снег смелый разведчик — веточка неприкрытого на зиму кедрового стланика. Собаки, завидя темноватую точку, прибавляют ходу, но, пройдя её, опять тянут ровно. Наконец, вдали уже не точка, а тёмная полоска пересекает путь. Житель села Хаилино, мой друг Игинвиль, говорит: «Омалка, Тыхылваям близко, чай пить будем». И действительно, в ложе этой «сухой» Тополёвой речки чаюют все проезжающие.

В Тыхылваяме, около стана, растут четыре низких раскидистых тополя. Подальше, ещё три. И тальник — для костра. Собачья тропа проходит здесь вблизи склона хребта. Он белый, плотно укрыт снегом, но вдоль его протянулась какая-то непонятная серая строчка. Спрашиваю, что это такое? Игинвиль говорит: «Однако, дерево... нарту делать». Дерево для нарт? Да ведь на это идёт только берёза. Как ни торопились мы в путь, как ни пугала ночёвка на снегу, без камина и палатки, но можно ли проехать мимо...

Вскоре мы были в этом самом северном «лесу», растущем на манер лесозащитной полосы. Он протянулся строго по горизонтали почти на пять километров, но ширина полосы редко достигала двести метров. Деревья каменной берёзы выросли до семи, а то и до девяти метров, а толщиной — до двадцати пяти сантиметров. Были они кривы, ветвисты, но мелкая сеть ветвей, как всегда, нежно розовела, почки были по-зимнему нормальны, и никаких признаков снеголома. Перед нами стоял живой зимний лес, пусть и небольшой. Среди снежной целины он оставлял сильное впечатление.

Игинвиль рассказывал, что «старики стариков» уже знали про это северное чудо, а по годичным кольцам на обнаруженном высоком пне возраст деревьев составлял не менее двух

столетий. Коряки всегда берегли этот березняк и рубили отдельные деревья лишь в самом крайнем случае — на поделку новых нартов.

Когда мне случилось сообщить знатоку дальневосточной растительности профессору Б. П. Колесникову о том, что каменная берёза встречается и на Корякском хребте и что самая северная роща её находится за шестьдесят первым градусом северной широты, он категорически отверг даже предположение об этом. Будучи вежлив, он не приравнивал меня к Мюнхгаузену, но что-то близкое к этому прозвучало. Лишь когда удалось доказать, что эта берёза растёт ещё и по реке Вывенке, на мысе Говена и в бухте Лаврова, профессор согласился с такой возможностью. Кстати, несколько деревьев берёзы стояли и на возвышенности, недалеко от райцентра Тилички.

Я давно не бывал в этом крайнем северном форпосте камчатских березняков, но полагаю, что он заслуживает самой активной охраны.

Каменная берёза на Камчатке, почти без всяких изменений, сохранилась со времен тургайских лесов третичного периода, то есть на протяжении свыше пятнадцати миллионов лет. Сохранилась, несмотря на приступы моря, сильнейшие землетрясения, грозный рёв вулканов и два или три ледниковых периода. Сохранилась даже в таких суровых условиях, какие есть в северной части Олюторского района. Вот он, живой реликт древней жизни, оригинальный камчатский уникум!

В южной части полуострова условия лучшие, и берёзки здесь потолще. Посмотрите на эту «старушку» в густом окружении внуков и правнуков. Она почти двадцать метров высотой, а толщина превышает сто тридцать сантиметров. Три человека не могут взять её в кольцо. Да и возраст у неё весьма почтенный: перевалил за семь столетий. Много на Камчатке каменноберёзовых лесов, но даже у нас не часты такие старушки. А ведь она — двойной реликт: и древности, и возраста. Растёт она в Сельдевой и жива до сих пор.

У таких деревьев следовало бы вешать предупредительный плакат: «Реликт возраста. Любуйтесь, удивляйтесь и охраняйте!» Нужно бы и подлечить её, смотришь, ещё бы сотню лет простояла, да жаль, времени у нас не хватает. Но когда вам встретится такое дерево, отнесите к нему с уважением — старость с трудом переносит небрежность и раны.

Да и всему каменноберёзовому племени нужно бережливое, любовное отношение. Слишком медленно оно растёт и слишком большую роль играет в нашей камчатской природе.

Вы видели это?

*Стоят безмолвно, в изморозь одеты.
Камчатские прозрачные леса.
Умолкли песни, позабыто лето,
И всё же здесь увидишь чудеса.
Сугробов тени, след лисы — цепочкой,
Зайчишек тропы, горностаю вязь,
Мышонка парная, узорчатая строчка,
Что почему-то сразу прервалась...
И даже в самом маленьком лесочке,
У неказистых ивовых кустов,
В любой, по виду неприметной, почке
Зачатки будущих узорчатых листков!*

Конечно, это только часть лесных чудес. Полностью рассказать о них даже я не смогу, — это надо видеть. И чем пытливей глаза, тем более доступны им лесные тайны. Кстати, почему прервалась мышинная узорчатая строчка? Горностаю ли, соболь ли в том виноваты? А может быть, сычик мохноногий — маленькая сова поставили здесь последнюю точку? Много всяких тайн в лесу.

Скоро каникулы. Будут у вас, ребята, походы. Будут они и по лесам. Попробуйте разобраться в лесных тайнах! Конечно, не во всех, а хотя бы в некоторых. Только не беритесь сразу за парный, в два отпечатка, соболиный след. Этот дорогой и очень красивый хищник способен пробежать за ночь

сорок, а то и пятьдесят километров. А вот проверить, почему на мышинном следу поставлена последняя точка и кто её поставил, вполне возможно.

Зимует у нас до сорока видов птиц, но мы и сами толком не знаем, сколько же их действительно зимует. Не забывайте отмечать в дневнике каждую встречу с птицами. Это поможет науке, да и для себя интересно.

Посмотрите почки на разных деревьях. Они тоже расположены по-разному — то в разбежку, то рядком, парами. А если заглянуть внутрь, там колоссальная и очень интересная сложность могучих зачатков будущей летней жизни. Мало того, тут тебе и теплоизоляторы, и охладители, и многое другое.

А ведь всё это буквально рядом. Не проходите же мимо! Будьте пытливыми, любознательными. Но не будьте варварами. Привыкайте любить и уважать природу. Привыкайте охранять её чудеса, разгадывать её тайны, и она щедро отблагодарит эту заботу.

«Живая» вода Камчатки

Есть на Камчатке речка Киреевна, бурная, строптивая. Есть у неё приток со странным названием — Епепка. Этот и вовсе не боится самых злых морозов. Помню, в начале декабря на Киреевне, против Епепки, была большая открытая полынья, и вот представьте:

*Легли кругом пушистые, как вата,
Как нежный хлопок, зимние снега.
В их мягком блеске лишь одна заплата:
На полынье беснуется река...
Кипит, клокочет, тёмная с сединкой,
С морозом спорит — лижет снег и лёд.
А среди волн белёсый, с серой спинкой,
Крохаль спокойно, медленно плывёт.
Нырять вглубь, мороз ему не страшен,
Скользит по гребню пенистой волны...
А куст ольхи весь инеем украшен,
И всюду царство снега, тишины!*

Много у нас таких речек с «живой» водой. Правда, в их бурную «купель» способны нырять только отчаянные пловцы-крохали. Другие утки — чирки, кряковые, шилохвосты — предпочитают более спокойные воды, но и этих много. Богатые выходы подземных ключей, тёплые или горячие водоисточники помогают речкам побеждать мороз. Даже на озёрах остаются большие, всю зиму открытые полыньи, поэтому не удивительно, что многие виды уток предпочитают зимовать у нас, не хотят менять Камчатку на южные отдалённые места.

Не улетают от нас и красивейшие из водоплавающих — лебеди. Попробуйте побывать ранним утром на озёрных полыньях в Эульчонке или Рощиках, и вам наверняка удастся увидеть этих красавцев и не только увидеть, а при хорошем бинокле полностью оценить выражение «лебединая шея». Медленно, грациозно скользят лебеди по тёмной глади воды, в окружении ослепительно белых, как они сами, снегов, и, уверяю, нет на полуострове более прекрасной зимней картины.

Много на Камчатке удобных для зимовки птицы водоёмов. Большие табуны уток держатся всю зиму на Куражечном, Каменском и Харчинском озёрах в Усть-Камчатском районе. Много дичи зимует на Кроноцком озере. Держится она по реке Аваче и другим рекам полуострова.

Казалось бы, беречь надо как редкое украшение и сами зимовки, и зимующие на них табуны водоплавающих, но не всегда так происходит. Даже лебедей изредка подстреливают, а подстрелить зимнюю утку у многих охотников и рука не дрогнет.

К чести промысловиков, могу сказать, что это случается редко, а иногда и по «независящим» причинам. Так, промысловнику Алексею Дубровину кряковый селезень залез в настороженный на выдру капкан, и уж, конечно, спасти его, даже при желании, возможности не было. А вот другой случай не имеет оправдания. Прошлую зиму на Харчинском озере остался табунок чернетей, штук двадцать. Чернети у нас не зимуют, и, видимо, это были весьма поздние,

не готовые к отлёту выводки. Кстати, по ряду причин чернети в Усть-Камчатском районе стали редки, и тем более надо было сохранить зимовщиков. Однако этого не случилось — рыбаки гослова из бригады Л. А. Колупаева, не задумываясь, перебили всех уток. Между прочим, странно то обстоятельство, что приравниваемое к браконьерству ношение оружия в закрытое для охоты время на рыбаков гослова, добывающих карася, не распространяется. У них круглый год в палатках любое оружие, как будто карась вооружён, по меньшей мере, медвежьими зубами. Ну, и бьют в течение круглого года всё, что попадёт под выстрел.

Прошлый год, после ледостава, на полынье около Усть-Камчатска появилась масса уток-морянок, или, как их называют на месте, савок. Стрельба по этим уткам открылась такая, что стало опасно проезжать даже на речном трамвае. Понадобились специальные меры, чтобы несколько сократить охотничье буйство.

Своеобразна наша камчатская природа. Несмотря на суровость климата, она даёт возможность водоплавающим проводить зиму на месте, на своей родине. В этом случае закон об охране природы, о запрете стрельбы на зимовках птицы должен соблюдаться особенно строго. Видимо, можно и нужно применять против браконьеров все предусмотренные меры воздействия.

Но Камчатка велика, и без широкого участия общественности вряд ли удастся навести необходимый порядок. А без любви к родной природе это вообще невозможно. Вот почему я за то, чтобы каждый гражданин Камчатки участвовал в охране её природы из-за любви к ней, а не из страха наказания.

Зимовки птицы на «живой» камчатской воде должны быть неприкосновенны!

Осторожно: природа!

Зима покидает нас, и вряд ли кто об этом жалеет. Хороша она, но всем надоела. Зато впереди весна — красивое время года, пора чудесных цветовых контрастов. Вчера ещё

пугали грязные сугробы снега, а сегодня серебристо звучит первая песенка жаворонка. Вчера мы скользили по чуть оттаявшему серому косогору, а сегодня здесь показались резные листочки одуванчика. Недавно белые сопки вдруг ослепительно заблестели и накал солнца растёт — хоть раздайся. Так и движется всё — стремительно, неудержимо...

Хороша на Камчатке ранняя весна! Но мало кто знает, что это самое опасное для природы время: она легко уязвима, почти беззащитна.

Природа к умершему равнодушна. Для неё сброшенная листва, сухие сучья, травяная ветошь и прочий перегой — пища для новых поколений. Жизнь и смерть здесь так тесно связаны, что разделить их, даже условно, трудно. Ведь та же травяная ветошь, удобряя почву, служит и убежищем для очень многих живых существ. Только ненадёжно весной это убежище. Случись огонь — и такой костёр может быть, что не подступишься. Горит ветошь, а погибают и птицы, и животные. Гибнут кусты, деревья, рощи — целые массивы.

Охрана природы, в первую очередь её основного богатства — лесов — наша общая задача. Решающая роль в предупреждении и борьбе с лесными пожарами отводится органам лесного хозяйства. Но без участия и помощи всего населения Камчатки эту задачу решит нельзя.

В профилактической работе по охране лесов от пожаров можно выделить два основных момента: прогноз «пожарной» погоды и работа на основе этого прогноза. Ещё в 1964 г. были опубликованы средние многолетние графики такой погоды и фактической загораемости по Хабаровскому краю и Камчатской области.

В условиях Камчатской долины даже первая песнь жаворонка сигнализирует о возможности пожара: зима здесь малоснежна. С первым криком серощёкой поганки (гагары) эта возможность возрастает, с началом песен кулика — большого улита («травы-травы») — она усиливается, а под первое «ку-ку» становится угрожающе большой.

В лесорастительных условиях побережья, где глубина снежного покрова в отдельные годы свыше двух метров,

пожарная опасность наступает позднее, но и здесь с кукушкиными «ку-ку» она наивысшая.

За последние одиннадцать лет в Усть-Камчатском лесничестве не было ни одного лесного пожара, а мелкие травяные случались не ежегодно. Профилактика их строилась следующим образом. В крупных коллективах, где работа связана с передвижением по территории, основные беседы проводились заблаговременно, с указанием фенологических примет пожарной опасности. На лесосеках такая работа велась при систематических проверках. Свыше двухсот человек, работающих на покосах, извещались при выдаче билетов, а охотники-любители и рыбаки — в любое время, при встречах.

Хорошо работали такие энтузиасты охраны природы, как внештатные инспекторы П. А. Ефанов и П. В. Горбачёв. За все годы они не допустили ни одного пожара на очень опасных лесных участках.

Лесное хозяйство Камчатки имеет сейчас большую группу высококвалифицированных специалистов и непрерывно обогащается техникой. Уже можно ставить задачу не только предупреждения, но и быстрой ликвидации любых очагов огня в природе. Но если в решении этой задачи примет участие всё население Камчатки, то можно будет уверенно сказать, что наша природа не получит больше ран, наносимых небрежной рукой!

Нельзя забывать простого правила: осторожно, природа!

Зелёное ожерелье города

Почему окружающие наш город высокие холмы названы сопками, сказать трудно, но, видимо, за ребристый характер их вершин. Почему эти сопки названы — Никольская, Петровская, Мишенная, Зеркальная и так далее, сказать ещё труднее. В происхождении названий многое ещё предстоит выяснить. А вот сопка Любви, то есть та же Никольская, знакома каждому, даже впервые появившемуся на Камчатке. Вернее, это название он узнает ещё до приезда.

А ведь точнее, пожалуй, не скажешь, — действительно, «сопка Любви», любимая сопка. Возможно, что и самое древнее, ныне забытое, её наименование, ительменское или айнское, носило тот же смысл. Ведь любовь возможна не только к одушевлённому существу, но и народная любовь к определённом природному объекту. Часто такая любовь носила, как говорят, ритуальный характер. Здесь совершались какие-то действия, связанные с верованиями своего времени. Вот и Никольская, по свидетельству первопроходцев, служила «капищем» — местом жертвоприношений добрым богам, что вполне оправдывало народную любовь к ней.

Но вот два с четвертью века назад в Авачинской губе появились первые русские корабли. Красота губы и особенно так тщательно укрытого самой природой её залива — Ковша — поразила экипажи судов. Таких мест немного в мире. Вот почему здесь, с приходом русских военных судов и была заложена основа современного Петропавловска.

Долго путь в два с лишним века. Медленно строился город, почти не менялась окружающая обстановка. И даже когда его застигла беда, когда до зубов вооружённая англо-французская эскадра пыталась сбить русский флаг, стереть русский форпост на крайнем востоке России, когда пролилась кровь защитников родины, даже тогда природная обстановка изменилась мало. Казалось, что те же сопки, те же берёзовые рощи по ним. Но не совсем так. На той же Никольской сопке отдельные берёзы, поражённые вражескими ядрами, легли за русскую землю. Другие получили тяжёлые раны, но выстояли. Так сама природа вступила в строй воинов, помогая победе. Эффективность защиты города получила яркое выражение в памятниках, хотя события несколько стёрлись в людской памяти. Повреждённые деревья также залечили свои раны.

И вот новое, несравнимо более тяжёлое испытание для страны — Великая Отечественная война. Казалось бы, что тут могла пережить наша камчатская природа, когда бои шли за десяток тысяч километров от неё? Всё же пережить, да ещё весьма тяжело, пришлось. Современная война — это

не заход вражеского корабля в бухту. Война шла везде, особенно на морях. Через Камчатку же осуществлялось снабжение фронта запасами, поставляемыми союзниками. Пусть этот путь был долг, но зато относительно безопасен. Только Камчатке от этого не было облегчения. В значительной степени зависимая от материка, она должна была перейти на собственное снабжение, надеяться лишь на свои силы. А в области не хватало не только топлива, но даже картошки. Привезти же их из центральных районов полуострова мешало отсутствие дорог и транспорта. Кроме того, сразу возникла необходимость в строительстве оборонных сооружений, вместительных складов, убежищ и прочего. Вот тут природе неизбежно пришлось потесниться.

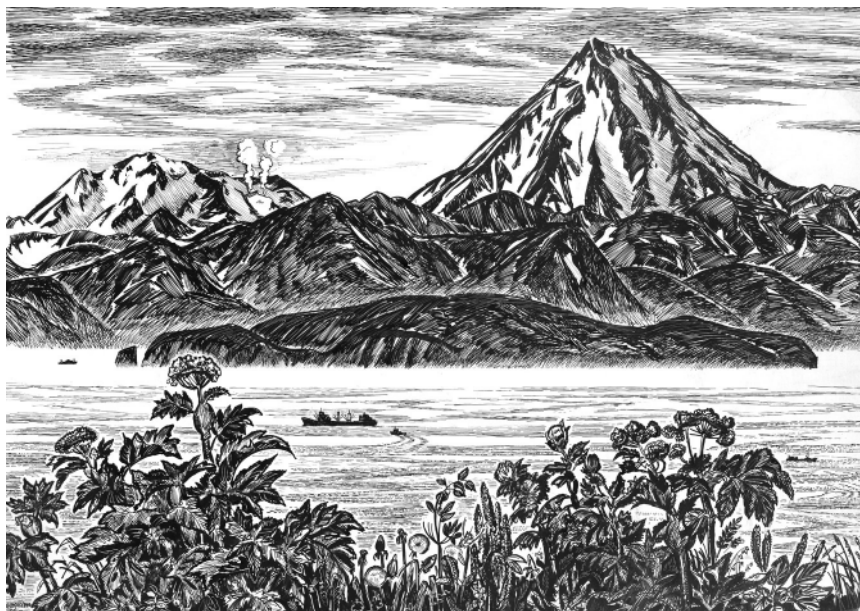
Прежде всего, пострадали Мишенная и Зеркальная сопки. Их склоны пошли под огороды, а великолепный зелёный наряд — на топливо. Этот наряд уже через пару лет исчез от подножья до макушки. Исчезли не только вековые берёзы, но и мелкий ольховый стланик. Решение было мужественным, но, видимо, не совсем разумным, — обнажённая почва на крутых склонах смывалась дождём, развевалась ветрами и к концу войны на оголённых участках обнажились коренные породы. Огородничество пришлось забросить.

Не легче, хотя значительно раньше, досталось и знаменитой «Зелёной роще» на судоремонтной верфи. Зелёный наряд при застройке исчез здесь бесследно. За рощей наступила очередь древостоев Кабан-ручья, последние из которых были вырублены к 1945 г., под корень, до самых крутых горных скатов.

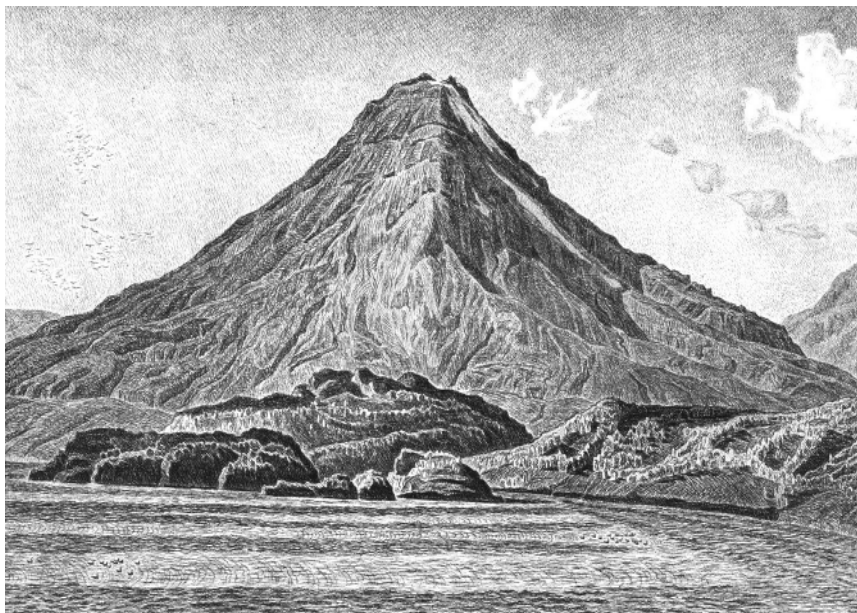
Однако этим дело не кончилось. Вторая половина 1945 г. оказалась ещё более тяжёлой. Начавшаяся война с Японией потребовала не только передислокации войсковых соединений с запада, но и новых жертв со стороны окружавшей город природы. Как на огне сгорели березняки шестого, восьмого и других километров, вплоть до Елизово. Быстро исчез березняк возле Синичкиных озёр, в тенистых кронах которого оживлённо токовали красавцы-глухари.

А. Ф. Винокуров. Пейзаж с Авачинским вулканом (ЖКМГИ 30578)

А. Ф. Винокуров. Авачинская бухта. 1976 г. (ЖОКМ ОФ 32029)

Р. И. Яушев. Вулкан у озера. 1984 г. Офорт (ККМГИ 23239)

Р. И. Яушев. На нерест. 1982 г. Офорт (ККМГИ 23256)

Не раз была под угрозой и заповедная красавица — сопка Любви. Надо сказать, что в годы войны даже малые запасы берёзового топлива на этой сопке прельщали многих, и вырубка их казалась вполне естественной.

Не легче досталось в эти трудные годы и Петровской сопке. Если с востока, со стороны Кабан-ручья, её «законно» вырубала судоверфь, то по остальным склонам всеми доступными способами, в том числе по ночам, древостой растаскивало ближайшее население. Этому способствовал и разрешённый отвод земель под застройку. Правда, группы кое-как слепленных домиков выросли на склонах довольно быстро, но ещё быстрее росли догола раскорчёванные площади огородов.

К этому надо прибавить, что за годы войны в городе значительно возросло поголовье скота. Только на Советской улице, от городской бани (сейчас — район расположения краевой администрации. — *Ред.*) до Госбанка, появилось более сорока голов крупного рогатого скота, а одна хозяйшка завела девять коз с многочисленным потомством. Козоводство становилось модным.

Фридрих Энгельс считал одной из причин оголения итальянских Альп от растительности усиленное разведение коз. Нечто подобное угрожало и пригородной растительности Петропавловска. Крупный рогатый скот, поднимаясь в гору, срывал травостой копытами, а козы, поедая дочиста кустарники, лишали покров привычной тени. В результате склоны на этом участке быстро пустели и разрушались. Природа не замедлила отомстить — в 1945 и 1947 годах с Петровской сопки на Партизанскую улицу скатились большие снежные лавины, принёсшие не только разрушение неустойчивых построек, но и человеческие жертвы.

Трудно достался этот период лесному хозяйству полуострова. О восстановлении леса и речи не шло. Правда, абсолютное большинство населения города и в те годы активно участвовало в озеленении. Примером этому служит садик против обкома КПСС (нынешний сквер Свободы. — *Ред.*) и у Камчатрыбпрома (рядом со школой

спортивных единоборств, что на улице Ленинградской. — *Ред.*). Но высаживались, главным образом, мелкие экземпляры тальника.

Сложнее обстояло дело с охраной росших по сопкам и окрестностям естественных древостоев. Лесников было явно недостаточно, а лесопарковая зона в государственный лесной фонд не входила. Поэтому нельзя не упомянуть лесообъездчиков Кублова, Неревяткина, Ходакова, больше курсировавших по Петровской сопке, чем на отдалённых лесозаготовительных участках. Хотя у них были общественные помощники, но и этого состава для охраны лесопарковой зоны не хватало.

Действенная помощь пришла с другой стороны. Результаты расхищения зелёной зоны вскоре стали достаточно заметны, и их требовалось пресечь более решительно. Много помогли в этом бывшие председатели облисполкома С. А. Васин и горисполкома Егоров. С их участием к охране были привлечены генералы Гнечко, Беляев, полковник Петров, командование Петропавловской военно-морской базы и другие военачальники. Войсковой патруль оказался самым активным помощником. Жаль, что такая помощь уже не оказывается.

Много энергии уделяли этому бывший начальник рыбного порта А. С. Херсонский, заместитель начальника Камчатрыбпрома П. М. Макштас, начальник Камчатморстроя А. Н. Виноградов и многие другие руководящие работники того времени. Помощь была оказана вовремя, требовалась лишь оперативность, координация всех усилий.

Большую заботу проявляли обком и горком КПСС. Я вспоминаю, как часто посещал в те годы окрестные сопки секретарь обкома М. А. Орлов, нередко на Никольской появлялись товарищи Шитиков, Романов, другие партийные работники. Много удалось тогда отстоять, сберечь, в том числе и сопку Любви. Однако в дальнейшем по превращении её в зону так называемого «активного отдыха», древостой здесь опять значительно пострадал. Кстати, надо заметить, что и первопроходцы нашли на этой сопке взрослый берёзовый

лес. Об этом же пишут Крашенинников и Дитмар. То же самое видим мы и сейчас. Прошло три столетия, весьма многое изменилось в жизни людей, а роща как будто совсем не изменилась...

Почему у нас делается не так, как при строительстве Новосибирского академгородка или города Ангарска? Почему генеральные планы составляются так длительно, что полностью отрываются от обстановки? Почему со строителей нельзя спросить за зря загубленные деревья? А пора бы относиться более по-хозяйски, ведь озеленительные работы не только трудоёмки и дороги, но далеко не всегда успешны. Да и высаживаемые породы деревьев не те, что выкорчевываются при застройках.

Можно привести и такой мелкий, но весьма неблагоприятный факт, как вырубка геологами вековых берёз в парке Халактырского аэропорта. Думается, следовало бы обязать их посадить тут новые деревья и ухаживать за ними все годы, пока саженцы не двинутся в рост, как следует. Такая мера приучила бы к бережливости. Ведь берёзы-то они срубили, а вот подготовить площадь под карьер в удалении от городской черты не сумели и за десяток лет.

Лесопарки нам, горожанам, нужны как никому другому. Каждая зелёная поляна и особенно каждое растущее дерево или куст нужны не только взрослым, но и детям, внукам и потомкам. Нужны не только для отдыха, для свежего воздуха, нужны они и как элемент окружающей нас красоты, действующей не менее оздоровительно. Поэтому охрана городского зелёного ожерелья должна вестись не только через официальные органы. Она должна быть коллективной, всенародной, но наряду с личной инициативой каждого, охраной организованной. Пока же в городе численность членов Всероссийского общества охраны природы явно недостаточна.

Во имя своего здоровья, во имя здоровья детей и внуков, каждому жителю города пора выполнить этот почётный долг, стать активным членом общества, следящего за пульсом нашей природы. Поверьте мне, пора!

Зелёная эстафета

Сбережение лесных богатств — основная задача работников лесного хозяйства. Выполняя её, они находятся на главных рубежах охраны природы и по долгу службы вынуждены общаться с ней непрерывно. Такое общение нельзя пока заменить никакой техникой. Только мозг человека способен подметить всё разнообразие проходящих в лесу изменений, сделать выводы и принять меры.

Небогаты по числу пород камчатские леса, но красивы они в любое время года. Даже зимой верхушки каменной берёзы заливают заснеженные склоны таким тонким нежно-малиновым цветом, что далеко не всякий художник способен его воспроизвести. Весной же и летом богатство цветовых оттенков вообще очень велико.

Не говоря о встречах со зверем, об опасных или смешных лесных приключениях, одно общение с камчатской природой уже романтично. Как-то пришли в голову такие строчки:

*Уходит жизнь — не месяцы, года...
Но всё влекут лесистые увалы,
Вершины сопок с плешинами льда
И шум прибоя о крутые скалы!*

Любители природы, лесники, всегда согласны со мной.

Но не об этой романтике, а о буднях труда хочется мне рассказать сегодня. Известно, что война не прошла мимо Камчатки. Многими из природных богатств пришлось пожертвовать во имя победы над фашизмом. Значительно поредели тогда рощи каменной берёзы даже у областного центра (Петропавловска. — *Ред.*). Оголилось много холмов и сопок, и не до восстановления лесов было в это трудное время.

Так и у нас в лесничестве (Усть-Камчатском. — *Ред.*) за годы войны была вырублена прекрасная лиственничная роща на Каменных холмах, в водоохранной зоне. От неё остались отдельные лиственницы и осины. Потом по неосторожности здесь прошёлся огонь и довершил дело. Красивые, лесистые холмы оплешивели, постарели и как будто сморщились. Однако природа сама взялась за восстановление

потерянного убора. Холмы постепенно начали зеленеть, но теперь уже за счёт берёзы, осины, тополя, рябины, ивы и другого разнолесья. Такие породы постепенно заняли тёплые, прогреваемые южные склоны. Главная же порода, лиственница, скромно начала селиться на северных холодных скатах, куртинами (группы деревьев или кустарников одной породы в смешанном лесу. — *Ред.*) и в одиночку, но и здесь берёза с ивой теснили всходы, заглушая их, лишая возможности расти вверх.

Работники лесничества с 1956 г. взяли над этой основой будущего лиственничного леса своего рода шефство. Они ежегодно проводят здесь рубки ухода — осветляют молодые лиственницы, удаляя вокруг них малоценные недолговечные породы. Прошло совсем ещё мало лет, а уже видно, как благодарно отзывается молодняк на эту заботу. Если до ухода годовой прирост в высоту не превышал пятнадцать-двадцать сантиметров, то теперь он достигает восьмидесяти сантиметров, а у отдельных стволиков — и до метра. Много лиственничного молодняка уже сравнялось по высоте с другими породами, и теперь ему не грозит затенение.

Лесники Г. С. Мальков, Н. М. Парамонов, Г. Д. Краснов и другие все эти годы не только дружно ухаживают за молодняком, но и постоянно посещают этот участок, охраняя его от огня, порубки и повреждений. Уже сейчас видно, что лиственница на Каменских холмах будет, и холмы вновь станут такими же красивыми, как и до войны. А чтобы ускорить это, лесники займутся нынче пересадкой лиственницы с северных склонов на южные, выбирая посадочный материал из наиболее густых куртин.

Так простая производственная деятельность через охрану природы и приумножение лесных богатств переплетаются с романтикой. Ибо разве не романтика заложена в самой попытке восстановить утраченную красоту природы для потомков — новых людей коммунистического общества? Передать зримую зелёную эстафету в будущее — это настоящая, но очень увлекательная романтика, которая дана не каждому.

9 мая 1961 г., пос. Ключи

Передано по телефону для камчатского радио 11 мая 1961 г.

КОКМ ОФ 35026/2

«ТРОПА ЗАГАДОК И ЧУДЕС»

*Кого ж одуванчик прельщает —
Живая модель простоты?
Он чаще, средь леса, мешает,
Скрывая другие цветы.
Но ранней весной по газонам,
У тропки, забора, стены
Его золотые бутоны —
Желанные гости весны.
Ещё интересней — в морозы,
Убившие всю красоту,
Под натиском зимней угрозы
Найти одуванчик в цвету.
Пусть он глядит сиротливо —
Красу его трудно ценить,
Но в нём основное красиво:
Уверенность — жизнь не убить!*

* * *

*Кукушка нынче долго тосковала
По нежному зелёному листку:
Берёза сонная никак не отвечала
На призывное, звонкое «Ку-ку».
И было странно: всё внизу проснулось,
Лишь спят берёзы, точно сухостой...
Казалось — в мире что-то повернулось,
Придавленное «зимнею пятой».
Но все ж не зря «работала» кукушка —
Берёзы слушали, отсчитывая дни,
И в такт «ку-ку» от низа до макушки
Свои «флажки» развесили они.*

* * *

*Зима... Морозец... Тихо входишь в лес:
Сквозит ветвей густая паутина,
Ведёт тропа загадок и чудес,
И что ни шаг, то новая картина...*

*Куржа с берёз на след ложится мой,
Сорочки «крестики» присыпала, прикрыла,
Лисицы «шнур» отчётливый, ночной,
Как важный штрих слегка посеребрила.
Какой смешной, затейливый «привет»
Зайчишка вывел...*

* * *

*Сбив с ветвей пушистую куржу,
Алые, как праздничные розы,
Обменявшись вежливым «жу-жу»,
Снегири расселись на берёзы.
Завели степенный разговор:
«Ягод нет, и лопухов не стало,
На ветвях серебряный убор,
На земле сплошное покрывало.
Но хорош малиновый наряд
С тёмно-серой, пепельной каймой.
И недаром люди говорят —
Нет красивей снегиря зимою»...*

* * *

*Он уходил в измеренные дали,
В толпу других, прошедших под окном.
А мы секунды краткие считали,
Чтоб Новый встретить тостом и вином.*

* * *

*Стонет жалобным стоном тайга —
Рвёт деревья январский мороз.
Лишь бурлит говорливо река
И по-прежнему точит утёс.*

* * *

*На прощанье кукушка вчера
Целый день по берёзам крутилась,
А сегодня, туда же, с утра
Стайка тёмных дроздов опустилась.*

*Я на миг показался в окне,
И «чак-чак» зазвучало так чисто,
Но не слышалось гимна весне —
Озорного, разбойного свиста.
...Улетели кукушки, дрозды,
Показавшись с прощальным приветом.
А под вечер, с большой высоты,
Мне и кроншнеп напомнил об этом.
Отозвавшись печально «кли-и»,
Он исчез в догоравшем закате...
Вслед им шли пожеланья мои
О счастливом весеннем возврате!*

О РАБОТЕ В ЛЕСНОМ ХОЗЯЙСТВЕ ЗА ТРИДЦАТЬ ШЕСТЬ ЛЕТ

Вся моя трудовая деятельность связана с лесным хозяйством Севера и Дальнего Востока, и жалеть об этом у меня нет основания. Практически работа началась в октябре 1927 г. в довольно глухом углу КомиАССР. Помоздинское лесничество — это более полутора миллионов гектаров чудесной северной тайги, с глухарями и рябчиками, медведями и сохатыми, с чистейшими речками и ключами.

Годы нэпа ещё не вполне ощущались: в лесничестве работало два концессионера: «Русанглолес» и «Русголандлес». Хотя оба они заготавливали не более тридцати тысяч кубометров отборнейшей северной сосны, хлопот с ними хватало, ведь рубки велись на прииск и на довольно жёстких условиях. Но это продолжалось недолго. К 1930 г. концессионеров здесь не осталось и началось развитие отечественной лесной промышленности. Полученные до этого практические знания северных лесов в дальнейшем очень пригодились при организации леспромхозов. В эти же годы шла большая комсомольская работа по коллективизации, за развёртывание лесозаготовок, против национал-шовинизма.

За семь лет много было исхожено с карандашом и фотоаппаратом по лесным дебрям обширного края: вся Вычегда,

Печора от истоков до устья, многие их притоки, в том числе Ухта, Воркута, Подчерем, Илыч и другие. Довелось быть в Большеземельской тундре, на острове Вайгач и в западной части Карского моря, не говоря о Белом и Баренцевом, пересечённых неоднократно. В те времена все перечисленные места или только начинали обживаться, или были ещё глухи и пустынно. Большое количество сделанных мной фотографий передано в Коми-музей, много корреспонденции помещено в газетах и журналах.

Хочется отметить, что в те годы задача сбережения не стояла так остро, как сейчас. В лесных богатствах ещё следовало разобраться, а найти даже авиационную сосну (то есть пригодную для изготовления частей самолета. — *Ред.*) в море сосновых лесов совсем не просто. Поэтому проникновение на собственный риск, чаще всего в период отпуска, в самые глухие уголки тайги находило поощрение.

При этом, как и в дальнейшем, привитая в детстве привычка охранять всё интересное и ценное явилась основой всей моей работы — ходить не для того, чтобы просто глядеть, а чтобы знать, уметь использовать и охранять. Значительно способствовало этому и повседневное общение с народом коми — первоклассными охотниками и следопытами, очень бережливыми к красоте и богатствам природы.

Об исключительном своеобразии Тиманского кряжа и Северного Урала, их природе и людях можно говорить долго, но уже через семь лет, по молодости, захотелось побывать ещё дальше, в ещё более своеобразной обстановке. Поэтому с декабря 1935 г. новым местом работы стала Камчатка. Можно не скрывать, что и тогда, то есть почти через два десятилетия после установления советской власти, Камчатка большинству западных жителей представлялась как место «весьма отдалённое» со всеми подробностями, подсказываемыми воображением. Однако в действительности всё оказалось гораздо проще и интереснее.

Пять лет камчатской жизни прошли в Усть-Камчатском райлесхозе (леса местного значения, занимавшие большую часть Камчатки, кроме хвойного острова). Работа была обыч-

ной, если не считать охрану природы. За пять лет здесь не было ни одного серьёзного лесного пожара, удалось сохранить многие лесные массивы, в том числе нетронутые березняки Заречного (Харчинского) хребта, которые вместе с молодыми древостоями около посёлка Ключи составляют замечательную по красоте зелёную зону. Ясно, что они охраняются сейчас ещё лучше.

За то же время были большие переходы пешком, верхом, на лодке и на собаках, иных видов транспорта не было. Это позволило хорошо познакомиться с хвойными, берёзовыми, тополёвыми, ветловыми и другими древостоями от Петропавловска до Анапки, или практически по всему восточному побережью.

Кроме того, были восхождения на Ключевской, Толбачикский вулканы и Шивелуч для ознакомления с зональным размещением растительности по высоте.

За этим периодом следует работа в Тиличиках (Олюторский район). Здесь проведена организация лесничества, действующего и поныне. Лесов там немного — тополь, ветла, но стлаников и оленьих пастбищ достаточно. Опять большие разезды и переходы как по рекам района, так и в бухты Лаврова, Натальи, к Майна-Пыльгину, через Рекинникский и Парапольский доли до Таловки, Каменского, Пенжины. Между прочим, при этом обнаружена самая северная роща каменной берёзы в долине речки Пылгаваям и самая южная роща анадырской берёзы в вершине реки Апуки. Смыкания этих пород на восточном побережье нет.

Отдельные учёные, например, Б. П. Колесников, выражают сомнение в наличии каменной берёзы на Корякском хребте, не подкрепляя этих сомнений фактами. Мне пришлось много работать с каменной берёзой до Олюторского района и видеть её крайние северные рощи и рощицы не в порядке воздушной разведки, а так сказать, осязательно, зримо и достаточно долго. Более того, использовать её при оборудовании и ремонте собачьих упряжек. Кстати, эту берёзу, не в пример анадырской, предпочитает и коренное население. Совершенно ясно, что такие островки берёзы были взяты под охрану,

рубка в них запрещена, кроме крайних нужд, причём местное население охотно помогало этому.

К сожалению, в годы Отечественной войны наиболее близкие березняки, особенно по реке Вывенке, были значительно изрежены для заготовки покатов (брёвен, использовавшихся для вытягивания на берег маломерных деревянных судов. — *Ред.*). Рыбные покаты из северной каменной берёзы выдерживают многократные подъёмы кунгасов, а заготовка их в южных лесистых районах и сейчас не налажена.

Жаль, что не удалось сохранить ни фотографий этого времени, ни даже остальных материалов. Сохранилась лишь схема размещения берёзовых роц по территории района.

Наиболее трудным для работы в лесном хозяйстве, как, впрочем, и в других отраслях народного хозяйства, были годы Великой Отечественной войны и первые послевоенные. Большую часть этого времени мне пришлось руководить Петропавловским лесничеством.

Недостаток ощущался во всём, а особенно в топливе, транспорте и овощах. Естественно, что трудно было спасти зелёный убор сопки Мишенной, четвёртого-шестого километров, Кабан-ручья и многих других ближайших мест в окрестностях Петропавловска. Как пример, одной из жертв, принесённых городом войне, является Мишенная сопка. Её вырубали за год в основном под огороды рабочих и служащих. Но не успела окончиться война, как огороды были заброшены. Оголённая почва к этому времени была смыта водой и развеяна ветрами. Восстановить здесь былой древостой — сейчас довольно трудная задача.

Такая же участь ожидала Никольскую и Петровскую сопки. Было много попыток разделить там огороды, нарубить дров, занять участки под неплановую застройку. Хуже всего для дела охраны было отсутствие городских лесников, освобождённых от наблюдения за другими объектами, Горзеленстрой же ещё не существовало.

Активно помогали охранять зелень указанных сопки бывшие лесники Бобков, Кублов, Неревяткин, группа общественных лесников, в их числе и моя жена М. А. Комарова.

Но и это не помогло бы без поддержки руководителей города. Бывший председатель горисполкома Егоров, секретарь горкома ВКП(б) Романов и председатель облисполкома С. А. Васин никогда не отказывали в помощи, если вопрос шёл о Никольской или Петровской сопках. Нельзя не назвать и ныне покойного И. И. Черняка, болезненно переживавшего в те годы гибель каждого деревца в городской черте. Много помогал в сохранении зелени на сопке над рыбным портом его начальник А. С. Херсонский, высылая туда даже специальные патрули. Всё это, используемое лесничеством, и помогло сберечь такой памятник природы и русской славы, как Никольская сопка, а вместе с ней зелень и на Петровской сопке.

За этот же период мне, по поручению партийных органов, неоднократно приходилось проводить летнюю рыбную путину на рыбокомбинатах западного побережья Камчатки, что давало возможность детального ознакомления с его растительностью. К тому же не раз удавалось пересекать Срединный хребёт, то есть практически знакомиться со всей поверхностью полуострова.

В конце 1948 г. на меня легла задача формирования новых лесных органов — лесхозов. По поручению Хабаровского краевого управления лесного хозяйства были укомплектованы Петропавловский, Большерецкий, Усть-Камчатский и Тигильский (Корякский) лесхозы.

На этом моя работа на Камчатке временно прерывается — в 1949 г. я был отозван в Хабаровск на должность начальника отдела охраны леса краевого управления лесного хозяйства.

1949—1955 гг. были временем большой и напряжённой работы, хотя это и звучит несколько нескромно. Огромная территория края, сложность географических и лесорастительных условий, малая обжитость отдельных районов, недостаточная связь с ними и ряд других обстоятельств требовали отдачи всех сил и большой оперативности. К тому же в этот период попадает ряд весьма пожароопасных лет, когда лесные пожары бушевали на большой территории. Понятно, что кроме чисто организационных мер требовалось

и личное участие в ликвидации особо опасных и протяжённых очагов.

За это же время обработаны ранее собранные материалы по Камчатке, Дальнему Северу, написаны и изданы «Леса Камчатки», московское и хабаровское издания, «Леса Чукотки», магаданское издание, много статей и заметок о Камчатке, включая и стихотворные произведения. Был организован Средне-Камчатский лесхоз и, насколько возможно, подкреплена материальная база всех лесхозов.

Несмотря на хорошие условия работы в краевом аппарате, в декабре 1955 г. я вернулся на Камчатку. Этого требовало состояние здоровья и, видимо, любовь к полуострову. Серьёзные нарушения сердечной деятельности сократили для меня не только возможный масштаб работ, но и, особенно, масштаб передвижений. Поэтому лучшим местом стало знакомое ранее Усть-Камчатское лесничество.

О периоде работы с 1955 г. сказать особенно нечего. Сохранялась зелёная зона, не допущено ни одного серьёзного лесного пожара, даже мелкие загорания в отдельные годы удавалось предупредить. Сейчас всё больший размах приобретают лесокультурные работы. Так, лишь за последние два года посеяно 67,5 гектаров лесокультур и проведено содействие естественному возобновлению на площади 420 гектаров. О таких темпах ещё недавно можно было только мечтать. Принципиально важным является также широкое введение в культуру сосны, а только такое введение может показать её пригодность или нерентабельность в условиях Камчатки. Вводить в лесокультуры сосну я пробовал, начиная с 1936 г., но мизерные площади и выращивание отдельными экземплярами ничего практически не дало, сосна в конце концов гибла, и в Ключах, и в Петропавловске.

Скажу ещё, что я не теряю тесной связи со многими учёными — лесоведами и биологами. Правда, обмениваться печатными работами пока не могу, но от них получаю все новинки.

В ближайшее время, видимо, пройдёт работа по комплексным показателям в журнале «Лесное хозяйство». Коррек-

туру я уже сделал. Девятилетние фенологические наблюдения в окрестностях поселка Ключи частично опубликованы, а полностью направлены в фенологический сектор Всесоюзного Географического общества и, как сообщили, будут помещены в иркутских изданиях. Все эти посильные, кроме основных, работы ведутся мной и сейчас.

В заключение хочу сказать, что в этом кратком перечне я стремился изложить лишь основное направление работы в лесном хозяйстве, придерживаясь хронологической последовательности, а отнюдь не детали этой работы. И если отдельные детали всё же несколько освещены, то лишь потому, что без них тот или иной период был бы менее понятен.

29 июля 1964 г., пос. Ключи

НАШ ПАВЕЛ НИКОЛАЕВИЧ ДЬЯКОНОВ

Воспоминания Н. Н. Герасимова

Знакомство моё с Павлом Николаевичем, к сожалению, было очень коротким. Однажды, случилось это где-то в конце шестидесятых, мы встретились в Управлении охотничьего хозяйства. К этому времени я, госохотинспектор, уже стал проявлять себя как начинающий камчатский орнитолог.

Наш первый разговор помню почти дословно:

— Николай Николаевич, правда ли то, что вы насчитываете на Камчатке около двухсот видов птиц?

— Да, Павел Николаевич, приблизительно столько.

— А вот у меня около ста семидесяти.

— Вы, скорее всего, не смогли посчитать многих морских, а я, мотаясь летом и зимой по Авачинской губе, вижу их, отстреливаю для музеев.

— Вы знаете... Я написал небольшую книжечку о птицах Камчатки. Обращался к известным орнитологам: её к публикации не берут. Не могли бы вы её посмотреть?

— С удовольствием, Павел Николаевич!

Через несколько дней рукопись, напечатанная на серенькой бумаге, была у меня. Я «впился» в неё буквально тотчас: ведь она воплощала бесценный тридцатилетний исследовательский труд человека, искренне любящего птиц. Множество подлинных находок, особо ценных тем, что на Камчатке они открывались впервые.

И ещё меня очень поразили авторские стихи о птицах. Вместе с тем, читая, я понял, что многих птиц Павел Николаевич видел только издалека, через бинокль, вероятно, тоже не лучшего качества. И птиц он, в отличие от меня, похоже, не отстреливал. Отсюда набралось шесть неточностей в их описаниях и определении. Об этом я известил автора при нашей следующей встрече.

— Николай Николаевич, вы не смогли бы отредактировать её для печати? И... мы бы опубликовали её под нашими двумя фамилиями.

— С удовольствием поправлю, но убавлю вполтину. Что же касается вашего предложения... Я очень надеюсь, оно шло от души, но... не из желания меня обидеть.

Павла Николаевича вскоре не стало. В управлении лесного хозяйства мне передали второй экземпляр той рукописи. Остальные копии, скорее всего, затерялись. К счастью. Мои попытки куда-нибудь пробиться с публикацией работы Дьяконова оказались безуспешными: 1970—1980-е гг. для этого были малоподходящими.

С целью «посмотреть» дьяконовский труд трижды «пикировали» на меня хваткие молодые орнитологи. Но я ещё с юных лет осваивал русский язык не только в части высокохудожественной словесности, поэтому мои ответы тотчас отбивали у этих любителей чужих рукописей желание обращаться ко мне с этой просьбой вторично. Представляю, что осталось бы от работы автора после её прочтения теми «юными дарованиями».

Шли годы, вырос учёный из моего сына Юрия. Он ещё раз отредактировал труд Павла Николаевича, и во втором номере нашего специализированного институтского сборника «Биология и охрана птиц Камчатки», наконец, появи-

лась полноценная научная статья П. Н. Дьяконова «Птицы долины реки Камчатки». Ещё одна научная работа Павла Николаевича «Орнитологическая фенология долины реки Камчатки», отражающая наблюдения автора с 1956 по 1964 гг., опубликована в седьмом институтском сборнике. О Дьяконове рассказывали мы в газете и научно-популярном выпуске «Наши пернатые соседи». И это, надеюсь, не последние упоминания о замечательном, страстно любившем природу Камчатки человеке — Павле Николаевиче Дьяконове.

Декабрь 2012 г.

Воспоминания Н. С. Карпухина

Об этом удивительном человеке можно говорить и писать много и долго. Правда, встречаться мне с ним лично приходилось не так уж часто. Работали мы в системе лесного хозяйства, но географически достаточно далеко друг от друга: он в посёлке Ключи, я — в Петропавловске-Камчатском. Встречались, как правило, во время командировок: или я вылетал в Ключевское лесничество, или Павел Николаевич прибывал в город на какое-нибудь совещание по лесным делам. Теснее удалось пообщаться после того, как его пригласили в областной центр возглавить президиум областного совета Всероссийского общества охраны природы (ВООП).

Каждая встреча с этим человеком была не просто интересной, она открывала всё новые и новые грани его широкой души, помогала спокойно разобраться в самых сложных хозяйственных, специальных и просто житейских ситуациях. Многие знают, что он первым на Камчатке получил звание «Заслуженный лесовод РСФСР». Но не все знают, за что ему была оказана такая честь. Судите сами.

Первая опубликованная книга о лесах Камчатки связана с его именем. Она так и называлась: «Леса полуострова Камчатки», авторы — Г. Ф. Стариков и П. Н. Дьяконов. В Ключевском лесничестве обязательные для того времени фенологические наблюдения за лесом он довёл до уровня

ведения летописи природы, и эта познавательная форма вскоре прижилась во многих других лесничествах и, что особенно важно, — в школах Камчатской области.

На посту заместителя председателя президиума областного совета ВООП (в 1960—1970-е гг. это, пожалуй, единственный авторитетный орган в области охраны окружающей среды) им было проведено в жизнь немало полезных дел. И опирался Павел Николаевич на не менее авторитетный научно-технический совет при президиуме облсовета ВООП. В состав научно-технического совета общества входили такие авторитетные учёные, как И. И. Лагунов, А. Г. Остроумов, В. А. Афанасьев, Д. Ф. Ефремов, Г. А. Карпов, Р. С. Моисеев, Б. Б. Вронский, Е. К. Мархинин, В. В. Аверьев и многие другие. С мнением научно-технического совета считались в обкоме КПСС и облисполкоме.

Павел Николаевич и вся его семья отличались искренним, неповторимым, каким-то очень тёплым домашним гостеприимством.

Хочу сказать ещё об одном, сугубо профессиональном увлечении Павла Николаевича. Известно, что Камчатка в силу географической изоляции, суровости и мозаичности климата имеет бедный флористический состав. Бедность флоры, особенно лесообразователей, сохраняется и в тех районах, где условия достаточно благоприятны для произрастания древесных пород. В таких местах, в сопоставлении с географическими аналогами, естественный исторически сложившийся набор древесных пород явно не соответствует возможностям биоклиматического потенциала. Такое несоответствие всегда порождало стремление привнести сюда привычные для психологии переселенцев виды растений. В результате на Камчатке в давние времена возникла стихийная интродукция (введение новых видов в другую среду обитания. — *Ред.*) растений, а также и животных.

В то же время история экспериментального изучения интродукции древесных растений на полуостров началась сравнительно недавно, немногим более пятидесяти лет назад. Она велась силами энтузиастов, работников лесного

хозяйства, среди которых следует назвать П. Н. Дьяконова, Е. И. Родину, М. Н. Трекина, З. Г. Котову, Т. Д. Бердину, В. В. Лукьянову, А. П. Здоренко, В. Я. Шестеркину, В. Н. Луцкевич и других.

И всё же пальму первенства следует отдать именно Павлу Николаевичу. Впервые оказавшись в Ключах в начале 1960-х гг., я был приятно удивлён, увидев в садике у конторы лесничества цветущие сугубо материковские сирень, яблони сибирскую (дикую форму), жёлтую акацию и даже жасмин (чубушник).

Лесничий П. Н. Дьяконов рассматривал эту вынужденно сложившуюся бедность видового состава древесных и кустарниковых растений как учёный-лесовод, знаток закономерностей эволюции растительного и животного мира, и уже в те далекие годы исповедовал экосистемный подход к изучению природных комплексов полуострова. Об этом свидетельствуют и оригинальная форма организации фенологических наблюдений за лесом, незабываемые «дьяконовские» календари природы и многое другое.

В середине 1950-х — начале 1960-х гг. в Мильковском, Ключевском, Щапинском, Козыревском лесничествах в центральной части полуострова, а также в лесничествах Елизовского лесхоза на юге, в небольших объёмах, но ежегодно и в плановом порядке начали высаживать культуры сосны обыкновенной (*Pinus sylvestris* L.) и, частично, лиственницы сибирской (*Larix sibirica*).

В последующие годы видовой состав высаживаемых экзотов (новых видов. — *Ред.*) всё более расширялся, росли объёмы посадок. Теперь, по прошествии многих лет, мы убедились, что биоклиматический потенциал многих местообитаний в территориальных пределах благоприятных лесорастительных условий позволяет выращивать здесь широкий ассортимент древесных пород-экзотов, отличающихся быстрыми темпами роста и высокой продуктивностью, хозяйственно ценными качествами, лесобразующими свойствами в среде своего естественного произрастания в близких или аналогичных камчатским лесорастительных условиях.

Последняя цель имеет для Камчатки особое значение, учитывая психологию переселенцев из лесных географических районов и ностальгическую привязанность к любимому дереву как инструменту закрепления осёдлости населения. И, конечно, этот процесс «переселения» будет, несомненно, продолжен.

Но уже сегодня мы можем назвать «поименно» виды древесных растений — экзотов, успешно обживающих камчатскую землю. Это:

— лиственница сибирская (*Larix sibirica*) — самая перспективная порода. Легко образует сомкнутые древостой и плантации, достигая товарных качеств древесины и габитуса (внешнего вида. — *Ред.*) к сорокалетнему возрасту. Растёт в два раза быстрее аборигенной лиственницы курильской (*Larix cajanderi* Mayr);

— ель обыкновенная, или колючая (*Picea abies*) — перспективная порода для создания сомкнутых древостоев и плантаций. Растёт в пять раз быстрее аборигенной ели аянской. Обладает высокими декоративными свойствами;

— ель корейская (*Picea koraiensis* Nakai) — очень ценная порода из-за своего габитуса, достигает сорока пятиметровой высоты, и темпов роста. Растёт быстрее ели аянской в семь-десять раз. Обладает высокими декоративными свойствами;

— сосна обыкновенная (*Pinus sylvestris* L.) — ценная порода, обладает высокими декоративными свойствами. Перспективна для повышения декоративных и биотопических свойств лесов (способности образовывать отдельную группу на лесном участке, занятом другими видами. — *Ред.*);

— кедр корейский (*Pinus koraiensis* Siebold et Zucc.) — очень ценная, декоративная орехоплодная порода с прекрасными качествами древесины. Перспективна для повышения декоративных и биотопических свойств лесов;

— кедр сибирский (*Pinus sibirica*) — очень ценная, декоративная орехоплодная порода с прекрасными качествами древесины. По продуктивности не уступает показателям таковой в естественном ареале произрастания. Перспектив-

на для повышения декоративных и биотопических свойств лесов и плантационного выращивания.

И это далеко не полный перечень. Теперь в озеленении населённых пунктов и на дачах нередко мы видим и клёны, и различные виды сиреней, чубушник, акацию жёлтую, облепиху, и даже голубую ель. Ну, как за это не сказать ещё раз спасибо Павлу Николаевичу Дьяконову и другим энтузиастам лесного дела, которые пошли по его пути.

Спасибо им за это и низкий поклон!

Апрель 2013 г.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Дьяконов П. Н. Фенологические показатели окрестностей посёлка Ключи // Сб. тр. / ДальНИИЛХ. — 1963. — Вып. 5. — С. 312—316.

2. Дьяконов П. Н. Графическое определение комплексного показателя пожарной опасности // Лесное хозяйство. — 1964. — № 9. — С. 61—62.

3. Дьяконов П. Н. Пяденицы на Камчатке // Природа. — 1965. — № 8. — С. 127—128.

4. Дьяконов П. Н. Сезонные ритмы природы в районе посёлка Ключи // Вопросы географии Камчатки. — 1966. — Вып. 4. — С. 23—31.

5. Дьяконов П. Н. Наблюдения камчатской природы (в помощь фенологу). — Петропавловск-Камчатский: Дальневост. кн. изд-во, 1966. — 32 с.

6. Дьяконов П. Н. Календарь природы окрестностей посёлка Ключи // Ритмы природы Сибири и Дальнего Востока. — Иркутск, 1967. — Сб. 1. — С. 94—97.

7. Дьяконов П. Н. Три феномена природы // Вопросы географии Камчатки. — 1967. — Вып. 5. — С. 174—176.

8. Дьяконов П. Н. Аномалии яйценоскости пернатых // Вопросы географии Камчатки. — 1967. — Вып. 5. — С. 176—177.

9. Дьяконов П. Н. Зелёный друг Камчатки. — Петропавловск-Камчатский: Дальневост. кн. изд-во, 1973. — 96 с.: ил.

10. Дьяконов П. Н. Птицы долины реки Камчатки // Биология и охрана птиц Камчатки. — Петропавловск-Камчатский: КФ ТИГ ДВО РАН, 2000. — Вып. 2. — С. 16—25.

11. Дьяконов П. Н. Орнитологическая фенология долины реки Камчатки // Биология и охрана птиц Камчатки. — Петропавловск-Камчатский: КФ ТИГ ДВО РАН, 2006. — Вып. 7. — С. 116.
12. Стариков Г. Ф., Дьяконов П. Н. Леса полуострова Камчатки. — М. : Л.: Гослесбумиздат, 1952. — 118 с.
13. Стариков Г. Ф., Дьяконов П. Н. Леса полуострова Камчатки. — Изд. 2-е, перераб. — Хабаровск, 1954. — 152 с.
14. Стариков Г. Ф., Дьяконов П. Н. Леса Чукотки. — Магадан, 1955.
15. Стариков Г. Ф., Дьяконов П. Н. Упорядочить терминологию лесного пожароведения // Лесное хозяйство. — М., 1959. — № 9.
16. Стариков Г. Ф., Дьяконов П. Н. Пожары в лиственных лесах Приамурья // Вопросы географии Дальнего Востока. — Хабаровск, 1957. — № 3.
17. Султанова Н. Украсить край родной (о П. Н. Дьяконове) // Камчатская правда, 1980. — 6 сент.
18. Кторов А. Имени Павла Дьяконова // Камчатская правда, 1975. — 5 июня.
19. Гриднев Ю. Хранитель леса // Камчатская правда, 1966. — 15 июня.
20. Мазуренко М. Т. Дорогой мой ботаник. — М.: «Лазурь», 2006. — 544 с.

Содержание

Времена и годы лесовода Дьяконова	3
Биография житейская	3
Штрихи творческой биографии	30
Времена камчатского года	51
Январь — третья зима года	52
Новый год — к весне поворот!	54
Камчатской зиме — половина	58
Февраль-бокогрей	60
Вот она — шапка!	62
Февраль — весне просёлок	66
Март — весне начало!	67
На грани весны	69
Прощание с зимой	71
Апрель — весна света	72
Весна света и воды	75
Апрельские сюрпризы	77
Бывает, и май-водолей апреля злей	79
Нет, ещё не «травень»!	83
Весна воды и первых заповов	84
Месяц желанных зорь	86
Июнь — румянец	88
Какая нынче весна?	91
Июль-«страдник» — макушка лета	95
Зелёная макушка	99
Август — «густырь»	101
Август с осенью роднится	105
Сентябрь-живописец	107
Сентябрь, не предзимок ли?	109
Лирика осени	111
Месяц тёмных ночей	116
Октябрь-листобой	118
Ноябрь — зиме начало	120
Были зазимья	124
Зимы дыханье	127
Декабрь — канун новогодья	129
Осторожно, природа!	132
Кровь на траве	132
Далёкое — рядом	135
Лесные долгожители	137

Самая северная роща	139
Вы видели это?	144
«Живая» вода Камчатки	145
Осторожно: природа!	147
Зелёное ожерелье города	149
Зелёная эстафета	157
«Тропа загадок и чудес»	159
О работе в лесном хозяйстве за тридцать шесть лет	161
Наш Павел Николаевич Дьяконов	167
Воспоминания Н. Н. Герасимова	167
Воспоминания Н. С. Карпухина	169
Библиография	173